

Библиотека англо-американской классической фантастики

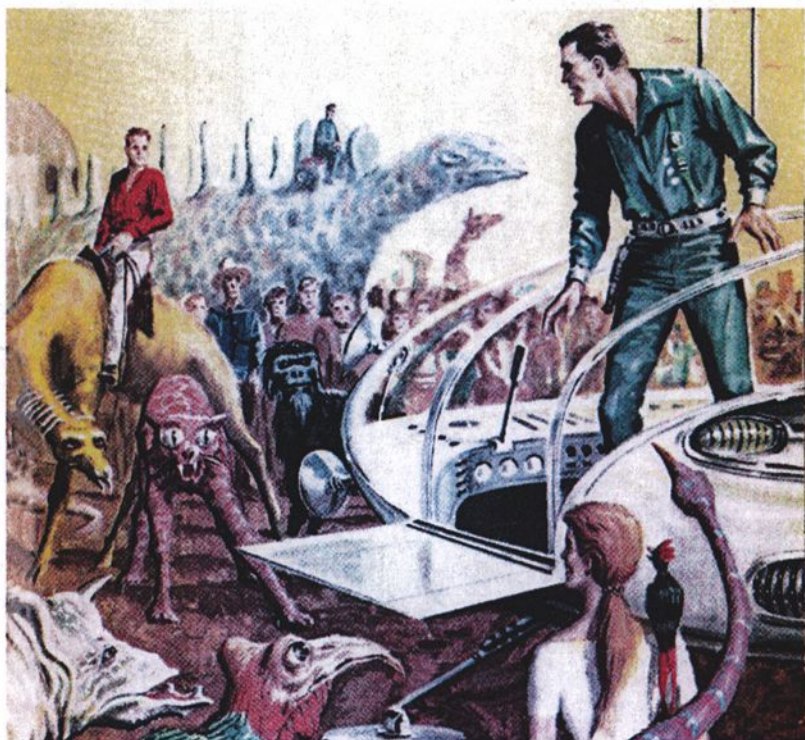
Деймон Найт

МАСТЕРА ЭВОЛЮЦИИ

Деймон
Найт

МАСТЕРА ЭВОЛЮЦИИ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Библиотека англо-американской классической фантастики

МАСТЕРА ЭВОЛЮЦИИ

Деймон Найт

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2014

БААКФ-7 (2014)

Клубное издание

Деймон Найт. МАСТЕРА ЭВОЛЮЦИИ

Сборник фантастики.

(а.л.: 10,16)

Составление и перевод Андрея Бурцева.

Некоммерческий проект для ознакомления.

Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

**Деймон Найт
(Damon Knight)
1922-2002**

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

ДЕЙМОН НАЙТ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ОБЩЕСТВА БУДУЩЕГО

Деймон Фрэнсис Найт родился 19 сентября 1922 года в Бейкере, штат Орегон. После школы Найт посещал Центр искусств WPA в Салеме (штат Орегон), но не закончил его, переключившись на литературную деятельность. В 1941 году Найт автостопом перебрался в Нью-Йорк, где стал членом группы «Футурианцев», куда входили Ф. Пол, А. Азимов, С. Корнблат и другие писатели и фэны.

После своей первой публикации, в 1943 году Найт начинает профессионально работать в журналах, а в 1950 году сам на два года становится редактором журнала «Worlds Beyond».

В 1965 году Деймон Найт основал Ассоциацию американских писателей-фантастов и стал первым ее президентом. В этом же году Найт основал премию «Небьюла».

С 1966 по 1980 год Найт был составителем двадцати одного выпуска знаменитой серии антологии «Орбита» («Orbit»), в которой впервые громко прозвучали имена Джина Вульфа, Р. А. Лафферти, Кейт Вильгельм (которая к тому времени уже была его женой), Гарднера Дозуа и других писателей. Серия антологий, считавшаяся «эталонной», познакомила читателей со многими шедеврами англо-американской фантастики.

Первая публикация Деймона — рассказ «Езда на тигре», был написан совместно с Джеймсом Блишем в 1941 году.

В первой половине 50-х годов из-под пера Найта выходит множество рассказов: посвященные проблемам развития человечества, контактам

с внеземными цивилизациями и тому подобные, включая «Служить человеку», получивший премию Ретро-Хьюго в 1951 году. В 1956 году был написан рассказ «Четверо в одном» (в русском переводе «Одним меньше»), остающийся по сию пору шедевром мировой фантастики, об инопланетном организме-симбиоте. В 1955 был написан рассказ «Страна милостивых» (The Country of the Kind), в котором общество приговаривает преступников к остракизму.

Первый научно-фантастический роман Найта — «Мостовые ада» — вышел в 1955 году. Правда, это еще нельзя было назвать самостоятельным романом, так как он был переработан из рассказов «Аналоги», «Билет куда угодно» и «Страна милостивых». Роман представлял собой антиутопию, в которой все жители находятся под контролем своих фантамов-«двойников», имплантированных в сознание власть имущими.

В 1959 году Найт издает сразу два романа: «Творец людей», в котором «дубликатор материи» создаёт копии людей, и «Мастера эволюции», где описывается общество будущего, разделенное на аграриев, занимающихся генетической инженерией и создавшей биологическую цивилизацию, и технарей, тщетно пытающихся держаться традиционного направления развития Человечества. В обоих этих романах Найт уже всерьез заявил о своем интересе к путям развития общества в будущем. И действительно, почти во всех его последующих крупных вещах он придерживается в той или иной степени этой тематики.

Например, в романе «Саботажники Солнца» (1961 г.), Землю уже постигла экологическая катастрофа, и часть землян, с помощью развитых инопланетян, создали колонии на других планетах. Но в космос люди взяли с собой все свои отрицательные черты: жадность, порождающая преступления, агрессию, ксенофобию, страсть к убийствам. В романе исследуется, сумеет ли Человечество одолеть свои пороки и влиться в громадную Галактическую семью. По интонациям роман напомнил мне поздние романы Клиффорда Саймака, только написан он был почти на три десятка лет раньше.

Помимо прозы, Найт выпустил два сборника стихотворений.

За свою деятельность Найт получил в 1975 г. премию «Пилигрим» от Ассоциации Исследования Научной фантастики. А в 1994 году был удостоен звания «Великий Мастер премии Небьюла» (Grand Master Nebula Award).

Помимо писательской деятельности, Найт занимался и литературной критикой. Он был первым рецензентом, попытавшимся поднять высоко планку научной фантастики, подвергнувшим научно-фантастическую прозу сравнению с господствующей над ней художественной литературой, выпустив массу эссе, обзоров, статей. В 1956 году был удостоен премии «Хьюго» за сборник критических статей «In Search of Wonder», в котором были заложены методологические и художественные принципы жанровой критики.

Умер Деймон Найт 15 апреля 2002 года в Юджине, но творчество его останется с нами на века.

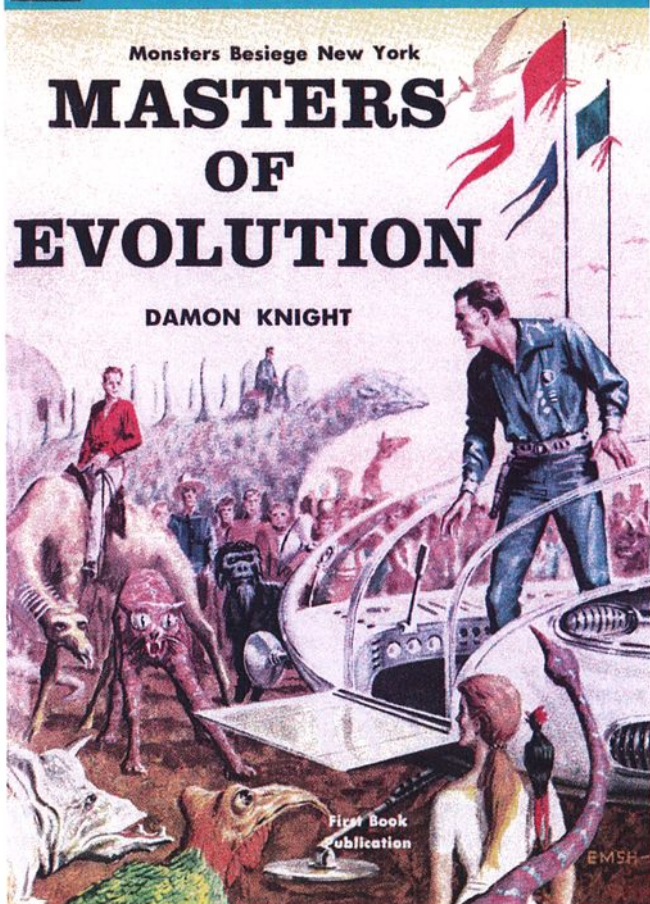
ACE
DOUBLE NOVEL
BOOKS

TWO COMPLETE NOVELS 35c

Monsters Besiege New York

MASTERS OF EVOLUTION

DAMON KNIGHT

МАСТЕРА ЭВОЛЮЦИИ

I

В ОСНОВНОМ, все были согласны, что самым многообещающим молодым актером реальности в Большом Нью-Йорке был насупленный Аполлон по имени Альва Гастэд. Его дикция с многозначительными обертонами, его движения, полные непринужденного изящества животных, его обычно угрюмое лицо позволяли ему царить на любой сцене, где не было, разумеется, раздетых женщин. В двадцать шесть лет он пользовался популярностью у домохозяек Манхэттена, Квинса, Джерси и семи остальных районов города. Процент подписчиков на его новые реали-фильмы, по словам его пресс-секретарей, также ошеломлял.

Молодой Гастэд, который на сцене частенько появлялся выходящим из душа лишь с полотенцем, целомудренно обязанным вокруг пояса, в личной жизни, однако, был весьма скромным гражданином, склонным к чтению в одиночестве и обладающий прекрасным набором стандартных достоинств.

Они включали в себя, также, радостное исполнение всех муниципальных обязанностей и обязательств — как всякий благонамеренный гражданин, Гастэд трудился летом на двух местах, а зимой — на трех. Например, в настоящее время днем он был актером, а по ночам работал на восстановлении металлов.

Над материальными поощрениями главенствовали эмоции, обычно называемые гражданской гордостью или патриотизмом. В наше время, в 2064 году, это было то же самое, что и в 400 году до нашей эры.

Позади стола управляющего стена представляла собой единую громадную плиту из черного дюропласта, на которой была карта города, покрытая горящими точками. Когда вошел Гастэд вместе со своим помощником и слугой, в помещение вместе с ним ворвались невидимые голоса неумолкающего Нью-Йорка — и растаяли в тишине, когда задвинулись двери.

Сам управляющий, Хон Болеслав Витэк, нарушил наступившую тишину, выйдя вперед, взял Альву за руку и подвел к столу.

— Мистер Гастэд... и мистер Диамонд, полагаю? Для меня большая честь встретить вас здесь. Не знаю, знакомы ли вам эти господа? Специальный уполномоченный Лоуренс из отдела Заочных Отношений, Остэртаг — директор Бюро Статистики Жизни, Неддо — председатель Научно-исследовательского Совета.

Витэк подождал, пока вновь прибывшие не устроились на откидных стульях в промежутках между столами, с сигарами, сигаретами, капсулами с ликерами и холодными закусками у локтя каждого из сидящих.

– А теперь, мистер Гастэд – и мистер Диамонд, – я человек прямой и знаю, что вы недоумеваете, зачем я попросил вас собраться сегодня здесь. Сейчас я вам все объясню. Городу нужен талантливый и храбрый человек, чтобы выполнить работу, которую, скажу откровенно, я не начал бы без больших предчувствий. – Он посмотрел на Гастэда, тепло, нежно, но совершенно серьезно. – Такой человек вы, Альва.

Маленький Джек Диамонд нервно откашлялся.

– О какой работе вы говорите, господин управляющий? Конечно, если мы можем что-нибудь сделать для нашего города...

На крупном лице Витэка не дрогнула ни одна мышца, но, тем не менее, оно каким-то образом полностью изменило выражение.

– Альва, я хочу, чтобы вы поехали в Захолустье.

Гастэд заморгал и резко выпрямился на стуле. Затем посмотрел на Диамонда.

Маленький человек внезапно стал вдвое меньше в пиджаке из серебряной парчи. Он сделал рукой слабый жест и прохрипел:

– Взбодриться...

Слуга, стоящий позади его стула, настороженно шагнул вперед и со шелчком открыл одну из десятков металлических и пластиковых коробочек, прицепившихся к нему, точно моллюски. На ладонь ему выкатилась крошечная капсула. Он привычно зажал ее большим и указательным пальцами и резко раздавил под носом у Диамонда.

Закапала зеленая, с сильным сладковатым запахом, жидкость и потекла по лацкану пиджака Диамонда.

– Болван! – рявкнул Диамонд. – Не сливки воспоминаний, а бодрость.

Он сидел, пока смущенный слуга не раздавил перед ним другую капсулу.

– Вот так! – Цвет его лица начал приобретать нормальный оттенок. – Промокательную бумагу! – Комок впитывающих волокон. – Вакуум! – шарик размером с лимон, вспыхивающий и гаснущий. – Хорошо.

Гастэд поглядел на управляющего.

– Ваша Честь, вы сказали, что я должен поехать в Захолустье? Я имею в виду, – он запнулся, подбирая слова, – вы хотите, чтобы я поехал к Навозникам?

— Да, я хочу, чтобы именно это вы и сделали, — и Витэк кивнул на специального уполномоченного, директора и председателя. — Эти господа сейчас расскажут вам, зачем. Начните вы, Оззи.

Остертаг, с чуть желтоватыми седыми волосами, обрамляющими его лысину, цвета картофеля, тяжело шевельнулся и взглянул на Гастэда.

— В моем Бюро собраны отчеты о плотности населения, о приезжающих и уезжающих, процентное отношение рождаемости к смертности и так далее, которые начали копиться еще со времен Соединенных Штатов. Это мало кому известно, мистер Гастэд, но хотя Нью-Йорк постоянно рос начиная со времени его основания в 1646 году, его рост за последние тридцать лет полностью зависит от иммиграции из других, менее удачливых городов. В некотором смысле, это удачно... я хочу сказать, что мы не можем расширяться по горизонтали из-за того, что было невозможно уничтожить заражающих почву организмы, — собравшиеся слегка вздрогнули, — оставленные нашими покойными врагами. Что же касается предложения продолжать наращивать его по вертикали — ну, после того, как пал Питсбург, наши запасы полностью зависят от спасенных отходов. Откровенно говоря, если не начать что-то делать с нынешней ситуацией, нам скоро настанет конец. Конец не нашего правления, а всего города. Теперь о причинах этого... А, да о чем тут говорить... — Он откинул голову назад и уставился в потолок.

Витэк заговорил так тихо, что Остертаг сказал еще полфразы, прежде чем понял, что его перебили.

— Тридцать лет назад, когда я впервые приехал в этот город, ребенок эмигрант, не имеющий ничего, кроме старой рубашки и горящих энтузиазмом глаз, мы только что закончили последнюю войну с Навозниками. Если верить нашим историческим книгам, мы выиграли эту войну. Но не мне вам говорить — нас разгромили!

Альва неловко поежился, когда Витэк поднял голову и оглядел собравшихся за столом, ожидая возражений. Потом управляющий продолжал:

— Тридцать лет назад мы отбросили их в Огайо. И где они сейчас? — Он повернулся к Лоуренсу. — Фил?

Лоуренс почесал нос бескровным указательным пальцем.

— Их ближайшее поселение в двенадцати милях отсюда. Это, разумеется, на юго-запад. На западе же и севере...

— Двенадцать миль, — повторил Витэк. — Но не поэтому я говорю, что они разгромили нас. Они нас победили, потому что

нас ныне двадцать миллионов – а их примерно сто пятьдесят. Правильно, Фил?

– Ну, вы же знаете, Болек, у нас нет точных данных. У Навозников не проводили перепись почти столетие, но...

– Приблизительно сто пятьдесят миллионов, – прервал его Витэк. – Даже если бы мы вступили в союз с любым городом на этом континенте, то численное преимущество было бы не на нашей стороне... Они размножаются, как мухи! – Он хлопнул ладонью по столу. – Так же, как их грязные животные!

Собравшихся снова пробрала дрожь. Алмаз крепко зажмурился.

– Все так, – продолжал Витэк. – Пал Рим. Пал Вавилон. То же самое может произойти и с Нью-Йорком. Неграмотные дикари множатся год от года, с каждым поколением становясь все более серыми и дикими... И через столетие – или два, или пять – они останутся единственными представителями Рода Человеческого. А Нью-Йорк...

Витэк повернулся, чтобы взглянуть на карту за своей спиной. Рука его тронула кнопку, и многочисленные огоньки на карте погасли.

Гастэд был не из тех актеров, что могут заплакать в любой момент, но он почувствовал, как слезы навернулись ему на глаза. И одновременно ему пришла в голову мысль, что Витэку впору было играть в реалити, а не заниматься политикой.

– Сэр, – спросил он, – что же мы можем сделать?

Глаза Витэка были устремлены куда-то вдаль. Лишь через несколько секунд его голова повернулась на массивных плечах, как орудийная башня.

– Ответ на это есть у председателя Неддо. Я хочу, чтобы вы внимательно выслушали то, что он скажет вам, Алва.

По маленькому, круглому лицу Неддо пронеслась серия подергиваний и ужимок, мгновенно сменяющих друг друга.

– В течение нескольких последних лет, – отрывисто заговорил он, – под руководством управляющего Витэка, мы создали ряд механизмов, изделий для торговли, специально разработанных, чтобы заинтересовать Навозников. Товары для обмена. Должен сказать, что большинство из них...

– Товары для обмена, – негромко повторил Витэк. – Спасибо, Нед. В этой фразе содержится вся история. Алва, мы собираемся вернуться к принципам, которые сделали наших предков великими. Торговля – расширяющиеся рынки сбыта, расширяющиеся отрасли промышленности. Подумайте об этом. От Северного Ледовитого океана до Мексиканского залива живут,

примерно, сто пятьдесят миллионов человек, у которых нет зажигалок, наручных радиодетекторов или экранов реальности. Альва, мы собираемся начать цивилизовать Навозников. Мы соберем все достижения современной науки и воплотим их в устройства, которые сумеют понять их примитивные умы – и вы тот человек, который будет их продавать. Что вы на это скажете?

Это было для Гастэда знакомой репликой – только на прошлой неделе он отвечал на нее раз пятьдесят-шестьдесят в реальности, когда играл роль убийцы – сумасшедшего инспектора коллектора, попавшегося в ловушку в потоках воды в клоаках под Бруклином.

– Я скажу... – начал было он, но тут же понял, что его обычный ответ совершенно не соответствует ситуации. – Это кажется замечательным... – слабо промямлил он.

Витэк деловито кивнул.

– Теперь перейдем к конкретной программе, – он нажал кнопку, и на стене позади него появилась карта северо-американского континента. – Указку. – Слуга Витэка вложил ему в руку металлическую трубку, и на карте возникло крошечное флюоресцирующее пятнышко в том месте, куда он указал. – Вы отправитесь на юго-запад, пока не пересечете Теннесси, затем свернете здесь на запад, пересечете Равнины, развернетесь от севера у Великих озер и вернетесь домой. Как вы можете заметить, этот маршрут будет держать вас подальше от Чикаго и Торонто. Запомните, это важно. Мы знаем, что Фриско работает над подобным проектом, хотя они отстают от нас, по меньшей мере, на год. Если мы знаем об этом, то существует вероятность, что знают и другие Города, хотя мы вполне уверены, что в нашей системе безопасности нет никакой утечки. Так что вы не встретите никого. – Он вернул указку слуге. – На всю поездку у вас уйдет примерно три месяца...

Альва почувствовал, что ему трудно дышать.

– ...и это время вы проведете в весьма примитивной обстановке. В вашем летуне будет каюта для вас и вашего оборудования, но только и всего.

Диамонд издал странный звук и отвел глаза. Гастэд и сам испытал весьма неприятное чувство.

– Вы хотите сказать, – недоверчиво спросил он, – что я полечу один... даже без слуги?

– Правильно, – ответил Витэк. – Видите ли, Альва, мы с вами цивилизованные люди и знаем, что у нас столько дел и обязанностей, что никто из нас не в состоянии нести это бремя в одиночку. Но вы можете объяснить это Навозникам?

– Наверное, нет.

– Вот поэтому лишь человек с вашим превосходным талантом сумеет выполнить эту работу для Города. Навозники ведут практически грубое звериное существование, которое вы так прекрасно изображаете в ваших реалии. Поэтому вы можете быть таким же грубым и жестоким, как и они... Вы можете говорить на их языке, и они станут вас уважать.

Гастэд слегка воспрянул духом, но в целом вовсе не был ни в чем уверен. Тогда ему в голову пришло еще одно новое возражение.

– Ваша Честь, предположим, я хорошо полажу с Навозниками. Я имею в виду, предположим, они пригласят меня в один из их домов, где... – он почувствовал, как у него свело скулы от отвращения, – где едят?

Лицо Витэка окаменело.

– Я удивлен, что вы почувствовали необходимость поднять эту тему. Все, что вам будет нужно знать, вы узнаете на брифинге от специального уполномоченного Лоуренса, председателя Неддо и их сотрудников. Я хочу, чтобы вы поняли, Гастэд, на вас не оказывается никакого давления, чтобы вы приняли это назначение. Это дело лишь для добровольца, а не призывника. Если вы почувствуете, что не годитесь для него, то так прямо и скажите.

Гастэд принялся многократно извиняться. Витэк прервал его с самой теплой и дружеской из всех возможных улыбок.

– Ничего, сынок, ничего. Я все понимаю. Я отлично все понимаю. Ну, господа, думаю, что на этом все...

Как только они остались одни, Диамонд схватил Гастэда за рукав и потащил его в конец коридора.

– Послушайте меня, мальчик Аль. Мы еще можем вытащить вас из этого. Я знаю врача, который объявит вас таким больным, словно вы не в состоянии перейти улицу. Разумеется, обычно он такого не делает, но он мне несколько задолжал...

– Нет, минутку. Я не собираюсь...

– Знаю, знаю, – нетерпеливо прервал его Диамонд. – Вы потеряете контракт с Семью Районами и в придачу пару месяцев, а может, и больше. Потом вы должны будете начать все сначала в какой-нибудь маленькой студии. Но что с того? Через год-другой вы будете так же хорош, как...

– Погодите, Джек. Во-первых...

– Аль, я думаю не только о тех двадцати процентах, что зарабатываю на вас. Меня не волнует это... это всего лишь деньги. Я просто хочу, чтобы вы дожили хотя бы до следующего года. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Послушайте, — сказал Гастэд. — Вы не понимаете, Джек. Я хочу поехать. Я хочу сказать, не то, чтобы так уж стремлюсь, но... — Он указал на окно в конце коридора, из которого открывался вид на ряды гигантских колонн, постепенно исчезающих в темноте, вокруг которых роились мириады огоньков, дрейфующих, точно река космической пыли. — Только посмотрите на это. Потребовались тысячи лет, чтобы построить цивилизацию, в которой мы сейчас живем. Так неужели я не смогу выдержать всего лишь три месяца... А кроме того, — трезво добавил он, — подумайте о славе и о рекламе.

II

СТРАНА ПРЕДГОРИЙ оказалась очень живописна, но не слишком полезна. Как и было рассчитано, Альва оставил в стороне древние штаты Пенсильванию и Мэриленд, так как племена, живущие вблизи городов, до сих пор были весьма озлоблены. Но в конце первого дня он стал считать это значительным преуменьшением.

Он опустил свой летун под рев громкоговорителей, украшенный цветными огнями, флагами и рекламными плакатами, весело развевающимися позади, неподалеку от неопрятной кучки двухэтажных хибар весьма далеко на юг от прежних границ Пенсильвании. С воздуха он увидел довольно много неясных человеческих фигур, но когда посадил летающую платформу и вышел, все двери были закрыты, улицы пусты, и в поле зрения не было никакого движения, не считая группы неприятно выглядевших животных в поле справа от него.

Через несколько секунд Гастэд выключил громкоговоритель и прислушался. Ему показалось, что он услышал голоса, доносившиеся из ближайшего здания. Подавляя мгновенный приступ растерянности, он спустился по ступенькам платформы и пошел к нему. У здания было единственное высокое окно, по форме напоминающее небрежно сделанный овал, прикрытый бесцветным стеклом.

Остановившись под этим окном, Альва прокричал:

— Привет вам!

Приглушенные голоса на миг замерли, потом загудели столь же деловито.

— Выйдите... Я хочу поговорить с вами!

Тот же результат.

— Вам не нужно бояться! Я пришел с миром!

Голоса снова замолкли, и Альве показалось, что за стеклом промелькнуло чье-то лицо. Потом прозвучал чей-то голос с явно вопросительной интонацией.

— С миром! — повторил Альва.

Окно резко скользнуло в стену, и, когда Альва поднял к нему голову, его обдал целый душ помоев, сопровождаемый грубым смехом.

Первоначальной реакцией Альвы, ошеломленного, задышающего, пропитанного горячей мыльной водой, было желание немедленно скинуть и выбросить испоганенную одежду. А через секунду в нем вспыхнула чистая ярость артиста — он представил себе, какое эстетическое удовольствие доставил бы ему один заряд взрывчатки, который разнесет это строение на мелкие кусочки.

Ни при каких условиях, гласило в полученных им инструкциях, выученных им назубок, вам нельзя совершать никакие действия, которые могли бы интерпретироваться Навозниками как агрессивные, а также использовать оружие иначе, чем для сохранения собственной жизни.

Альва вздрогнул и стал холодным и отрешенным. Придя в себя физически, но потрясенный в душе, он полетел дальше на юг.

Затем произошла его встреча со стариком и животным. Где-то в треугольнике между Миссисипи и Биг Блэком, в точке, которая вообще не была отмечена на его маршруте, но привлекла его тем, что была удалена от Нью-Йорка больше, чем на тысячу миль, он посадил своего летуна вблизи еще одного растянутого поселения.

Как и в первый раз, тут же исчезли все признаки деятельности как в самом поселке, так и вблизи него. Прекрасно помня о предыдущем инциденте, Альва стал выжидать. Обычное человеческое любопытство, рассудил он, рано или поздно приведет к нему Навозников, хотя бы для того, чтобы они могли оценить степень его опасности. Сколько же можно игнорировать странный объект, над которым развеваются флаги, который ревет, мигает огнями, выпускает клубы розового и зеленого дыма?

Час с лишним ничего не происходило. Затем, совсем уже было задремав в кресле управления, Альва увидел, что к нему через поле направляются две фигуры.

Достоинство Альвы, которое весь день было ущемлено, начало восстанавливаться. Он вышел на платформу и стал ждать.

Прошло какое-то время, пока обе фигуры не приблизились. Одной из них оказался высокий, тощий, гибкий старик в кони-

ческой шляпе на голове. Перед ним бежало какое-то маленькое четвероногое животное.

Так что будущая аудитория оказалась всего лишь из одного зрителя – во всяком случае, до сих пор это было лучшее достижение Альвы. Он уже стал мысленно репетировать, как покажет свои товары. Не было никакого смысла, подумал он, утруждать себя магическими уловками или комическим диалогом. Он мог сразу начать с торговой беседы.

Странная пара была уже близко, и Гастэд узнал животное. Это был так называемый сторожевой пес, одно из невероятно опасных животных Навозников, обученных драться вместо них. У него было тонкое туловище, длинный кошачий хвост и голова, выглядевшая как помесь терьера с домашней кошкой. Однако, оно не было таким большим и пугающим, как на картинках, которые видел Альва. Наверное, решил он, это щенок.

В двух ярдах от платформы старик остановился. Сторожевой пес сел возле него и высунул влажный язык. Альва выключил громкоговоритель и цветные огоньки.

– Друг, – начал он, – я должен показать вам вещи, который изумят вас, чудеса, которым вы бы не поверили, если бы не увидели их собственными...

– Вы Язоо?

Отступив на шаг, Альва раскрыл рот.

– Что вы сказали, друг?

– Я спросил – вы Язоо?

– Нет, – весьма уверенно ответил Альва.

– Кто-нибудь из вашей семьи Язоо?

– Я так не думаю.

– Мерзавец, – сказал старик.

Походило на то, что быть Язоо, очевидно, весьма хорошо.

– Секундочку, – сказал Альва. – Вы сказали, Язоо? Я вас сперва не понял. Я Язоо! И моя семья тоже по обеим линиям... – как там может быть множественное число от Язоо?

– Считаю до двух, – сказал старик. – Раз.

– Минутку, – сказал Альва. Чувствуя, как уши его становятся горячими.

Он заметил, что сторожевой пес приподнял свой огузок на долю дюйма и пристально уставился на платформу. Альва слегка согнул руку, чтобы ощутить успокаивающую тяжесть пистолета в наплечной кобуре.

– Почему вы, Навозники, думаете, будто...

– Два, – сказал старик, и сторожевой пес распластался в воздухе, махнув на семь футов прямо с места.

В дело вступил инстинкт. Инстинкт понятия не имел о летающих или невероятных прыжках сторожевого пса Навозника. Инстинкт просто заставил тело Альвы совершить прыжок в противоположном направлении, залететь в открытую дверь летающей платформы и ударить рукой по нужной кнопке.

Дверь захлопнулась. И в тот же момент ее явственно выперло внутрь, и она загудела, как гонг. Растянувшись на полу, Гастэд недоверчиво уставился на нее, а за дверью раздались странные звуки – грозное рычание и удары чего-то тяжелого. Летающая платформа задрожала.

Одним прыжком Альва вскочил в кресло и щелкнул тумблером питания. Когда платформа оказалась на высоте около ста футов, он увидел, как темная фигура сторожевого пса спрыгнула с нее.

Через несколько секунд Альва установил ручку на нейтралку и поглядел вниз. Старик и его пес медленно брели через поле к поселку. Насколько Альва мог видеть, животное даже не хромало.

Альва всегда мыслил разумно, поэтому направил платформу дальше и летел на юг до предела. Больше он, казалось, ничего не мог сделать. Либо где-то там найдется область, где Навозники выслушают его, либо нет. Если таковая вообще существует, то есть смысл летать, пока он ее не найдет, и только затем выходить наружу, чем собирать пинки и оскорбления.

Если же такового места вообще нет – то все его путешествие окажется провальной миссией.

Альва включил коммуникатор и передал в город ряд закодированных точек и тире, что означало «продолжаю по графику», – что было ложью, и «результаты все еще нулевые» – что было правдой. Затем он полетел на север.

Сумерки настигли его, когда Альва пересекал Плато Озарк. Он оставил летающую платформу парить на высоте тысячи футов, лег спать и спокойно проспал почти до рассвета. С чашкой *коффины* в руке он наблюдал за этим явлением с удивленным неодобрением. Внизу были рассеянные мигающие огоньки, первые бесцветные намеки на свет, которые ничего не освещали, но просто заставляли вселенную казаться более обширной и бесформенной, чем прежде, наконец, после ряда незначительных перемен, окрасивших небо на востоке в последовательно оранжевый и алый цвета, из-за выпуклого горизонта показался краешек Солнца.

Это было словно в паршивом фильме.

Неужели, спросил себя Альва, кто-нибудь может ежедневно наблюдать это и не умереть со скуки? Разумеется, он знал, что

так жили прежде бесчисленные миллиарды, но у него всегда складывалось впечатление от истории, будто люди всегда что-то делали, чтобы улучшить себе жизнь, пока не создавали города. Все, кроме Навозников...

Как только вы овладеете их вниманием, говорилось в инструкции, то делайте основные акценты на преимуществах каждого устройства. Вашей целью будет создать ситуацию, при которой владение одним или несколькими устройствами станет давать не только явное экономическое преимущество, но и послужит знаком социального положения. Встав на такой путь, сообщества, которые начнут принимать новшества, чтобы сохранить или расширить свой статус, будут вынуждены сами начать преобразовывать членов соседних сообществ.

Что ж, возможно, и так.

А пока что Альва съел спартанский завтрак, состоящий из белкового желе и лимонного кекса, связался с радиооператором в Нью-Йорке, кратко сообщив ему свои координаты, а затем направил летающую платформу дальше на север.

Внизу тянулся однообразный пейзаж. Если и были какие-то существенные различия между этой страной и местностью, которую он видел вчера, то Альва был неспособен их распознать. Потом он увидел в воздухе какую-то огромную, хлопающую крыльями фигуру, верхом на которой летели люди. Он обогнул их, и они не обратили на него внимания. Внизу участки темно-зеленого леса перемежались с бледно-зелеными, красными или фиолетовыми полями. То тут, то там, стояли отдельные, изолированные дома. Постепенно они становились все ближе и ближе друг к другу, пока не превращались в поселки. И чем дальше на север летел Альва, тем больше появлялось пыльных дорог между поселками. Но только и всего.

Над одной из этих пыльных дорог Альве пришел в голову вопрос, который потребовал специального исследования. День был ясен и безоблачен. На высоте, где летел Альва, не было ни ветерка, и, судя по поведению деревьев и культивируемых растений, нельзя было предположить, что обстановка внизу иная.

Он притормозил летающую платформу и повел ее вниз к ближайшей дороге. Когда он приблизился, охранная ниточка распалась на неровную серию движущихся клубков пыли, каждому из которых предшествовала черная точка, создавая, в общем, картину непрерывной линии черных с рыжими подпалинами восклицательных знаков. Казалось, они бежали каждый сам по себе, но вскоре Альва понял, что они передвигаются в достаточно прочной связке.

Он направил платформу к другой дороге. Она тоже оказалась состоящей из спешащих точек, как и следующая – и все двигались примерно в одном и том же направлении, на запад от курса Альвы. Разумеется, все это были люди, но куда они так спешили, Альва не мог понять.

Тогда он тронул ручку управления и через двадцать минут полета сумел определить, что всеобщее движение сходится в поселении, самом большом из всех, что он встречал. Оно протянулось миль на десять, если не больше, по южному берегу длинного и очень узкого озера. Большая его часть выглядела обычно – небрежно разбросанные здания с конусообразными крышами, – но на дальней стороне озера была довольно большая область, заполненная какими-то длинными, узкими сараями. Они, в свою очередь, были ограждены с двух сторон участками – загонами, в которых, насколько Альва мог разобрать сквозь пыль, были собраны животные разнообразных форм и размеров. Именно это место казалось целью всех Навозников в Центральных Равнинах.

Пока Альва парил над загонами, шум внизу стоял ужасный. Ревели животные, что-то стучало, что-то громогласно булькало, и все это могло быть как музыкой, так и взрывами смеха. Вновь прибывающие, как отметил Альва, бессистемно направлялись к одному или другому загону, вливаясь в текущую между сараями реку живых тел.

Никто не глядел в небо и не замечал бледную тень от летающей платформы. Все были озабочены, кричали, толкались, дули в какие-то инструменты, карабкались на шесты. Альва отыскал свободное место на некотором расстоянии от сараев – где мог чувствовать себя комфортно на некотором расстоянии от животных, – и приземлился.

Он понятия не имел о цели всеобщего, казалось, собрания. Это мог быть военный совет или собрание с какими-то религиозными целями, где его появление могло и, мягко говоря, не приветствоваться. Но, во всяком случае, здесь находились клиенты.

Он с сомнением поглядел на устройство, позволяющее привлечь к себе внимание. Используя его, он действовал бы по инструкции. Но, с другой стороны, у Альвы было сильное ощущение, что это было бы бестактно. Второй вариант действий состоял в том, чтобы выйти и отыскать кого-нибудь, облеченного властью. Однако, в этом случае, он вышел бы из-под защиты летающей платформы и мог попасть в какое-нибудь запретное место или церемонию.

Очевидно, самым верным решением было бы ждать, пока они сами не обнаружат его. Но если он останется в летающей плат-

форме с закрытой дверцей, это может встревожить Навозников сильнее, чем если бы он вылез наружу. Но отчего он взял, что летающим предметом они будут просто озадачены, а вот летающим предметом с человеком на борту – возмущены? Или, с другой стороны...

Да черт с ним!

Альва выключил автоматику платформы, открыл дверцу и вышел. И почувствовал облегчение от того, что больше не надо прикидывать все за и против, когда встал на лесенку, глядя на небольшую группу взрослых и детей, бродящих вокруг ближайшего сарая в десятке ярдов от него.

Они остановились, когда увидели его, а двое-трое самых маленьких спрятались за спины старших. Затем они обменялись взглядами и несколькими словами, которые Альва не мог услышать. Потом маленький пухлый человечек с суетливыми манерами вышел вперед, а остальные на некотором расстоянии последовали за ним.

– Привет, – неуверенно сказал Альва.

Маленький человечек остановился в ярде от платформы. На нем была бесформенная коричневая куртка, к которой крепился какой-то белый значок, а в руке он нес пачку бумаг.

– И кем вы можете быть? – раздраженно спросил он.

– Меня зовут Альва Гастэд. Надеюсь, я не помешал вашим людям, опустившись на этой площадке, мистер...

– Ну, я все же надеюсь разойтись с вами. Я намеревался поставить прямо здесь палатку. Не позже полудня. Как, вы сказали, ваше имя? Гас что?..

– Гастэд. Кажется, я не расслышал вашего имени, мистер...

– Я не говорил свое имя. Мы говорим о вас. К какому клану вы принадлежите?

– Гм-м... Флэтбуш, – ответил Альва наугад. – Послушайте, я приехал сюда, и вы просто скажите мне, куда пойти и...

– Какой-то мелкий клан на самых задворках, я даже не слышал о нем, – сказал пухлый толстячок. – Я скажу вам, куда вы можете пойти. Вы можете просто отбуксировать свою штуку туда, откуда прибыли. Гастэд... Флэтбуш... Я точно знаю, что вас нет в моем списке.

Другие Навозники постепенно окружили толстячка. Один из них, долговязый парень с печальным лицом, подтолкнул толстячка локтем.

– Мог бы просто проверить, Джек.

– Я и так это знаю. Это моя земля, Арти, и я должен выполнять свою работу. Я не могу весь день торчать здесь.

Вытянутое лицо Арти стало еще более жалобным.

— Вам казалось, что Кеокуксов тоже не было в списке.

— Ладно, ладно, чтоб он сгнил, — пробурчал толстячок и обратился к Альве. — Какие ваши знаки?

Альва заморгал.

— Я не...

— Спускайтесь, — Джейк нетерпеливо повернулся к стоящему позади человеку. — Дай ему кол.

Альва нерешительно спустился по ступенькам и увидел, что смуглый человек с грубым лицом протягивает ему заостренную палку, точно такую же, охапку которых он держал под мышкой.

Альва взял ее, понятия не имея, что с ней делать. Смуглый настороженно наблюдал за ним.

— Начертите им свои знаки, — сказал он, указывая на землю между ними.

Остальные окружили их.

— Знаки? — встревоженно сказал Альва.

Смуглый поколебался, затем взял из охапки другой кол.

— Вот такие, — сказал он. — Это — мои. — Он начертил на земле неровный круг с точкой посередине. — Джордж. — Нарисовал четверку. — Аллистер — это я. — Длинный прямоугольник с петлей на каждом углу. — Прямоугольник — это мой клан.

— Ну, — тут же вспыхнул Джек, — забодая тебя комар, он и так это знает! Ты ведь можешь поставить свою подпись, не так ли?

— Ну, да, — ответил Альва.

Он написал «Альва Гастэд» и машинально добавил «Флэтбуш».

Все удивленно присвистнули.

— Пишет так же ровно, как Док! — сказал десятилетний паренек с нечесаной головой, выпучив от благоговения глаза.

Джейк уставился на Альву, затем полуобернулся и взмахнул своими бумагами под носом Арти.

— Ну, теперь вы удовлетворены? Арти Брамбэккер? Я утверждаю, что его нет в моем списке, понятно?

— Да, — согласился Арти. — Наверное, нет... если вы вообще можете прочитать, что там написано.

Все, кроме Альвы, рассмеялись, и Джек громче всех.

— Ладно, — сказал он, поворачиваясь к Альве. — Напрягайте своих скотов и убирайте отсюда свою штукину. Если вы не уберетесь к тому времени, когда я...

— Джейк! — раздался деловитый женский голос, и сквозь толпу пробралась небольшая фигурка. — Вы нужны в сарае саламандр... Квинси уже на подходе, но перед ними еще Салли-

ваны... — Она взглянула на Альву, затем на летающую платформу позади него. — У вас какая-то проблема?

— Все уже улажено, — сказал ей Джейк. — Этого лесоруба нет в моем списке. Я только что велел ему топать отсюда.

— Послушайте, если бы вы дали сказать мне хоть слово... — начал было Альва.

— Вы хотели продемонстрировать что-то на Ярмарке? — прервала его девушка.

— Правильно, — с благодарностью ответил Альва. — Я просто пытался объяснить...

— Ну, вы опоздали, однако, мы попытаемся втиснуть вас. Хотя вряд ли вы что-нибудь продадите, если у вас то, что я думаю. Дайте мне список, Джейк.

— Минутку, — с негодованием воскликнул Джейк. — Вы же знаете, что у нас нет места ни для кого, кто не занесен в список. У нас и так достаточно проблем...

— Землеройки от Батлера придут только завтра, — сказала девушка, изучая список. — Мы можем поставить его там, а завтра убрать, когда они появятся. Вам нужно какое-нибудь оборудование помимо того, что вы привезли с собой?

— Нет, — сказал Альва. — Это было бы прекрасно, спасибо. Все, что мне нужно, так это место...

— Ладно. Пока вы не ушли, Джек, я хочу узнать, вы сказали Салливанам, что они могут занять красный, зеленый и желтый в сарае саламандр?

— Ну, я наверняка это сделал. Тут же это написано.

Она вернула ему бумаги и указала на одну строчку в них.

— Вы видите Квинси? Точка вместо креста. Салливанам выделили место в гараже для садовых грузовиков, чтобы держать рассаду в тепле, но они не сдвинутся с места, пока вы не скажете им, что произошла ошибка. Баббишесы и Странаханы в ярости. Вы пойдете туда и разберетесь, не так ли? И не волнуйтесь о нем, — кивнула она на Альву.

Джейк фыркнул и ушел с раздраженным видом. Девушка повернулась к Альве.

— Ну, поехали.

Напустив на себя недовольный вид, Альва повернулся и поднялся по лесенке в летающую платформу. Девушка последовала за ним. Было еще ничего, пока они находились на открытом воздухе, но маленькая каюта летающей платформы тут же наполнилась зловонием, исходящим от девушки.

И как они тут живут?

Девушка подошла к пульту управления и указала в окно.

– Вон туда, – сказала она. – Видите пустое место, куда я показываю?

Альва увидел и погнал платформу туда с самой большой скоростью, какую только мог развить генератор. Место было не совсем пусто – там беспорядочно толклись Навозники и какие-то животные, но они расступились, когда увидели опускающуюся летающую платформу.

К громадному облегчению Альвы, девушка тут же вышла. Альва последовал за ней.

III

В МАГАЗИНЕ «Тайлох» в Центре Квинса, владельцы, два брата Уинн, для которых магазин был единственным средством к существованию, хмуро глядели на станины, где должны были находиться двести тысяч галлонов «Кленоматика».

– Он что-нибудь сказал, когда забирал его? – спросил Клайд.

Мортон пожал плечами и сделал кислую мину.

– Да-а... – протянул Клайд.

Он с отвращением поглядел на потухшую сигару и бросил ее в ближайшую урну. И промахнулся.

– Он сказал, месяц-другой, – сообщил ему Мортон. – Но ты же знаешь, что это означает.

– Да.

– Я позвоню на фабрику, – со злостью сказал Мортон. – Но я заранее знаю, что они мне скажут. Сделайте предоплату, и мы занесем вас в список ожидающих. Список ожидающих!

– Да-а, – ответил Клайд.

НА ФАБРИКЕ в Верхнем Бронксе вице-президент, отвечающий за продажу, сунул толстую папку закодированных плаستيновых карточек под нос вице-президенту, отвечающему за производство.

– Видите эти заказы? – спросил он.

– Угу, – ответило Производство.

– Вы знаете, на сколько они лет? На три года. А вы знаете, сколько денег компания потеряла на невыполненных заказах? Более, чем два миллиона...

– Да знаю я. И чего вы ждете? Все производство слишком старо. Оно держится буквально на соплях. Так что не лезьте ко мне, Гарри. У меня своих забот полон рот.

– Послушайте, – сказали Продажи, – так не может больше продолжаться. Наше дело сказать Старику, чтобы он что-нибудь

сделал. Пусть даст взятку Metallургам. Заложит завод, если потребуется... Пусть хоть что-нибудь сделает.

— У нас и так закладных уже больше, чем стоит завод.

Продажи покраснели.

— Ник, это серьезно. Прошлой осенью мы еще могли надеяться, что протянем годик-другой, но сейчас... Вы знаете, что произойдет месяцев через восемь-десять? — Он щелкнул пальцами. — Все пойдет коту под хвост.

Производство устало закрыло глаза.

— Взятки бесполезны, Гарри. Вы знаете это не хуже меня. Они уже не работают.

— Ну, и что тогда нам делать?

Производство покачал головой.

— Я не знаю, что делать. Клянусь Богом, не знаю.

В УТИЛИЗАЦИИ Металлов Номер Четыре в Нижнем и Среднем Джерси только началась ночная смена. В освещенной голубоватым светом Железной пещере на вахту заступили двое, один лысый и дряблый, другой серый и скрюченный. Они молча обменялись взглядами, затем каждый сунул лицо в маску таймера. Испустив пронзительный, раздражающий звонок, часы удовлетворенно пробудькали и заткнулись.

Смена началась.

— Вот так-то, — сказал серый. — Я буду работать в вашей бригаде, а вы — в моей, а?

Дряблый только сплюнул.

— Интересно, что произошло с турком?

— Какая разница? Он никогда мне не нравился.

— Просто интересно. Вчера он был здесь, а сегодня где? Трудовое объединение, армия... — Он снова сплюнул, на этот раз острее. — Ремонт, обслуживание... Он проработал пятнадцать лет в нашем отделе. Я просто поинтересовался.

— Вероятно, копает сточные канавы. Это как раз для него.

Серый проволочил ноги к контрольному стенду и осмотрел индикаторы. Затем зажег сигарету.

— В бункерах пусто? — спросил дряблый.

— Угу! Им нужно было сунуть в бункеры турка — у него все его проклятые зубы металлические. Чистый металл.

— Турок еще не стар, — укоризненно сказал дряблый. — Ему не больше шестидесяти.

— Все равно мне он не нравился.

— Сначала был этот парень... Ну, ты знаешь, прыщавый. Затем арендатор, потом большая шишка — актер в реалити...

– Гастэд? Да черт с ним.

– Да, Гастэд. Мне просто интересно, куда они все деваются. То же самое в моей третьей смене в Дрожжевой. Я знал там парней, проработавших десять, пятнадцать, двадцать лет на одной работе. И вдруг их не стало, и я их больше никогда не видел. Наверное, это ужасно – начинать новую работу на новом месте, как эти парни... особенно если проработал здесь долго.

Его водянистые глаза удивленно и одновременно терпеливо глядели на напарника.

– Такие же парни, как я, давно уж не дети. Они исчезают, и я не знаю, что об этом и думать. Вы понимаете, что я имею в виду?

Серый выглядел смущенным, потом раздраженным и, наконец, вскинулся.

– Ч-черт! – сказал он сквозь зубы и достал из инструментального ящика доску для карт – покрытую грязью, старую пластиковую доску, тщательно отшлифованную и покрывшуюся от возраста патиной, как пеньковая трубка. – Кончай разглагольствовать. Иди сюда, пора начинать игру.

– Я ДОЛЖНА знать, что вы собираетесь демонстрировать, – сказала девушка. – Это нужно для отчета.

– Устройства, сберегающие труд, – сказал ей Альва. – Последние лучшие достижения человеческой изобретательности, разработанные для...

– Машины, – сказала девушка, что-то записав, затем добавила: – За использование места на территории выставки положена плата. Поскольку вы только начинаете, сегодня вы будете должны, н-ну, двадцать двоек.

Альва заколебался. Он понятия не имел, что такое двойка – это походило на две монеты. Может, имелись в виду отекаленные вручную монеты Навозников?

– Боюсь, у меня нет ваших денег, – сказал он, доставая из поясного кошелька пригоршню стальных пластинок. – Как вы думаете, это пойдет?

Девушка пристально поглядела на него.

– Золото? – спросила она. – Драгоценности, платина, что-то в том же духе?

Альва покачал головой.

– Вы уверены?

Альва в отчаянии пожал плечами.

– Ладно, – сказала она, секунду подумав, – возможно, что-нибудь получится устроить. Во всяком случае, я дам вам поговорить об этом с Доком. Пусть он решит. Идемте.

– Минутку, – сказал Альва и бросился в летающую платформу, нашел то, что искал, и поспешно выскочил наружу.

– Что это? – спросила девушка, глядя на объемистый мешочек у него на поясе.

– Всего лишь несколько вещичек, которые я хочу взять с собой.

– Вы не против того, чтобы показать их мне?

– Н-ну... да. – Он открыл мешочек. – Зажигалка, фонарик, бритва, плащ, нагреватель, парочка лекарств, тюбики с пищевыми концентратами... Гм-м... Не знаю, зачем я захватил и это – сигнал бедствия для людей, заблудившихся в подземке.

– Вы же не можете знать заранее, – сказала девушка, – когда эта вещь пригодится.

– И это верно. Гм-м... А вот эта штука, похожая на две гантели и штопор...

– Ладно, – сказала девушка. – Пойдемте.

Первый сарай, который они прошли, был занят существами, похожими на черепах с блестящими четырехфутовыми панцирями. В ближайшей палатке какой-то человек сдирал с одного из них тонкие слои панциря, которые оказались прозрачными и бесцветными. Он передавал их женщине, та окунала их в бассейн, затем выкладывала их на доску сохнуть. Альва заметил, что в дальнем конце ряда панцири расправлялись в диски.

Девушка, очевидно, неверно приняла его выражение лица за любопытство.

– Стекланные черепахи, – сказала она. – Используются для окон и так далее. У молодых панцири более горбатые – почти шарообразные. Они идут на изготовление бутылок, шаров и других вещей.

Альва уклончиво замигал.

Они миновали прилавок, на котором были выложены металлические предметы – ножи, топоры и так далее. Все они, машинально отметил Альва, были лишь грубо подобными. Казалось, здесь вообще не существует никакой стандартизации.

– Местные изделия, – сообщила девушка. – Металл добывают в Железных Ямах всего лишь в нескольких милях к югу отсюда.

В следующем сарае стоял длинный ряд вертикальных прямоугольников – большинство пустых. Однако, ближайший оказался заполненным тоненькой пленкой или тканью. По этой невесомой материи быстро ползало вверх и вниз маленькое алое создание, постепенно перемещаясь слева направо.

– Квадратная паутина, – пояснила Альва девушка. – Платье, которое я ношу, сшито из такой же.

Альва осмотрел его и подтвердил свое предыдущее впечатление, что платье непрозрачно. Жалко, так как она ладно скроена. Впрочем, какая разница — ведь, в конце концов, девчонка всего лишь Навозник.

Далее было большое свободное место, где стояло с полдюжину животных, не напоминающих ничего из существующего в природе. Они были широкими, приземистыми, высотой футов шесть в плечах. Головы у них были как у рептилий, покрытые чешуей с оранжевыми, голубыми, желтыми, красными, как мак, алыми и ржавых оттенков.

Самым странным казалось то, что у них было по три пары ног, а из спины вырастала серия выпуклостей. Сначала они были вертикальными, напоминающими щит, но позади первой пары плеч ложились горизонтально. За ними было нечто, похожее на нелепое кресло, на котором даже лежала яркая подушка, — а за ним тянулся двойной ряд позвонков с широким пространством между ними.

— Грузовики, — сказала девушка.

Альва кашлянул.

— Послушайте, мисс...

— Бетти Джейн Хофмейер. Но зовите меня Би Джи. Все так зовут.

— Ладно... гм-м... БИ Джи. Не могли бы вы мне объяснить кое-что? Что случилось с металлами? С пластмассами и прочими материалами? Я имею в виду, почему люди идут на такое трудности... и беспорядок, когда есть более легкий способ делать хорошие вещи?

— У всех свой вкус, — ответила она. — Здесь нужно свернуть.

Через несколько ярдов Ярмарка закончилась, и поселение началось с необычайно большого здания — достаточно большого, прикинул Альва, чтобы заполнить почти все крыло отеля третьего класса в Нью-Йорке. В отличие от лачуг, которые он видел на юге, здание было построено из однородного материала, гладко, без стыков и швов, и весьма хорошей формы.

Альва был так поглощен наблюдением, что лишь когда девушка сделала три шага через дверь и нетерпеливо обернулась, он понял, что начался очередной кризис — его пригласили войти в жилище Навозника.

— Ну же, идемте, — сказала Би Джи.

Твердо, но максимально дипломатично отклоняйте любые предложения еды и поездок в транспорте, было сказано в данных ему инструкциях. Используйте любые отговорки, которые может предложить конкретная ситуация, например: «Спасибо,

но доктор запретил мне прикасаться к меху», или «Простите, но у меня ангина, так что я не могу есть».

Альва отчаянно закашлялся. Ситуация не предлагала вообще ничего. К счастью, ему помог желудок.

– Может, мне лучше не стоит входить, – сказал Альва. – Я не очень хорошо себя чувствую. Может, если я просто спокойно посижу здесь...

– Вы можете посидеть внутри, – живо сказала девушка. – Если вам нехорошо, Док осмотрит вас.

– Ну, – отчаянно взмолился Альва, – а разве вы не можете привести его сюда на минутку? Мне действительно кажется...

– Док – занятой человек. Так вы идете или нет?

Альва заколебался. Есть только две возможности, сказал он себе: а) ему как-то удастся удержать завтрак внутри, и б) не удастся.

Как только он переступил порог, тошнота началась слабым, предупреждающим приступом боли. И продолжала усиливаться, пока он шел за Би Джи мимо клеток, заполненных существами, которые щебетали, каркали, ревели, шелестели, или просто молча глазели на него. Девушка не давала никаких объяснений, за что Альва был искренне ей благодарен. Он был слишком занят, сосредотачиваясь на попытке не сосредотачиваться на своих страданиях.

По той же причине он не заметил, когда именно ряды клеток сменились длинным рядом сидящих в горшках зеленых растений. Альва, тащившийся за Би Джи, только сейчас начал обдумывать вопрос, доживет ли он до конца этих рядов, когда они свернули за угол и оказались на площадке, где уже было полдесятка человек.

Одним из них был юноша с печальным лицом – Арти. Другой, коренастый, с объемистой грудью, животом и вообще без шеи, разговаривал с ним, а остальные стояли и слушали. Би Джи остановилась и принялась молча ждать. Альва, по необходимости, сделал то же самое.

– ...пока что лишь немного рассады и чуть-чуть однолетних... а там посмотрим, как пойдет дело. Если у вас будет позже больше места... О чем это я? – коренастый нервно взерошил волосы. – А-а!.. Слушайте, Арти, у меня была для вас копия технических требований, но глупая птица напала на экран и сломала его. Секундочку. – Он резко повернулся. – Привет, Би Джи. Мы на секунду в библиотеку. Идешь с нами?

Он повернулся и куда-то целеустремленно направился. Арти, Би Джи и Альва пошли за ним.

Помещение, в которые они попали, было, с точки зрения Альвы, самым худшим из всех, где он когда-либо побывал. Сто футов в длину, пятьдесят в ширину — и повсюду — на стенах и стойках, протянутых по всей длине помещения, а также порхая в воздухе — были маленькие, хрипло вопиющие птицы с оперением всех оттенков радуги от фиолетового до красного.

— Нужна семь-один-о-три, — прокричал коренастый.

Все помещение заполнилось воплями птиц, повторяющих его слова. Секунду спустя в воздухе что-то мелькнуло, и на плечо коренастого села птица с тупым зеленым клювом.

— Р-р-к, — сказала она, а затем отчетливо произнесла: — Семь-один-о-три прибыла.

Коренастый протянул указательный палец и пересадил птицу на плечо Арти.

— Отдать вам ее я не могу. Это у меня единственный экземпляр. Вам придется прослушать ее и запомнить то, что вам нужно.

— Я запомню. — Арти поглядел на сидящую на плече птицу и сказал: — Утилитарное дерево Магнуса.

Коренастый повертел головой и заметил Би Джи.

— Ну, Би Джи, у вас действительно важное дело? Потому что...

— Утилитарное дерево Магнуса, — заговорила птица. — Растет на всех почвах, прорастает более девяносто одного процента семян, стойкие к любому климату, ржавчине, окалине и другим заражениям. Съедобное от корней до листьев. Молодые побеги и листья превосходны в салатах. Самооплодотворяющееся. На второй год можно получать сок для...

— Док, — коротко сказала девушка, — это Альва Гастэд. Из Нью-Йорка. Альва, познакомьтесь с Доком Битером.

— ... золотых оранжадов весной и в начале лета. Горечь появляется в конце лета и к осени. Скрещивается с...

— Ха. Из Нью-Йорка? — хмыкнул Битер. — Далеко же вы забрались от дома. Молодой... Простите. Арти?

— ...рядов пять — сто пятнадцать. Стволы гарантированно прямые, два и четыре десятых в конце второго года, четыре и шесть десятых в...

— Дальше я сам, Док, — сказал Арти.

— Прекрасно, чудесно. — Док взял Би Джи за руку. — Давайте пойдем куда-нибудь, где можем спокойно поговорить.

— ...становятся огнестойкими и пропускают через корни...

Битер привел их в маленькую людную комнатку.

— Ну, — сказал он, пристально глядя на Альву, — и какая у вас проблема?

Би Джи коротко объяснила. Затем они оба устали на Альву. К этому времени бисеринки холодного пота усеивали его лоб, колени дрожали, и он с трудом сдерживал тошноту у критической отметки. Вся штука в том, говорил он себе, что нужно убедить себя, будто все это здание всего лишь сцена реальности, со всеми находящимися на ней объектами. Что-то из классики – «Управляющий Копенгагена» или, возможно, «Найди свой путь»?

– И что вы предлагаете? – спросил Битер.

– Можно что-нибудь подобрать.

– Гм-м... Жаль, черт побери, что мы не захватили с собой птиц. Би Джи, вы можете записать это для меня? Я соглашусь на честный обмен в качестве арендной платы, Альва, если вы просто ответите на несколько вопросов.

Выглядело это достаточно безвредным, но Альва почувствовал укол подозрительности.

– Каких вопросов?

– О, просто личных вопросов, например, о вашем возрасте, или о том, чем вы зарабатываете на жизнь.

– Мне двадцать шесть лет. Я актер.

– Только актер?

– Нет.

– А что еще вы делаете?

– Рабочий.

– Что делаете? – спросила Би Джи.

– Занимается физической работой, – сказал ей Битер. – Родители тоже чернорабочие?

– Да.

Би Джи и Битер обменялись взглядами. Альва почувствовал неловкость.

– Если это все...

– Еще парочка вопросов. Я хочу, чтобы вы рассказали мне, как вам удалось выдержать рядом с нами. Вы ведь еще не забыли, как воняют наша одежда и наши животные, все наши вещи, да и мы сами...

Это было уже слишком. Альва развернулся и вслепую бросился к двери. Позади раздались голоса:

– ...минутку.

– ...дверь в переулок!

Затем его сзади схватили за плечи руки и развернули в нужном направлении. Потом руки исчезли, а в лицо, наконец-то, пахнуло свежим воздухом.

Когда Альва выпрямился, вытирая рот и слезы, он был один, но через секунду в дверях показалась девушка.

– Все позади, – сказала она. – Можете начинать свою выставку, когда захотите.

IV

ДЕМОНСТРАЦИЯ МАГИЧЕСКИХ вещей прошла довольно неплохо – по крайней мере, никто не зевал. Однако, комические сценки полностью провалились, хотя их адаптировали специально для сельских жителей и, по всем законам психостатики, они должны были дойти даже до самых тупых задниц.

Альва начал было надеяться на свои переговоры о продаже и демонстрацию.

На универсальную плиту, готовящую все без огня и работающую вечно, глядели пустыми глазами. Когда Альва поджарил на ней демонстрационную порцию оладий из белка и предложил попробовать, желающих не нашлось, кроме маленького мальчика, но мать с такой силой потащила его с платформы по лесенке, что он чуть не вылетел по пути из штанишек.

Упрямо продолжая улыбаться, Альва достал приборы и инструменты карманной мастерской. К этому проявили больше интереса. Раздался гул заинтересованных голосов, когда он просверлил в доске из дюропласта три отверстия разных размеров, затем распилил доску пополам, сделал в одном куске выемку, а в другой шип и плотно соединил их вместе. Толпа собравшихся выросла.

– А теперь, друзья мои, – сказал Альва, – если вы уделите мне еще чуть-чуть внимания...

Следующим пунктом была небольшая силовая установка для дома, магазина или офиса. Снова пустые глаза. Альва выбрал одного Навозника в первом ряду – близорукого, с открытым от удивления ртом, закрывшими лоб волосами и корзиной в руке – словом, типичного Навозника, и заговорил, обращаясь к нему. Он превзошел самого себя, разглагольствуя о безопасности, экономичности, эффективности этой небольшой установки. Об объяснял принципы ее работы словами, понятными даже трехлетнему ребенку.

– Эта установка, – закончил он, склонившись над поручнями платформы, чтобы уставиться гипнотически в глаза выбранного Навозника, – создает энергию для вас и только для вас!

Тот замигал, достал из кармана темно-коричневый кусок чего-то, медленно сунул его в рот и принялся жевать.

Альва глубоко задышал и стиснул поручни.

— А теперь, — сказал он, переходя к главному пункту программы, — чудо века — сверхскоростная малолитражка!

Он нажал кнопку. С треском открылся сегмент корпуса летающей платформы и опустил на землю маленький, сверкающий двухколесный автомобиль.

— А теперь, друзья, — провозгласил Альва, — осталось лишь продемонстрировать удивительные качества этого научного чуда. Тут у кого-нибудь есть быстро бегающее животное, которое может посоревноваться с моей машиной.

Навозники впервыеотреагировали согласно расчетам специалистов. Раздались крики:

— А хочу!..

— Мэл, где ты, давай!..

— Я здесь, мистер!

— Да, сэр!..

— Друзья, друзья! — воскликнул Альва, вскинув вверх руки.

— Здесь нет места для всех. Выберите какого-нибудь одного представителя.

— Свифти! — заорал кто-то, и остальные подхватили это имя.

Из толпы стал выбираться рыжеволосый молодой человек, сопровождаемый ликующими криками и хлопками по спине.

Альва включил световую указку и принялся разъяснять существенные особенности малолитражки. Не прошло и четверти часа, как рыжеволосый вновь появился верхом на животном, которое, как сумел рассмотреть Альва, превозмогая отвращение, было помесью лошади, рыси, верблюда и чистого ужаса.

Для толпы, очевидно, оно являлось одним из самых прекрасных творений природы. Альва проглотил наполнившую рот желчь и снова повысил голос:

— А теперь освободите место, друзья... Побольше, побольше!

На это тоже ушло время, но, в конце концов, самозванные распорядители раздвинули толпу. Альва спустился с платформы, неся с собой яркие маркеры, и, сопровождаемый рыжим, обозначил ими границы на расстоянии нескольких ярдов.

— Это будет наш маршрут, — сказал он Свифти. — Вокруг маркеров и летающей платформы... ну, штуки, на которой я стоял. Сделаем десять кругов, начав и закончив здесь. Согласны?

— Вполне, — ответил рыжий, усмехаясь еще шире прежнего.

Тут же появились самозванные хронометристы и сигнальщики. Когда Альва на малолитражке и рыжий на своем чудище встали в одну линию, сигнальщик проревел: «На старт... Марш!» и щелкнул коротким кнутом с шумом, непропорциональным его размерам.

На мгновение Альве показалось, что Свифти и его ужасное животное просто исчезли. Затем он увидел, как они, уменьшаясь, проделали уже полпути по маршруту до конечного маркера. Он ударил по кнопке подачи энергии и, взлетев в воздух, ринулся их преследовать.

После первого круга Свифти далеко опережал Альву. Но по прямой Альва несся быстрее, и у поворота он был уже всего лишь на два корпуса животного позади них, а на следующей прямо они шли голова в голову. Альва сохранял эту дистанцию два следующих круга, затем стал постепенно выходить вперед. Толпа вокруг превратилась в разноцветную полосу. На шестом круге Альва окончательно обогнал Свифти и продолжал увеличивать эту дистанцию, а на десятом был уже почти на круг впереди, и когда скользнул прямо к финишу, бедный Свифти и его исходящее паром от пота животное были еще на полпути к последней прямой.

– А теперь, друзья, – сказал Альва, вновь поднимаясь на платформу, – я хочу рассказать вам, как вы сами можете стать владельцами этой замечательной малолитражки и кучи других чудес... Но сначала, может, кто-нибудь хочет задать мне вопросы?

Свифти вышел из толпы, уже без ухмылки и похожий на человека, которого шарахнуло молнией.

– Сколько я смогу получить? – крикнул он.

Альва решил, что Свифти, должно быть, что-то не так понял.

– Вы можете купить любое количество, какое захотите, – сказал он. – Цена вполне разумна... И я собираюсь привезти их...

– Я не спрашиваю, сколько штук вы продадите, – крикнул Свифти. – Я хочу знать, сколько она даст телят, жеребят или как их там называют?... Короче, приплод!

Поднялся общий ропот соглашающихся голосов. Казалось, это хотели знать все.

Потрясенный, Альва быстро и просто, как мог, постарался исправить это недоразумение.

– Вы имеете в виду, – перебил его кто-то, – что они не размножаются?

– Разумеется, нет. Если машина сломается – а они, друзья, построены надежно и станут служить долго, – то вы отремонтируете ее или купите другую.

– Сколько стоит? – прокричал кто-то из толпы.

– Друзья. Мне не нужны ваши деньги, – ответил Альва. – Мы просто хотим...

– Тогда как мы будем платить за ваши товары?

— Я как раз подошел к этому. Друзья, когда два человека хотят торговать, для этого существует самый простой способ. Вам нужна ваша продукция. Нам нужны металлы — железо, алюминий, хром...

— А предположим, у человека нет никаких металлов?

— Ну, сэр, существует много других товаров, какие можно использовать, кроме металлов. Например, натуральные фрукты и овощи.

Тут впервые проснулся мужлан с тупым лицом, стоящий в первом ряду, тот, что держал корзину. Он закрыл рот, затем снова открыл его.

— Какие продукты?

— Натуральные продукты, друг. Знаете, те, что ели наши прапра-прадеды. У нас они являются деликатесами и даже...

Мужлан сделал несколько шагов к лесенке, ведущей на платформу. Его скрюченные пальцы нырнули в корзину и достали оттуда гладкое яйцо из красного золота. Он протянул его в сторону Альвы.

— Вы хотите сказать, что никогда не пробовали это? — недоверчиво спросил он.

Альва невольно сглотнул и отступил на шаг. Навозник поднялся по лесенке и направился к нему.

— Сами попробуйте его, — печально сказал он, протягивая красный фрукт. — Уверяю вас, у меня самые сочные, самые лучшие... Попробуйте, я разрешаю..

— Я не голоден, — отчаянно заявил Альва. — Я на диете. А теперь, если вы отойдете, друг, и дадите мне закончить...

Навозник уставился на Альву, держа свой фрукт перед самым его носом.

— Вы заявляете, что отказываетесь даже попробовать его? — спросил он.

— Да, — ответил Альва, стараясь не дышать. — А теперь отойдите, друг, не надо на меня напирать.

— Нет, вы все же попробуете его! — рявкнул Навозник и сунул свой фрукт прямо в лицо Альвы.

Альва увидел, как прямо в глаза ему летит что-то красное, и, замигав, чтобы прочистить глаза от сока и мякоти, увидел отвратительную усмешку на лице стоящего перед ним мужлана. По ушам ударил раскатистый хохот. Отплевываясь, он стиснул кулак и резко ударил прямо по этой усмешке так, что мужлан полетел с платформы вместе со своей корзиной, разлетающимися из нее фруктами и всем остальным.

Смех в толпе собравшихся замер, наступила выжидающая тишина. Альва наощупь раскрыл свой ящичек для тканей, выхватил из него тампоны и принялся вытирать ими лицо. Затем, увидев, что они вымазаны чем-то красным, Альва судорожно швырнуло тампоны в толпу и, перегнувшись через поручни, заорал:

– Паршивые, грязные, вонючие Навозники!..

Навозники в первых рядах повернулись и поглядели друг на друга. Затем двое полезли по лесенке на платформу, а за ними еще двое...

По-прежнему не помня себя, Альва встретил первую парочку сильными ударами в грудь. Лесенка опустела, но, повернувшись, Альва увидел, как еще трое кандидатов перелезают через поручни. Он ударил первого, сбив его с ног, но второй обеими руками захватил руку Альвы и повалился на спину. Альва невольно нырнул за ним и с такой силой ударился головой о настил платформы, что зазвенело в ушах.

Через несколько секунд он понял, что лежит на боку, а не менее двадцати башмаков с толстыми подошвами и широкими рантами выбивают из него пыль.

Альва отчаянно перевернулся на живот, схватил первую попавшуюся ногу и резким толчком скинул ее владельца с платформы. В следующую минуту, после отчаянной борьбы, сопровождающейся ударами и стуком по черепам, ему удалось расчистить вокруг себя свободное место. Какая-то неясная фигура бросилась к нему, Альва ударил нападавшего по уху, и тот перелетел через поручни.

Каким-то образом оружие само оказалось в его руке.

На мгновение он замер, стискивая измазанной грязью рукой пистолет и прикидывая, сколько времени потребуется Навозникам, чтобы залезть на платформу. Он ясно видел лица в толпе. Среди них были Арти, Док Битер и Джейк с разинутым в крике ртом. Там также была и девушка Би Джи в странной позе – наклонившись вперед и вытянув опущенную правую руку. Выглядела она так, словно что-то бросила в его сторону.

Все это мгновение было застывшим, а затем пришло в движение. Альва увидел какое-то серо-белое пятно, летящее к нему. Он попытался увернуться, но оно ударило его в плечо и взорвалось со странным бумажным треском. На мгновение воздух заполнился яркими пляшущими искорками. Затем они погасли.

У Альвы не было времени думать об этом. Пальцем он перевел рычажок на разрывные пули, прицелился и нажал спусковой крючок.

И ничего не произошло.

Двое Навозников лезли по лесенке и еще трое переваливались через поручни. Не веря самому себе, Альва нажал спусковой крючок еще раз, потом еще и еще. Оружие не стреляло.

Три Навозника были уже на платформе, а еще четверо лезли за ними. Альва прыгнул в открытую дверь и ударил по кнопке. Дверь осталась открытой.

Навозники столпились в дверях, пялясь на него, как посетители на аквариум. Альва бросился к пульту управления и нажал кнопку подъема. Платформа даже не дрогнула.

– Холли! Люк! – раздался ясный голос снаружи, и Навозники повернулись. – Оставьте его в покое. У него теперь хватит проблем!

Альва принялся поочередно нажимать все кнопки на пульте.

Освещение не работало.

Кондиционер не работал.

Ароматизатор не работал.

Музыкальный автомат не работал.

Один из Навозников сунул голову в каюту.

– Считает потери, – задумчиво произнес он и снова исчез.

Альва услышал, как этот же Навозник спросил снаружи:

– Это ты что-то сделала, Би Джи?

– Да, – ответила девушка, – это я кое-что сделала.

Альва осторожно выглянул из каюты. Девушка стояла возле платформы, глядя, как Навозники поочередно спускаются по лесенке.

– Ты... – сказал он ей.

Девушка не обратила на него внимания.

– Это одна из тех вещичек, Люк, – сказала она.

Люк торжественно кивнул.

– Ну, да, Ярмарка бывает лишь раз в году.

Вместе с другими он двинулся мимо нее в толпу, а толпа уже начала расходиться.

– Ездить на остром хребте – то, что надо! – послышался знакомый голос.

– Давай, Джейк! – понял в ответ целый хор голосов.

– Наступает время оценки домашней птицы! – прокричал кто-то, и толпа стала рассасываться еще быстрее.

Альва спустился с платформы и сел в малолитражку. Щелкнул тумблером – никакого ответа.

Альва рывком раскрыл свой мешок и принялся доставать из него предмет за предметом, мгновение держал их в руках, затем швырял на землю. Бритва, нагреватель, пылесос, вибромассажер – ничего не действовало.

Мимо проехал Свифти, непринужденно сидя на своей ужасной помеси верблюда, рыси и лошади. При виде Альвы он громко присвистнул.

– Эй, мистер Сильный и Могучий! – окликнул он. – Что вы будете делать теперь?

Этот самый вопрос задавал себе Альва. Он был примерно в тысяче миль, если считать напрямую по воздуху – по земле, вероятно, будут все полторы тысячи. У него не было ни транспорта, ни укрытия, никаких электроприборов, никакого оборудования. Он с ужасом понял, что мгновенно стал отрезанным от всего, что делает человека цивилизованным.

И что теперь?

V

НОГИ УПРАВЛЯЮЩЕГО Витэка лежали на глянцевой рабочем столе. Как и у Диспетчера – узколицего старого мистера Криди, как и у Директора информатория, толстого мистера Клинга, а так же у Специального Уполномоченного по продовольствию, покрытого пятнами и прыщами мистера Джексона, и Специального Уполномоченного по военным действиям, свинорылого мистера Макардла. Откинувшись на спинки кресел, они сквозь дымку сигарного дыма глядели на собственные лица, отражающиеся в зеркальном потолке.

Голос Витэка звучал как всегда уверенно, когда он приглушенно отпускал замечания, пока говорили другие. Здесь не было наемных ничтожеств, которых видел Альва. Здесь собрались люди, которые, собственно, и сделали Витэка, электорат, с согласия которого он правил всем.

– Джек, – сказал Витэк, – я хочу, чтобы вы выслушали меня и сказали, прав я или нет. Не важно, сколько времени мы сумеем протянуть. Главное, понять, можем ли мы что-то сделать.

– Вовремя, – бесстрастно добавил Джексон.

– Вовремя. Но если мы что-нибудь можем сделать, мы найдем для этого время. Вы сказали, что у нас есть проблемы, и вы правы, но говорю вам, мы сумеем выжить в ситуации, в тысячу раз хуже нынешней, – если у нас будет ответ. А у нас есть ответ? Есть.

– Вам всегда хочется увидеть какие-нибудь результаты, Болек.

– Вы тоже увидите их. Нельзя получить продукт из дрожжевого резервуара в первый же день.

— Но можно увидеть, как он пузырится, — неприятным голосом возразил Джексон. — Был ли получен какой-либо отчет от этого Гастэда?

— Да. Вчера он добился кое-каких результатов. И теперь развивает их. Я думаю, парень добьется своего — не зря анализаторы выбрали его карту из пяти миллионов. Подождем и посмотрим.

— Хорошо, раз вы так считаете, Болек.

— Я так считаю.

— Этого достаточно, — кивнул Джексон. — Господа?

В ДРУГОМ звукоизолированном, защищенном от всех видов шпионажа офисе, двадцать минут спустя снова встретились Клинг и Макардл.

— Ну и что вы думаете? — с вечной неуместной улыбочкой спросил Клинг.

— Весьма неплохо. Я надеялся, что он начнет лгать об отчете Гастэда, но, конечно же, шансов на это было мало. Витэк — опытный работник.

— Вы что, восхищаетесь им? — спросил Клинг.

— Как любым экземпляром его типа. Витэк вытащил нас из кризиса тридцать девятого года.

— Согласен.

— И с тех пор мы использовали его. Есть времена, когда блестящая импровизация лучше твердого плана — а бывает наоборот. Витэк — неизлечимый романтик.

— А вы?

— А мы, — мрачно сказал Макардл, — реалисты.

— О, да. Но, возможно, мы еще просто никто. Криди заинтересован, но не убежден, а пока он не сдвинется с места, Джексон ничего не сделает.

— Проект Витэка провальный. Нельзя наладить деловые отношения с Навозниками. Но этот дурак так уверен в себе, что даже не стал вмешиваться в брифинг с Гастэдом.

— А вы? — Клинг заинтересованно подался вперед.

— И я нет. В этом не было необходимости. Но это значит, что у Гастэда нет инструкций фальсифицировать успешные отчеты... И это значит, что Витэк не может прекратить все это, пока он не вернется. Сегодня от него не поступило никакого отчета. А что, если их не будет завтра, и на следующий день, и на следующий?..

— В таком случае, конечно... Однако, нужно всегда вносить свое встречное предложение. Вы сказали, что хотите что-то показать мне сегодня.

— Да. Следуйте за мной.

В запертой комнате в конце коридора сидели пять молодых людей. Они вскинули головы, когда вошли Клинг и Макардл.

— Расслабьтесь, — сказал им Макардл. — Этот джентльмен со мной, он задаст вам несколько вопросов. Можете свободно отвечать на них. — Он повернулся к Клингу. — Давайте... спросите их что-нибудь.

Клинг изящно приподнял брови, посмотрел на молодых людей, выбрал одного из них и спросил:

— Ваше имя?

— Уолтер Б. Лимлер, сэр.

Клинг слегка поморщился.

— Пожалуйста, не называйте меня «сэр». Где вы живете?

— Бараки ЦФФ, ряд три, Маккормик.

— ЦФФ? — хмуро переспросил его Клинг. — Маккормик? Я не знаю такой район. Где это?

Молодой человек, белокурый и очень серьезный, позволил себе слегка удивиться.

— В Петле, — ответил он.

— А где эта Петля?

Молодой человек определенно был поражен. Он взглянул на Макардла, облизнул губы и сказал:

— Ну, прямо здесь, сэр. В Чикаго.

Брови Клинга поднялись, но тут же опустились. Он улыбнулся.

— Кажется, я начинаю понимать, — пробормотал он Макардлу.

АЛЬВА ПОТРАТИЛ два часа, используя инструменты, которые не предназначались для применения их вручную, чтобы отвернуть пластину двигательного отсека. Он стал сравнивать сложный механизм с чертежами и фотоснимками в руководстве по обслуживанию. Поискал пыль и грязь, проверил все движущиеся части, осмотрел проводку на предмет замыкания и ржавчины. Короче, проделал все, что было написано в руководстве, и даже слегка повернул маховое колесо, явно при этом почувствовав, что платформа дрогнула на долю дюйма. Насколько он мог сказать, все было в порядке, значит, проблема заключалась в сердечнике двигателя — создававшем силовое поле, вращающее ось и заставляющее все работать.

У кожуха сердечника была «легко снимающаяся секция», как было написано в руководстве. Иронию этих слов Альва осознал, когда провозился с ним больше трех часов.

Сунув палец внутрь, он не почувствовал никакого сопротивления. Полость в форме шпильки была пуста.

Если не работает силовое поле двигателя, в руководстве было просто сказано: удалите и замените родопалладиумные кристаллы.

Альва все осмотрел. Он нашел гнезда, где должны быть эти кристаллы, одно в головке оси, а другое в противоположном ее конце. Вот только никаких кристаллов там не было.

Альва пошел в складской отсек. Игнорируя все более и более сильные позывы пустого желудка, он провел двадцать минут, пытаясь найти место, где хранятся запасные кристаллы. Затем снял печать с коробки и открыл крышку.

Кристаллы лежали там. И вдруг, откуда ни возьмись, появилось яростно кружащееся облачко, которое на мгновение нырнуло в коробку, тут же вылетело из нее и устремилось в небытие, откуда возникло. А кристаллов в коробке уже не было.

Альва уставился в пустую коробку. Ткнул указательным пальцем в одну за другой уютные гнездышки. Затем аккуратно поставил коробку на место, развернулся, вышел на платформу и, сев на верхнюю ступеньку лесенки, положил подбородок на стиснутые кулаки.

– У вас усталый вид, – услышал он голос Би Джи.

– Уйдите, – взглянув на нее, кратко сказал Альва.

– Вы сегодня что-нибудь ели? – спросила девушка.

Альва не ответил.

– Не дуйтесь, – не отставала она. – У вас проблема. Мы чувствуем себя ответственными за нее. Возможно, мы как-то можем помочь вам.

Альва медленно встал, внимательно осмотрел ее с головы до пят и обратно.

– Есть кое-что, что вы можете сделать для меня, – сказал он. – Улыбнитесь.

– Зачем? – осторожно спросила девушка.

– Я хочу увидеть ваши клыки. – Он устало повернулся и ушел в каюту платформы.

Несколько минут он мерял ее шагами, затем достал из складской комнаты сухпаек, сел в кресло перед пультом управления и принялся есть. Но блестящий пульт с множеством бесполезных тумблеров и кнопок напоминал ему о случившемся, так что он вышел наружу и сел, прислонившись спиной к корпусу платформы возле двери. Девушка, все еще стоящая там, поглядела на него.

– Послушайте, – сказала она. – Мне действительно очень жаль.

Полуразжеванный кусок орехового кекса твердой глыбой спустился по его пищеводу и, точно камень, осел на дно желудка.

– Пожалуйста, не упоминайте больше об этом, – с горечью попросил он. – Это же такие пустяки...

– Но мне пришлось это сделать. Вы могли кого-нибудь убить.

Альва откусил от пайка еще один кусок. Ему требовалось что-то делать – хотя бы жевать.

– И что это было? – спросил он.

– Металлофаги, – ответила девушка. – Пожирают металлы платинового ряда. Очень трудно получить их в чистом виде, так что мы не были уверены, что произойдет.

Альва медленно проглотил остатки кекса.

– Кто это «мы»? Вы и Битер?

– В основном.

– И вы... вы создали тварей, пожирающих родопалладий?

Девушка кивнула.

– Значит, у вас должен быть запас, чтобы кормить их, – логично вывел Альва, вскочил и схватился за поручни. – Отдайте его мне.

Девушка заколебалась.

– Может быть, что-то и...

– Может быть? Должен быть!

– Вы не понимаете. Они не едят металл... по крайней мере, он нужен не для питания.

– Что же тогда они с ним делают?

– Строят гнезда, – сказала девушка. – Но пойдемте в лабораторию и сами посмотрим.

У двери в лабораторию они снова поспорили.

– Говорю в последний раз, – заявил Альва. – Внутрь я не войду. Я только что съел половину кекса. А у меня не такие большие запасы пищи, чтобы тратить ее впустую. Найдите металл и принесите его.

– Говорю в последний раз, – в тон ему ответила Би Джи, – Вы бросьте из головы, что все должны бросаться делать то, что вам нужно. Если вам нужно, чтобы я поискала нужный металл, то вы пойдете со мной и станете мне помогать.

Они впились друг в друга взглядами. Ну что ж, покорно подумал Альва, не очень-то мне и хотелось этого кекса.

Они пошли тем же маршрутом мимо тварей, которые щебетали, каркали, ревели и шелестели. Главное, вспомнил Альва, нужно отвлечься от окружающего.

– Скажите мне кое-что, – сказал он в подстриженный затылок девушки. – Вы все равно считаете, что я ничего бы не продал, даже если бы не схватился с тем фермером с корзинкой?

– Конечно.

– Но почему? К чему все это отрицание техники? Или это у вас является табу?

Она ничего не ответила.

– Это что, из-за вашего страха, что Города одолеют вас? – настойчиво продолжал Альва. – Но это же глупо. У нас, как и у вас, есть свои интересы. Мы только хотим торговать с вами техникой – и помогая вам, мы помогаем себе. И чем богаче вы станете, тем лучше для нас.

– Не в этом дело, – просила девушка через плечо.

– А тогда в чем? Это беспокоит меня. У вас все запасы сырья – и все земли. Вам вообще не нужно было ждать, когда мы придем к вам – вы могли бы построить собственные заводы, производить собственные машины. Но у вас ничего этого нет. Я не могу понять, почему.

– Не стоит даже браться за это.

Альва закашлялся.

– За все стоит браться, что помогает вам сделать ту же работу более эффективно, более интел...

– Подождите минутку, – остановила девушка какую-то женщину, идущую по проходу между клетками. – Мардж, а где Док?

– Кажется, внизу, у круглых червей.

– Передайте ему, что мне нужно его видеть. Срочно. Мы подождем здесь. – Она проследовала в комнатку без окон, тесную и загроможденную, как и все остальные, что видел здесь Альва.

– Ну, видите ли, – сказала она, – мы не возимся с машинами, потому что большинство людей просто не испытывает в них потребности.

– Это же просто смешно, – тут же принялся спорить Альва. – Не можете же вы считать...

– Помолчите и дайте мне закончить. У нас нет централизованной власти или же промышленных центров. Но как вы думаете, почему Города не разбили нас во время войны, когда так стремились к этому? Как вы думаете, почему мы захватили весь мир, за исключением двадцати двух городов? Рано или поздно вы должны понять, что наши растения и животные гораздо эффективнее, чем любые машины, которые вы можете создать.

Альва в упор посмотрел на нее. Глаза у нее были блестящими и полными решимости. Грудь высоко вздымалась при дыхании. Всем своим видом она подчеркивала серьезность своих слов.

– Чепуха! – с достоинством ответил он.

Би Джи нетерпеливо покачала головой.

– Я знаю, что у вас есть мозги. Используйте же их. Какие самые дорогие компоненты из тех, что входят в состав ваших машин?

– Металл. По правде сказать, он нам очень нужен.
– Подумайте дальше. Что должны экономить и заменять все ваши устройства?

– Ну, рабочую силу.

– Человеческую рабочую силу. Если металл дорогой, то лишь потому, что стоит много человеко-часов.

– Ну, если хотите смотреть с такой точки зрения...

– Но это правда, не так ли? Почему сложные вещи дороже простых? Потому что требуется больше человеко-часов, чтобы сделать их. Почему редкие вещи дороже распространенных? Нужно больше человеко-часов, чтобы отыскать их. Почему...

– Ну, и к чему вы клоните?

– Возьмем вашу малолитражку. Вы видели, что эта вещь заинтересовала людей больше всего. Но я скажу вам, почему вы никогда не продали бы ни один ее экземпляр. Сколько человеко-часов ушло на ее производство?

Альва беспокойно замаялся.

– Но она же сейчас не работает. Сейчас это просто кусок металла.

– Предположим, что она работает, – фыркнула девушка. – Так ответьте мне честно. Прикиньте все – амортизацию заводского оборудования, материалы, рабочую силу и так далее. Можете считать заработную плату и цены в ваших деньгах... Хотя бы приблизительно.

Альва подумал.

– Где-то между семьсот пятидесятью и тысячей.

– Теперь сравните это с Утренней Гаммой Свифти – существом, с которым вы устроили гонки. Два человеко-часа... Всего два, и то еще я назначила щедрую цену.

– Интересно, – сказал Альва, – если это так. – Он подавил позыв тошноты.

– Считайте сами. Час на ветеринара, когда Гамма была жеребенком. Прикинем еще один час на амортизацию конюшни, где она росла и содержалась, и то это слишком много. Конюшню вырастить не так уж трудно, а живут они долго.

Альва, который пока что не изменил свое мнение о машинах, не знал, может ли оценить, правильно она считает или нет.

– Хорошо, два часа, – сказал он. – Без сомнения, животные сами себя кормят и поят.

– Так и есть, но все это входит в содержание. Мы заготавливаем для них фураж. А вашим машинам нужна энергия. Наши животные восстанавливаются, как и любые живые организмы, только еще быстрее и лучше. Ваши машины нужно ремонтиро-

вать и обслуживать. На это уходит еще много человеко-часов. Между прочим, если бы вы и Свифти предприняли десятичасовую поездку, вы в своей повозке, а он на Гамме, то вы провели бы за управлением все десять часов, а Свифти, в общей сложности, минут пятнадцать. А теперь перейдем к преимуществам...

– В другой раз, – раздраженно сказал Альва.

– Но это важно. Когда ваша малолитражка...

– Я не хочу больше говорить об этом, – сказал Альва, повышая голос. – Вы против?

– Когда ваша малолитражка ломается так, что ее уже нельзя отремонтировать, – настойчиво продолжала девушка, – вам приходится покупать другую. Кобыла Свифти ежегодно приносит двойню. Вот так-то. Подумайте об этом.

Открылась дверь, и вошел Битер, еще более взволнованный, чем прежде.

– Привет. Би Джи, привет. Альва. Би Джи, я думаю, нам нужно использовать для этой работы червей из резерва. Партия Ф-3 дала отрицательные результаты.

– Так вы утверждаете Ф-2? – уточнила девушка.

Альва с трудом опомнился.

– Родопалладиум, – настойчиво сказал он. – Мне нужно где-то с грамм. У вас он есть?

– Среди отходов нет, – бодро ответил Битер. – не считая гнезд, разумеется.

– Я сказала ему то же самое, – встала Би Джи.

Альва на секунду закрыл глаза.

– Где гнезда? – тщательно выговаривая каждое слово, спросил он.

– Хотел бы я сам это знать, – признался Битер. – Это чертовски печальная история. Видите ли, мы должны были создать этих металлофагов очень маленькими и очень быстрыми. Как только их выпустили из мешка, их уже никак не удержать. Мы проделали такую хорошую работу, что теперь никак не можем проверить, насколько хорошую работу сделали, – запутанно сказал он и потер задумчиво подбородок. – Но к делу это, разумеется, не относится. Даже если бы у нас были эти металлы, как бы вы получили нужный вам сплав?

– Палладий, – уточнила девушка, – плавится при температуре пятнадцать тысяч пятьдесят три градуса. Я узнала это от птицы в библиотеке.

– Самое лучшее, что могут выдать саламандры – это шестьсот градусов, – добавил Битер. – И то это для них вредно – они заболели эзофагитом.

– И некрозом, – сказала девушка, пристально глядя на Альву. Глаза его слезились, он уже плохо видел окружающее.

– Вы хотите сказать...

– Мы пытаемся объяснить вам, – сказала девушка, – что вы не сможете вернуться. Вам пора уж начать привыкать к этой мысли. Вам остается только обосноваться здесь и учиться жить с нами.

Альва почувствовал, как челюсти его шевельнулись, но не смог выдавить из себя ни слова. Тошнотворный комок уже полз вверх по пищеводу и скоро должен добраться до горла.

Кто-то схватил его за руку.

– Сюда! – рявкнул Битер.

Открылась какая-то дверь, закрылась за ним, и он оказался перед отвратительными старинными штукovinaми из белого фарфора с лужицами воды внутри. В ушах у него шумело, но, прежде чем его скрутили первые судороги, он услышал доносящиеся из другого помещения голоса девушки и Битера:

– Восемь минут на этот раз.

– Би Джи, я не знаю...

– Мы можем это сделать.

– Разумеется, сделать-то мы можем, но вот можем ли мы это сделать до того, как он умрет с голоду?

В комнатке была раковина с краном, но Альва, скорее, выпил бы яду. Он пошарил в своем пояском мешке и вытащил набор для столовой. Сполоснул рот, проглотил капсулу тонуса и мятную лепешечку. Затем открыл дверь.

– Вы чувствуете себя лучше? – спросила девушка.

Альва взглянул на нее, зажал руками рот и ринулся обратно в туалет.

Когда он снова вышел, Битер сказал:

– Достаточно с него, Би Джи. Давайте отведем его во двор, пока он не восстановит силы.

Они направились к нему, но Альва слабо, но с достоинством произнес:

– Держите свои руки подальше от меня. – Покачиваясь, он прошел мимо них и в дверях обернулся. – Я ненавижу бегать, блевать, так что никогда не забуду ваше гостеприимство. Если я когда-нибудь чем-нибудь смогу вам помочь – чем угодно, – не спешите звать меня на помощь.

Позади он слышал бормотание и какие-то странные звуки, но шел, не оглядываясь. Он уже прошел полпути по проходу между клетками, как что-то серое и пушистое село прямо на дороге, усмехаясь ему.

Оно походило на обыкновенного капуцина, не считая гротескно большой головы.

— Уйди, — сказал Альва и шагнул вперед, делая угрожающие жесты.

Животное что-то пробормотало и осталось на месте.

Дорога была заблокирована. Ладно, есть и другие выходы. Альва прошел чуть назад и свернул направо.

Там снова сидела обезьяна.

На следующем перекрестке их было уже две, и Альве невольно пришлось повернуть налево.

Потом снова направо.

Потом прямо.

И он оказался на пустом открытом месте, окруженном со всех сторон зданиями.

— Это внутренний двор, — сказал Битер, пройдя вперед со следующей за ним девушкой. — Будьте разумны, Альва. Вы хотите вернуться в Нью-Йорк, не так ли?

Казалось, это не требовало ответа. Альва молча устался на него.

— Хорошо, — продолжал Битер, — но есть всего один способ, каким вы можете воспользоваться. Это будет нелегко — я даже не говорю о том, что вам не раз выпадет шанс бороться. Но только от вас зависит, каким трудом все это вам обойдется.

— Ближе к делу, — сказал Альва.

— Вам придется позволить нам декондиционировать вас, чтобы вы могли есть нашу пищу и ездить на наших животных. А теперь подумайте об этом и не принимайте поспешных...

Альва повернулся, ища самый короткий выход наружу. Но прежде чем он нашел его, в голову ему пришла головокружительная мысль, и он повернулся обратно.

— Но в чем тут загвоздка? — спросил он, впившись взглядом сначала в Битера, потом в Би Джи. — По какой причине вы так услужливы? Вы что, специально все это подстроили?

Битер невесело рассмеялся.

— Неужели бы вы не раскусили подвох? Нет, Альва, но я признаюсь, что мы очень заинтересованы в вас по собственным причинам. Впервые за тридцать лет у нас проявилась возможность изучить Горожанина. Но все, что я вам сказал, правда. Если вы хотите вернуться домой, то это ваша единственная возможность.

— Тогда я покойник, — сказал Альва.

— Вы то, чем считаете себя, — сказал ему Битер. — Попробуйте вы, Би Джи.

Девушка смерила Альву взглядом.

– Вы думаете, что мы предлагаем невозможное. Верно? Но, разумеется, мы можем это сделать. Полагаю, вы уже понимаете, что ваш народ просто отсталый по сравнению с нами.

– Как вы себе это представляете? – спросил Альва со смесью злости и любопытства.

– Легко. Вероятно, вы плохо знаете биологию, но это-то должны знать. Какое качество делает человека доминирующей расой на этой планете?

– Вы хотите сказать, – фыркнул Альва, – что я не так умен, как Навозник?

– Нет, не ум. Попробуйте еще раз. Есть нечто более большее – ум лишь часть этого свойства.

Терпение Альвы натянулась, как тонкая нить.

– Скажите сами.

– Ладно. Мы любим считать, что важнее всего разум. Но это не так. Есть нечто важное, чего кит достигает своими размерами, а микроб – быстротой размножения. Но...

– Контроль окружающей среды! – воскликнул Альва.

– Правильно. Другие его названия – способность к адаптации, приспособляемость. Ни один организм не может быть таким независимым от окружающей среды и таким приспособляемым, как Человек. Мы могли бы жить в Нью-Йорке. Если бы захотели, за Северным полярным кругом или в тропиках. А так как вы не осмеливаетесь даже попробовать начать жизнь здесь...

– Хорошо, – секунду подумав, мрачно сказал Альва. – Когда начинаем?

VI

ОН ОТКАЗАЛСЯ от гипноза.

– Вы же обещали помогать, – с раздражением сказала Би Джи. – Мы не можем сломать ваши внутренние барьеры, если не узнаем, из чего они состоят, понимаете вы это, болван?

– Все равно, все это нелепо, – ответил Альва. – Я сказал, что разрешу вам попробовать, и разрешаю. Вы можете обследовать все мои внутренности – но только не мозги. Я внес достаточно большой Вклад Необходимых Работ в специальных лабораториях. Военные секреты. Откуда мне знать, что вы не станете расспрашивать меня о них под гипнозом?

– Да нас не интересуют... – начала было неистово Би Джи, но ее прервал Битер.

– Мы... Однако, Би Джи, нам было бы важно узнать подробности оборонительных сооружений Нью-Йорка, и я бы спросил

его об этом, если бы получил такую возможность. — Он вздохнул.
— Ладно, есть и другие способы добраться до его подсознания. Альва, откиньтесь на спинку и расслабьтесь.

— И никаких уловок? — с подозрением спросил Альва.

— Нет, мы просто собираемся попытаться усилить ваши сознательные отклики. Расслабьтесь... теперь закройте глаза. Подумайте об этой комнате, она ведь уже знакома вам. Опишите ее мне. Не спешите... А теперь мы пойдем в прошлое... далеко в прошлое. Вам три года и вы что-то уронили на пол. Что это было?..

Альва вынужден был признать, что Битер знает, что делает. День за днем они вытаскивали кусочки его памяти о детстве, события, о которых он так давно забыл, что мог поклясться, что этого никогда не было. Альва обнаружил, что есть нечто восхитительное в том, чтобы перерывать пыльные чердаки его памяти. И они наткнулись на нечто, заставившее Битера резко выпрямиться — темная фигура, держащая в руках что-то пушистое, и сопровождающее ее зловоние.

Может, это и было столь важно, как, казалось, подумал Битер, но они больше не возвращались к этому воспоминанию. Вспоминались и другие забытые вещи: непристойное двустийное о Навозниках, популярное в 2073-м году, когда Альве было десять лет, отрывок из реалити под названием «Плывущий по Стиксу», ужастик, который дети пересказывали шепотом друг другу, пугающая стерео картинка в журнале...

— Вот что нам нужно сделать, — сказала ему как-то Би Джи. — Нам нужно заставить вас понять, что ничего из всего этого не было вашими собственными идеями. Вас заставили так думать и чувствовать. Они создали вас. Это и называется воспитанием.

— Ну, это я знаю, — сказал Альва.

Девушка удивленно уставилась на него.

— Вы все это знали заранее — и промолчали?

— Нет, не так, — раздраженно и одновременно удивленно сказал Альва. — А что мне было говорить?

— А вы никогда не думали, что они должны были позволить вам самим решать за себя?

Альва обдумал ее слова.

— Нужно обучать детей думать с определенной точки зрения. Это необходимо, иначе не будет никакой преемственности между поколениями. Иначе невозможно развивать цивилизацию. Во что бы мы превратились, если бы позволили людям идти, куда им вздумается, даже уходить в Захолустье и становиться Навозниками? — торжествующе закончил он.

Но девушка не выглядела побежденной. Она просто усмехнулась с невыносимо удовлетворенным вздохом и сказала:

— А почему же люди захотят уйти к нам... если мы не можем предложить им лучшую жизнь, чем в Городе?

Это было абсурдно, но Альва так и не смог найти достойный ответ, хотя часто думал над этим. Тем временем его выносливость развивалась, и он уже мог продержаться в домах Навозников от десяти минут, до тридцати, потом до часа, потом уже целый день. Ничто там ему не нравилось, но он мог это выдерживать. Он уже мог ездить на короткие расстояния на животных Навозников, и даже тренировался носить с каждым днем все дольше пояс из натуральной кожи. Но он все еще не мог есть пищу Навозников — даже мысль о ней вызывала у него тошноту, — а его собственные запасы подходили к концу.

Странно, но он не беспокоился об этом так, как должен был. Альва чувствовал, как сопротивление внутри него размягчается с каждым днем. Он был почему-то уверен, что настанет день, когда рухнет последняя преграда. Но что-то тревожило его, что-то, что он не мог даже объяснить — но он видел это во сне, и символом этого была обширная, угрожающая арка небес.

Постепенно, от Битера, Би Джи и некоторых других работников лаборатории, Альва получил цельную картину того, как развивалась генетика Навозников. Раньше он никогда не задавался вопросом, как Навозники создают своих непристойных животных и растения. Ему просто не нравилось думать об этом. Не нравилось это ему и теперь, но Альва обнаружил, что ему более интересно, чем он мог ожидать.

Работая с точными генетическими диаграммами и книгой Дженкинса — Священным писанием микрохирургических методов, генетики Навозников могли комбинировать или изменять свойства живых организмов по своему желанию. Они могли преодолеть несовместимость разных родов и даже классов живых существ, создавая невероятные гибриды муравья и омара, собаки и кошки, вяза и спаржи. Этими методами и управляемой мутацией они могли выкраивать организмы для любого использования. Менее чем за столетие они создали совершенно новую флору и фауну, от почвенных бактерий до тяглового скота.

Но Битер считал, что это наука еще проходит младенческую стадию развития. Он предсказал, что настанет день, когда Навозникам не придется жить в дикой местности, и они создадут Города-Сады. И тогда Навозникам уже не потребуются физически трудиться на земле, а все их потребности станут удовлетворять универсальные и очень сложные живые существа.

— Нет никакой причины, почему обязательно нужно иметь два различных растения — один для выращивания дома, а другой для еды, — сказал он. — Когда-нибудь мы сможем есть плоды прямо со стен наших домов. И еще, в плазме нет ничего, запрещающего нам конструировать сразу взрослую зиготу. Мы научимся создавать что-то такое, что будет в уже готовом, живом организме менять одни органы на другие по мере надобности. Кроме того, можно существенно сократить время развития и роста. Мы еще только начинаем, Альва. Погодите и увидите, что будет лет через двадцать-тридцать.

От всего этого у Альвы возникало некое неприятное восхищение. Он не мог не заинтересоваться всей структурой общества, которая раскрывалась по мере того, как он углублялся в суть предмета. Но сам предмет ему не нравился и, видимо, никогда не понравится.

После того, как закончила свою работу Ярмарка, у Би Джи, казалось, осталось мало дел. И, насколько мог понять Альва, то же самое было и у остальных. В поселении стало тихо, как в морге. Примерно на один час каждое утро открывалась вялая торговля на центральном рынке. Иногда, по вечерам, играла какая-то музыка и желающие участвовали в неуклюжих и сложных народных танцах. Остальное же время дети носились по улицам и пастбищам, играя в какие-то непостижимые игры. А взрослые, когда были в поле зрения, сидели на крылечках по одиночке и парами, группировались у домов и на лужайках, руки их были заняты какими-то пустяками, вроде резьбы по дереву или рукоделия, но лица оставались безучастными и сонными, как у лягушек на солнце.

— Что вы вообще тут делаете для того, чтобы возбудиться? — спросил он как-то со скуки Би Джи.

Она странно поглядела на него.

— Мы работаем. Делаем вещи или наблюдаем, как вещи растут. Но, вероятно, это не то возбуждение, что вы имели в виду.

— Не то, но покажите их мне.

— Наши простые удовольствия, наверное, не интересуют вас, — задумчиво сказала она. — Они довольно однообразны. Мы танцуем, занимаемся верховой ездой, купаемся в озере...

Они пошли купаться.

Это было неплохо. Правда, тревожило то, что не было никаких специальных мест для плавания. Просто они спускались с берега к воде, плыли, сколько хотели, затем поворачивали обратно. Но озеро, к удивлению Альвы, было более чистым и лучше на вкус, чем вода в любых бассейнах, в которых он побывал.

Лежать на травке тоже было для него новым ощущением. Это было удобно... нет, не удобно, так как травинки кололись, а земля была неровной. Неудобно, но... покойно. Это действует Земля, лениво подумал он, огромная мать-Земля, качающая в колыбели – бесконечно медленное покачивание, какое можно почувствовать, только закрыв глаза.

Альва сидел, чувствуя себя одновременно бодрым и расслабленным. Би Джи лежала на земле возле него, закрыв глаза и забросив руку за голову. Это была изящная поза. Он стал восхищаться ею, сначала позой вообще, затем отдельными деталями – ее гладкой кожей, твердой грудью под полуприкрывшим ее узким купальником, чуть розоватым оттенком закрытых век – перечень можно было продолжать, и Альва вдруг понял, что Би Джи, если внимательно ее рассмотреть, очень красивая девушка. И он мимолетно подумал, почему не замечал этого прежде?

Она открыла глаза и взглянула на него. Его накрыла какая-то волна, и без особого удивления Альва понял, что наклонился и целует ее.

– Би Джи, – сказал он некоторое время спустя, – когда я вернусь в Нью-Йорк... Я хотел спросить – ты бы поехала со мной? Я имею в виду... ты отличаешься от остальных. Ты образована, умеешь читать, хорошо знаешь грамматику...

– Я понимаю, что ты говоришь это как комплимент, – ответила девушка, – и постараюсь не показаться неблагодарной или задеть твое самолюбие, но... – Она взмахнула рукой. – Например, чтение. Это – хобби Дока, которое я переняла от него. Это же примитивное умение, Альва, сродни тому, как пояснять рукописи. У нас есть другие возможности. Мы больше не нуждаемся в чтении. Теперь о грамматике... Тебя не удивило, что я использовала твою грамматику для того, чтобы тебе было понятнее? – Она нахмурилась. – Наверное, это было ошибкой. Зря я начала этот разговор. Нет, теперь уж минутку послушай! Разница между вашей грамматикой и нашей в том, что ваша устарела, по меньшей мере, на шестьдесят лет. Вся это ерунда, которую вы используете, эта архаика с лицами, числами, местоимениями... Зачем все это? Можно прекрасно обойтись и без нее.

– Ну... – начал было Альва.

– Твое предложение насчет того, чтобы уехать в Нью-Йорк, я ценю, – перебила его девушка. – Но время Городов на исходе, Альва. Через десяток лет не останется ни единого. С ними все кончено.

Альва напрягся.

– Это самая большая нелепость, что я слышал...

– Вот как? Тогда зачем ты приехал сюда?

– Ну, у нас сейчас кризис, но мы преодолеем его. Не можете же вы...

– Этот ваш кризис начался давным-давно. Если я правильно помню, это было примерно в 1927 году, когда Мюллер изменил гены у дрозофилы, облучая ее рентгеном. Это был первый шаг, более, чем за сто лет до твоего рождения. Потом, за следующие тридцать лет, появился электронный микроскоп и микрохирургия. Но настоящая биологическая революция свершилась в 1962 году, когда Дженкинс создал свое Священное писание, открыл методы генной модификации – и эпоха Городов стала клониться к закату. Постепенно люди снова начали обращаться к земле, выращивая новые зерновые культуры, создавая новые виды животных. В Больших городах разбирали на запчасти одни машины, чтобы отремонтировать другие, как насекомые, пожирающие самих себя, когда кончается пища. И теперь все подошло к концу. Ты можешь думать, что это всего лишь кризис, но нет! Это конец!

Альва словно услышал холодное эхо слов Витэка: «Пал Рим. Пал Вавилон. То же самое может произойти и с Нью-Йорком...»

– Выходит, – сказал он, – я словно крыса, убегающая с тонущего корабля?

– Альва, – вздохнула она, – у тебя прекрасные мозги. Ты умеешь ими пользоваться. Только не надо мыслить такими идиотскими метафорами и лозунгами. Я ведь не прошу, чтобы ты примкнул к побеждающей стороне. Это не имеет никакого значения. Независимо от того, какой путь ты выберешь, через несколько лет не станет никаких противоборствующих сторон.

– Чего ты тогда добиваешься? – спросил он.

– Я думаю, ничего, – печально ответила девушка. – Пойдем-ка домой.

После этого последовала серия незначительных событий, и одним прекрасным утром, отправившись погулять по холодку, они остановились отдохнуть у одиноко стоящего дома, в котором, как оказалось, жил Джордж Аллистер из клана Гробов, маленький застенчивый человек, который показывал Альве, как ставить отметки, в день его прилета.

Джордж, как заподозрил Альва – и позже Би Джи подтвердила это, стоял так низко на социальной лестнице, как только мог опуститься Навозник. Но у него был собственный дом. У него была жена, три ребенка, а возле дома поле, где паслись его животные. Дом был большой, прохладный и чистый. Он налил им лимонад – от которого Альва с тоской отказался, – из вспотевшего, переливчато-синего кувшина, пока они сидели на широком крыльце.

У Навозников совсем не было слуг. Альва вспомнил свой юношеский страх, неожиданно появившийся в те времена, когда он впервые за-интересовался девушками, что его дети, если таковые появятся, могут попасть на дно трудового бассейна, из которого он поднялся, или, что еще хуже, опуститься до состояния слуг.

После этой прогулки Альва вернулся очень тихий и задумчивый.

Несколько дней спустя, когда Би Джи работала, а Альва маялся, не зная, куда девать свободное время, он забрел в одну из комнат лаборатории, где две помощницы Битера, девушки, которых он знал в лицо, сидели с двумя большими шкатулками из дерева и кожи, в форме стручков, которые стояли открытыми на столе перед ними.

Охваченный жадой общения и в то же время озабоченный своими проблемами, Альва не обратил внимания, что девушки, очевидно, занимались чем-то сугубо личным. Даже когда они быстро захлопнули шкатулки при его приближении, это не послужило ему намеком.

— Что это? — бодро сказал он. — Можно мне посмотреть?

Они растерянно взглянули друг на друга.

— Это наши шкатулки невест, — сказала брюнетка. — Обычно мы не показываем их никому, кроме своих избранных...

Они снова обменялись взглядами.

— Он никому не расскажет, — заявила рыженькая, бросив на Альву загадочный взгляд.

Они открыли шкатулки. В каждой было множество крохотных отделений, и в каждом отделении находилось что-то, обернутое в ткань или тонкую бумагу. Брюнетка взяла самый большой предмет и с преувеличенной заботой развернула его. Это оказался бесформенный, красно-коричневый комочек.

— Домашнее растение, — сказала она, снова заворачивая его.

Рыженькая показала ему пузырек, полный крохотных белых шариков.

— Яйца ткача. Целых двести штук. Это много, но мне нравятся всякие занавески и портьеры.

— Минутку, — озадаченно сказал Альва. — А что делает домашнее растение?

— Выращивает дом, разумеется, — ответила брюнетка и достала свой пузырек, полный яиц. — Мусорщики.

У рыженькой был прозрачный мешочек с темными пятнышками в нем.

— Сервисные деревья.

– Конвертер мусора.

– Это превращается в кровать, а это – в кресло-качалку.

И так далее, до бесконечности. Глаза у девушек заблестели, щеки разгорелись от возбуждения.

Шкатулки, как понял Альва, содержали зародыши всего, что будет необходимо для начала обустройства домашнего хозяйства Навозников, и в первую очередь – сам дом. Альве тут же пришла в голову одна мысль:

– А у Би Джи тоже есть такая шкатулка?

Девушки уставились на него наивными глазами.

– Разумеется!

Альва неловко откашлялся.

– Странно, она никогда не упоминала о ней.

Девушки снова обменялись загадочными взглядами и промолчали. Альве почему-то стало еще более неловко, но он все же задал еще один вопрос:

– А как насчет жениха... разве он ничего не должен приготовить?

Да, как Альва и ожидал, жених должен иметь всех домашних животных, семена для вспомогательных построек и все зерновые культуры, кроме огорода невесты. Все, находящееся в доме и возле – было ее хозяйством, все, что дальше – его.

– О-о!.. – протянул Альва.

– Но если у парня по каким-то обстоятельствам нет ничего этого, все вносит его клан, а он расплачивается потом, когда встанет на ноги.

– Ага! – сказал Альва и повернулся было, чтобы уйти, пока еще не слишком поздно.

– А вы уже думали о том, – крикнула ему в спину рыженькая, – в какой клан вы хотели бы быть принятым, Альва?

– Гм-м... нет, – ответил Альва. – Не думаю.

– Поговорите с Доком Битером. Он глава Глиняных Кружек. Хороший, могучий клан.

Альва убежал.

Затем было дело с Шекспиром. Это началось на третью неделю его проживания в Захолустье, когда он уже мог носить с собой свежий мясной овощ Навозников – Би Джи называла его *радниц*. У него еще не хватало смелости откусить от него кусочек, но он уже знал, что настанет время, когда он отважится на это. Би Джи пришла к нему в комнату и сказала:

– Альва, драматическая труппа Ринольдса ставит в следующую субботу «Гамлета», и у них не хватает Полония. Как ты думаешь, ты мог бы подготовить эту роль за такой срок?

— А кто такой Гамлет? И кто такой Полоний?

Она принесла для него из библиотеки птицу, и Альва прослушал пьесу, которая оказалась архаичной версией «Управляющего Копенгагена». Правда, текст не был модернизирован и сокращен, но он уже привык к этому, как привык и к неряшливой речи Навозников. В нем было полно незнакомых слов и фразочек, типа «кандалы» или «выгнать лису из норы». На три четверти их смысл был непостижим, но постепенно Альва стал приобретать навыки, к тому же в этой пьесе была странная мощь. Это была пьеса о человеке, который сносил удары и презрение времени, об угнетенном, оскорбленном, но гордом человеке, о муках любви, презрении и так далее, и так далее... Пьеса гремела пафосом, но и это в ней было к месту.

Однако, Полоний был персонажем, в котором Альва узнал Пола Амсона из «Управляющего» — вздорный старик, который вмешался в любовь главного героя, и был убит им в третьем акте. Альва рискнул намекнуть, что ему больше подошла бы роль Гамлета, но режиссер, маленький, сухой человек с удивительно громким голосом, настаивал на том, что ему нужен только Полоний, да и для этой роли, по правде говоря, Альва был еще под вопросом.

Альва трудился до кровавых кругов в глазах.

Репетиции были сплошным кошмаром. Сам текст не явился проблемой — Альва быстро выучил его. Но в отличие от реальности, здесь сначала не было ничего, кроме простой, грубой сцены, на которой и должны были играть актеры. Но дело у него продвигалось. Он прекрасно знал текст, и, когда остальные актеры еще запинаясь и читали свои роли по подсказкам, он произносил все без запинки. Выражение лица режиссера с кислого начало сменяться враждебным, пока, за три дня до начала выступления, Альва вдруг осознал, что все вокруг сплотились против него.

Это не было похоже на реальность. Здесь не было ни микрофонов, чтобы усиливать голос, ни камер, записывающих лица крупным планом. И еще аудитория — здесь была живая аудитория!..

Альва учился играть по-другому. Попытки подражать размашистым жестам и декламаторским голосам остальных актеров быстро развивались. В жизни Альва никогда не испытывал страха сцены, но к началу спектакля в субботу вечером он превратился в бледную, взмокшую от пота развалину.

Он тупо, автоматически, дотянул до третьего акта, когда его героя убили, вяло переоделся и стал потихоньку пробираться к выходу, но там его подстерегал режиссер.

– Гастэд, – резко сказал он, – вы когда-нибудь представляли себя профессиональным актером?

– Была у меня когда-то такая мысль, – сказал Альва. – Но почему вы спрашиваете?

– Ну, так почему бы вам им не стать? Вы прекрасно играете. Я еще не видел человека, который так быстро вошел в роль.

– Что? – ошеломленно вскричал Альва.

– Вы были неплохи, – продолжал режиссер. – Сыграли несколько грубовато, но все же хорошо. Я знаю кое-кого в нескольких театральных труппах – в труппе Мондрильо, группе Калфоглу, еще в парочке других. Если хотите я отправлю к ним птиц и узнаю, есть ли у них вакантные места. И не благодарите меня. – Он отошел на несколько шагов, затем обернулся. – Да, Гастэд... переоденьтесь снова в костюм Полония.

– Гм-м... – протянул Альва. – Но я же мертв. Я имел в виду...

– Для вызовов на поклон, – сказал режиссер. – Вы же не хотите пропустить это?

Он развернулся и ушел.

Альва рассеянно достал из кармана кусок *радниа* и с хрустом откусил от него кусок. На вкус он был слегка неприятен, как старая белковая паста или неправильно изготовленный сыр, но Альва заставил себя прожевать и проглотить его.

Внезапно он понял, что должен уйти. Он не стал надевать театральный костюм. Вместо этого он порывлся в реквизите и нашел штаны из шкуры моли и пятнистую рубашку из паутинной ткани. Он надел их, прошмыгнул через заднюю дверь и направился на юг.

Юг Альва выбрал по двум причинам. Во-первых, он надеялся, что никто не станет искать его в том направлении. А во-вторых, вспомнил слова Би Джи, сказанные еще в первый день, когда он демонстрировал свои инструменты: «Металл добывают в Ямах всего в нескольких милях отсюда.»

Был еще слабый шанс, что Альва сумеет найти там нужный металл, оживить летающую платформу и полететь домой, без неприятных объяснений с Витэком, что случилось с платформой и всем оборудованием. А если не найдет этот металл, то просто пойдет пешком.

Он должен сделать это немедленно. Он и так уже прождал слишком долго.

Они уже составили для него схему всей жизни – жениться на Би Джи, упокоиться в доме, выращенном из семени Би Джи, хранившимся в шкатулке в форме стручка, стать актером на простой

сцене и превратиться в настоящего Навозника. И черт побери, какая-то неблагоразумная частица его души хотела всего этого!

Хорошо еще, что он не остался для вызова на поклоны...

Солнце садилось, пока он шел, пока он не остался на призрачной дороге, обдуваемый прохладным ветерком, один в мире, оглашаемом пением сверчков.

Ночь Альва провел, съевшись под изгородью. На рассвете его разбудили птицы, поднявшие галдеж на верхушке дерева. Он умылся и попил воды из ручейка, текшего через поле, съел багряно-красный фрукт, растущий поблизости, и пошел дальше.

Через два часа он поднялся на хребет и обнаружил, что путь ему пересекает длиной в несколько миль неглубокая впадина в земле. Как и все вокруг, она была заполнена рядами растений.

Альве не оставалось ничего другого, как только попробовать перебраться через нее. Или лучше стоило бы пройти несколько лишних миль вокруг?

Дорога спускалась вниз к воротам в высокой ограде из терновника. За воротами была маленькая куполообразная будка, а в будке дремал загорелый человек с фиолетово-зеленой птицей на плече.

Альва рассмотрел вывеску, висевшую на терновнике рядом с воротами. Теперь он уже более-менее разбирался в пиктографической письменности Навозников, чтобы с уверенностью понять, что там было написано. Первый символ изображал гвоздь с приложенным к нему обухом топора. Он означал железо. Вторым было несколько стилизованных точек, напоминающих семена. Ямы?

Альва с растущим недоумением посмотрел через ворота. Навозники называли это место «Ямы», но в воображении у Альвы всплывало понятие «шахты». Однако...

На будке Альва увидел еще один небрежно намалеванный оранжевый символ. Он узнал его, этот значок означал имя.

– Джерри! – окликнул он.

– Р-рк, – сказала, пробуждаясь от сна на плече человека, птица – Акцент Керри, но кое-что намекает на происхождение из Лондона, Глазго или...

– О, черт! – сказал Альва. – Эй, Джерри!

– Р-рк! Акцент точно Керри, но...

– Джерри! – закричал Альва уже в полный голос.

– Акцент точно Керри, но... – завопила в ответ птица.

Загорелый открыл глаза и схватил ее за клюв, задушив в зародыше слово «деградирующий».

– А, привет, – сказал он. – Вы еще не знакомы с птицами Шоу, а у них у всех один недостаток. Их трудно заткнуть.

– Я бы хотел, – сказал Альва, – посмотреть... гм-м... Ямы. Там все в порядке?

– Конечно. – бодро ответил человек, открыл ворота и пошел впереди по длинной авеню между двумя высокими рядами растений.

– Я Джерри Финч, – сказал он. – Клан Литтлтона. Не думаю, что вы сообщили свое имя.

– Харрис, – наугад брякнул Альва. – Я пришел с севера.

– Из Юков? – спросил человек.

Альва кивнул, надеясь на лучшее, и показал на растения, между которыми они шли.

– Что это?

– Пустые заготовки. Использовались для фуража в прошлом месяце. Теперь не дадут урожая до августа, да и тогда он будет бедный. Я говорил Ангусу – это хозяин Ямы, – говорил я ему, что почва истощилась, но он будет выжимать все до последней тонны, затем до последнего фунта и унции. Сами увидите, что получилось в сотне ярдов к востоку в апреле. Жалкое зрелище. Пришлось продать их на петли.

По позвоночнику Альвы пробежал холодок. Он откашлялся.

– А где-нибудь есть здесь ножи? – спросил он с нарочитой небрежностью.

– Ножи? Ну, конечно – вон там.

Альва прошел за ним до конца прохода, и еще три шага по следующему. Здесь растения были гораздо выше, более темные у основания, массивные и сучковатые по всей длине. Тут и там среди глянцевых листьев Альва увидел неуместный блеск голубоватой стали.

Наклонившись вперед, Альва всмотрелся в листву.

Оказалось, что блеск давали прекрасно сформированные, шестидюймовые лезвия ножей из хромированной стали. Каждое было привязано... нет,росло! – из твердых, коричневых веток одинаковых по размеру и форме, и служащих рукоятками.

Альва выпрямился.

– Мы делаем это немного не так, как на севере, – сказал он. – Вы можете коротко рассказать, как работают Ямы?

Джерри удивленно взглянул на него, но с готовностью принялся рассказывать.

– Они походят на любые другие металлодистилляторы. Извлекают из руд металл и формируют его в виде таза, ножа и любых других предметов. Изделие образовывается, естественно, сна-

ружи, так что нет нужды срубать растение, чтобы достать его. Урожай мы получаем около года, пока не оказывается израсходованной руда. Тогда мы приводим землекопалки, расширяем Яму, и делаем новый посев. Только и всего.

Альва уставился на фантастические растения. Ну, а почему бы и нет. Растения, которые выращивают ножи, дверные ручки или...

— А как насчет сплавов? — спросил он.

— Мы добываем железо, свинец и цинк. Углерод берем из воздуха. Другие металлы импортируем в гранулах. Главный образом, хром, его мы получаем от Северо-Западной Федерации. Однако, они берут штаны не по размеру. Жадничают. Я думаю, в ближайшее время мы порвем с ними отношения и переклочимся на вас, Юков. Не то, чтобы, по моему мнению, вы были лучше других, но, по крайней мере...

— Родий, — сказал Альва. — Палладий. Как насчет них.

— А что это?

— Металлы платиновой группы.

— О, конечно, я понял, что вы имеете в виду. Мы не работаем с ними. Нет заказов. Однако, мы могли бы начать добывать их для вас... Думаю, Северо-Запад их добывает. На это уйдет несколько месяцев.

— А предположим, вы хотите сделать родие-палладиевый сплав. Сколько времени это заняло бы?

— Ну, нудно вывести куст, который возьмет и соединит их в правильных пропорциях, нужных размеров и формы. Это от многого зависит. Например, спешите ли вы или...

— Ладно, устало сказал Альва. — Спасибо за информацию.

Он повернулся и направился к воротам.

Он прошел уже полпути, когда услышал позади какой-то тарарам.

— Вау! — казалось, кричали многочисленные голоса. — Вау! Вау!

Альва повернулся. В десятке шагов позади него Джерри и птица у него на плече точно также вытягивали шеи и вертели головами. А дальше, возле кучки низких строений ярдах в триста от них, три человека безумно размахивали руками и кричали: «Вау! Вау!»

— Вау, не хочу даже знать, что это! — пронзительно завопила птица. — Я не Вау, а Ман. Фиолетовый. Возьмите меня в вашу родную...

— Заткнись, — сказал Джерри, сложил ладони чашечкой и завопил: — Ангус, что происходит?

— Чикаго! — донеслось в ответ. — Я получил слово! Они обчистили Красные Ямы! И приближаются!..

Джерри бросил взгляд через плечо.

— Приближаются, — повторил он и бросился бежать к зданиям. Альва секунду поколебался, затем тоже побежал, Сделав усилие, он догнал Джерри.

— Куда мы бежим? — задыхаясь, спросил он. — В Красные Ямы?

— Не болтайте глупости, — пропыхтел Джерри. — Мы бежим защищаться. — Он оглянулся в том направлении, откуда они пришли. — Красные Ямы в той стороне.

Альва взглянул туда раз, затем другой, потому что в первый раз не понял, что увидел. А на второй он увидел, как что-то маячившее на горизонте превратилось в группу черных точек.

Появились другие люди, бегущий к зданиям, как Альва и Джерри. Точки уже превратились во что-то овальное, удлиненное, похожее на ноготь большого пальца.

Их было много. Земля под ними стремительно покрывалась полосой золотистого тумана, точно пыль, размешанная огромным невидимым пальцем.

Обогнув ближайшее здание, Джерри бросился к открытой двери. Альва последовал...

Но что-то тяжелое и твердое жестоко ударило его по затылку и в основание шеи...

VII

БИТЕР БЫЛ поглощен рассматриванием мелкого контейнера, наполовину занятого прозрачной, вязкой жидкостью с погруженными в нее большими округлыми, с прожилками и сетчатым комками, прозрачными в люминисцентном освещении. Это была единственная клетка в стадии митоза, увеличенная настолько, что отчетливо были видны все соединенные друг с другом хромосомы. Би Джи сидела по другую сторону стола, тихо. Стараясь не дышать, пока толстые волосатые пальцы Битера опускали щуп толщиной с волосок, с хирургической точностью погружая его в массу хромосом, вырезая одни части, раскалывая другие, изящно брея третьи.

Время от времени Би Джи глядела на листок, покрытый числами и генетическими символами. Чертеж был сделан для нее, а не для Битера — который работал, не останавливаясь и без малейших колебаний.

Наконец, он расслабился и закрыл контейнер.

– Включите огни и поместите ее в раствор, Би Джи. Дальше растить ее будете вы сами.

Она просвистела пару нот, и темные шары под потолком запылали голубовато-белым светом.

– Вы хотите начать ее выращивать прямо сейчас?

– Полагаю, да. Черт побери, Би Джи, я ненавижу выращивать оружие!

– У нас нет выбора. Как вы думаете, когда начнется?

Он пожал плечами.

– Военное собрание будет сегодня после обеда в помещении Совета. Нам сообщат о начале.

Девушка молчала, пока не пересадила живой комок из одного резервуара в другой и поставила его на место.

– Вы слышали что-нибудь еще?

– Похоже, они обратили в пыль все рудные жилы отсюда до Иллинойса. Кристаллы Батлера...

– Батлера! Значит, они работают!

– Работают. Мы позволим им приземлиться, а потом дадим жару. – Немного помолчав, Битер добавил: – Об Альве нет вестей, Би Джи. Мне очень жаль.

Она кивнула.

– Может, еще слишком рано?

Он посмотрел на девушку странным взглядом.

– Вы все еще думаете, что он вернется?

– Если его не накрыла пыль. Вероятность все же есть.

– Ну, – протянул Битер, снимая крышку с другого контейнера и глядя в него, – надеюсь, вы...

– Озеро Озарка девять один два пять, – раздался из угла пронзительный голос. – Озеро Озарка девять...

– Вы ответите, Би Джи? – спросил Битер.

Би Джи сняла с полки сфероид цвета охры и сказала в его мембрану:

– Лаборатории Битера.

– Говорит Ангус Литтлтон из Железных Ям, – послышалось в ответ. – Дайте мне поговорить с Битером.

Би Джи передала шар, присоединенный эластичным шнуром – цепочку нейронов в милю длиной, покрытые оболочкой, которые были связаны, через живой «распределительный щит» с тысячами таких, как он, только в этом районе, и с миллионами по всему континенту.

– Док Битер слушает. Что у вас, Ангус?

– Кое-что странное для вас, Док. У нас здесь парочка пленных, один пилот летающей платформы, другой – шпион из Чикаго.

– Ну, и что вы хотите от меня?

– Подождите, не перебивайте! Этот шпион заявляет, что знает вас, Док. Говорит, его имя Кастэд. Альва Кастэд.

АЛЬВА ГЛЯДЕЛ в окно с озадаченным и сердитым видом. Он был в комнате примерно полчаса, пока снаружи продолжало что-то твориться. Альва попытался разбить окно. Стекло немного прогнулось. Точнее, это было не стекло и не пластик, и оно оказалось совершенно не хрупким.

Снаружи к далекому горизонту летела последняя из вторгнувшихся летающих платформ, преследуемая маленьким стремительным черным силуэтом. Золотисто-серовато-коричневый туман закрыл на переднем плане все, кроме первого ряда растений с поникшими стволами. Подразделение платформ успело сделать один большой круг над Ямами, пока не поднялись, чтобы напасть на них, Навозники на своих невероятно быстрых летающих существах – Альва не смог разобрать, птицы это были или рептилии. С тех пор легкий ветерок с севера разносил радиоактивную пыль, которую сбросили с платформ, заражающую, когда она опускалась, все вокруг.

Альва повернулся и взглянул на своего соседа по камере, сидевшего на скамье у внутренней стены, с пустым лицом, в растрепанной лазурной форме. Большая часть подразделения летающих платформ улетела на запад после первого круга или была сбита где-то подальше от Ям. А платформа его товарища по несчастью разбилась при аварийной посадке в пятидесяти ярдах от окна Альвы. Альва видел, как Навозники пошли к месту аварии – фантастическая прогулка через смертоносный туман! – и спасли пилота. Немного позже кто-то открыл дверь и пихнул человека в камеру к Альве, где он и сидел с тех пор на скамье.

Цвет его кожи был нормальный. Дышал он ровно и, вроде бы, ни от чего не страдал. Альва осмотрел его и не заметил смертоносной радиоактивной пыли нигде на его коже, волосах или одежде. Единственное, что было в нем не так – это то, что он выглядел безумным. Он был в мундире с блестящими кнопками и эполетами с надписями «ЗЕМЛЯ ЧИКАГО». Короче говоря, он явно был офицером военной летающей платформы из Чикаго. Единственная проблема была в том, что Альва узнал его. Он не раз бывал в студиях Семи Районов, и приобрел известность своими грязными шуточками еще на ночной работе на электростанции Квинса. В Нью-Йорке он служил лейтенантом Военно-Воздушного Запаса, и звали его Джо «Ямочка» Мандри.

Альва подошел и опять сел рядом с ним. Обычно веселое лицо Мандри было одеревеневшим. Глаза усталились на Альву, но в них не было и признака того, что Мандри его узнал.

– Джо...

– Мое имя, – упрямо повторил Мандри, – Бертрам Палмер, лейтенант летающей платформы регулярной армии Чикаго. Мой регистрационный номер 79016935.

Это была единственная фраза, которую он произносил. Альва больше не мог вытянуть из него ни слова. Имя, звание, регистрационный номер – все так и должно быть. Солдат вооруженных сил тренировали в случае пленения не говорить больше ничего. Но почему он называет не свое имя?

Во-первых, форма на нем была формой чикагской армии. Но могло ли оказаться так, что он был чикагским солдатом, который выглядел и разговаривал в точности как Джо Мандри, у которого остались те же шрамы на костяшках после драки с рабочими в генераторной? Это уже во-вторых, подумал Альва. В-третьих, все это могло быть иллюзией, навязанной Альве с какой-то непостижимой целью Навозниками. И в-четвертых – у него вдруг возникло дикое, ужасное подозрение...

– Послушайте. Джо, – еще раз попытался Альва, – я ваш друг. Мы на одной стороне. Я не Навозник.

– Меня зовут Бертрам Палмер, лейтенант летающих...

– Джо, мы с вами в одном положении. Послушайте, вы помните анекдот, который вы рассказали в Мьюзик-холле, ну тот, о человеке, который мог... – И Альва подробно пересказал, что мог сделать тот человек.

Это было невероятно неприлично и очень смешно, если вам нравятся подобного рода шуточки. И это был тот самый анекдот, который Джо рассказал ему за два дня до того, как он уехал из Нью-Йорка.

В глазах Джо появились огоньки разума.

– И какова кульминация? – быстро спросил он.

– «Куда, черт побери, вы хотите вставить мне ключ», спросил человек, – быстро ответил Альва.

Джо задумчиво поглядел на него.

– Это старая байка. Возможно, ее знают даже в Захолустье. И меня зовут не Джо.

Он действительно считал себя Бертрамом Палмером из армии Чикаго, теперь это было ясно. А кроме того, если существовала вероятность, что этот анекдот знали навозники, то уж тем более его знали чикагцы.

— Вы правы, — вздохнул Альва. — Тогда спросите меня о чем-нибудь... о чем-то, чего я не мог бы знать, если бы был Навозником. Спросите о каком-нибудь месте или о недавних событиях — о чем угодно.

По лицу Джо было видно, что в нем происходит какая-то борьба.

— Ничего не приходит в голову, — сказал он, наконец.
— Странно...

Альва пристально поглядел на него.

— Давайте попробуем это. Вы видели «Манхэттенских придурков»?

— Что? — удивленно спросил Джо.

— Реалити. Вы хотите сказать, что упустили его? «Манхэттенских придурков»? Это очень смешная комедия. Никогда прежде не думал, что нью-йоркцы могут быть такими тупыми, слюнявыми обезьянами...

Выражение лица Джо не изменилось, но шея его внезапно побагровела. Он издал невнятный звук и вдруг вцепился в горло Альвы.

Когда Ангус Литтлетон, позади которого стояли Джерри и Би Джи, открыл дверь камеры, двое мужчин катались по полу.

— С ЧЕГО ВЫ взяли, что он шпион? — требовательно спросила Би Джи.

Они группкой стояли в коридоре. Альва поглаживал рассеченную губу.

— Он заявил, что из Юков, — ответил Джерри, — но вел себя неуверенно. Промолчал, когда я сказал, что Юки тоже жадные. Даже ухом не повел. И вообще, у него был такой вид, будто он никогда не видел Ям. Вообще ничего подобного.

— Думаю, это была естественная ошибка, — кивнула Би Джи. — Ну, спасибо, что позвонили нам, Ангус.

— Спокойно, — мрачно ответил Ангус. — Мы еще не закончили.

— Что вы имеете в виду? Он не имел никакого отношения к нападению... к тому же, он из Нью-Йорка.

— Это он так говорит, но откуда вы знаете? Что заставляет вас думать, что он не из Чикаго?

— Пока вы тут спорите, — вмешался Альва, — можно задать вам вопрос о нем? — Он ткнул большим пальцем в сторону запертой двери камеры. — Что заставляет вас думать, что он — это он?

Все трое задумчиво уставились на него.

— Альва, — сказала Би Джи, — К чему ты клонишь? Объясни, что ты хочешь...

— Я не совсем уверен, — прервал ее Альва. — Я хочу сказать, что уверен, но не уверен, что хочу вам об этом сказать. Послушайте, — обратился он к Ангусу, — разрешите мне поговорить с нею наедине всего несколько минут. Пожалуйста.

Ангус поколебался, затем ушел в холл в сопровождении Джерри.

— Ты должна объяснить мне кое-что об этом налете, — сказал Альва Би Джи, когда они остались одни. — Я видел, как летающие платформы разбрасывали смертоносную пыль, и это было по-настоящему. Я могу это утверждать, потому что видел, как мгновенно поникли растения. Но ваши люди спокойно вошли в этот туман и вытащили пилота, которого посадили в камеру. Как это возможно?

— Антирады, — ответила девушка. — Небольшие паранасекомые, аллофаги — разновидность металлофагов. Антирады собирают с вас всю пыль до последних крупинки и уносят их в специальные защищенные горшочки. Сами они тоже умирают в этих горшочках, и мы хороним их запечатанными в земле.

— Ну, хорошо, — сказал Альва. — А давно у вас появились эти насекомые? Могут ли Города знать об этом?

— Антирады были выведены к концу последней Войны с Городами. Именно они положили ей конец. Сначала мы научились предотвращать бомбежки, а затем, когда Города стали использовать радиоактивную пыль... Вы что, никогда не слышали об этом?

— Нет, — сказал Альва. — Третий вопрос, что вы теперь собираетесь сделать с Чикаго из-за этого налета?

— Надерем им уши, — серьезно ответила Би Джи. — Раньше мы ничего не делали, потому что не было необходимости. Последние тридцать лет Города не могли сделать нам ничего, кроме мелких неприятностей. Но с этим налетом все по-другому. Они напали на нас по всему району и уничтожили растения во всех Ямах. Теперь мы должны положить этому конец — не столь важно, в этом году или через десять лет. Главное, чтобы мы успевали спасти людей...

— Ладно, не бери в голову, — рассеянно пробормотал Альва, затем до него дошли ее последние слова. — Нет, продолжай... Что?!

— Я хотела сказать, мы считаем, что можем спасти всех людей благодаря тому, что узнали, изучив тебя. Мы не собираемся просто разрушить Чикаго...

— Изучили меня? — повторил Альва. — Что ты имеешь в виду?

– Мы узнали, что, когда стоит вопрос о выживании, Горожанин может преодолеть себя. Ты доказал это. Ты ведь ел *радний*?

– Да.

– Ну, вот видишь? Постепенно начнешь есть другие продукты и, рано или поздно, поймешь, что они приятны на вкус. Человек может приспособиться и полюбить все, что ему необходимо. У нас высокая степень приспособляемости. Мы даптабельны – и этого из нас не вытравишь.

Альва пристально поглядел на нее.

– Но вы провозились со мной более двух недель. Как вы собираетесь проделать это с пятнадцатью-двадцатью миллионами человек одновременно?

– Мы это сможем. Ты был экспериментальной моделью – поэтому на тебя ушло целых две недели. Но теперь, когда мы знаем, что делать, мы совершенно уверены, что сможем справиться за три дня – по крайней мере, с самым главным, заставить вас есть нашу пищу. И к этому все готово – склады полны по всему континенту.

Секунду они молча глядели друг на друга.

– Но Города будут против, – тихо сказала Би Джи.

– Четвертый и последний вопрос, – сказал Альва. – Раз Город знал о том, что вы способны защищаться от радиации, то зачем они вообще решили напасть на вас с этим оружием?

– Нашей первой идеей было то, что они совершили это из отчаяния – они должны были что-то сделать, но сделать то, что срabотает, не могли, поэтому сделали то, что явно не получится. Или, возможно, они надеялись, что смогут хотя бы на время захватить наши Ямы и вывезти оттуда готовый металл, хотя должны были понимать, что на это глупо даже надеяться.

– Это было вашей первой идеей. А какова вторая?

Девушка заколебалась.

– Помните, я сказала вам, что Города разбирают на запчасти одни машины, чтобы отремонтировать другие, и, наверное, помните, я сказала, что вечно так не может продолжаться?

– Да.

– Ну, когда крупные рыбы съедают всех мелких, то начинают пожирать друг друга, пока не останется одна самая крупная.

– И что?.. – напряженно спросил Альва.

– И, возможно, один Город решил, что, если они заставят нас начать войну с другим Городом, то они могут вмешаться на последней стадии и захватить в побежденном Городе все металлы, которых им хватит еще на ряд лет. Так что они могли послать диверсионные группы в мундирах другого Города и заставить

солдат думать, что они и в самом деле из того Города. Как раз ведь это и произошло, Альва?

Альва нехотя кивнул.

— Но я этого не могу понять. Они, наверное, спланировали это, когда связь со мной оборвалась. Но это же не имеет смысла. Не могли же они настолько отчаяться... Или могли? Но все равно, это грязный трюк. Это не похоже на Нью-Йорк!

Би Джи ничего не сказала. Альва подумал, что она слишком вежлива, чтобы спорить с ним по такому вопросу.

Стоящий в дальнем конце холла Ангус стал проявлять признаки нетерпения.

— Выходит, теперь вы нападете на Нью-Йорк? — спросил Альва.

— Альва, это может показаться странным, но мне кажется, что теперь, с твоими нынешними знаниями, ты действительно можешь помочь своим людям.

— Так же, — сдавленно произнес Альва, — как Нью-Йорк уже помог Чикаго?

— Я надеялась, ты поймешь, что на самом деле это неважно. Первым это мог начать Чикаго, или Денвер, или любой другой Город, это не имеет значения — все они начнут истреблять друг друга. Важны только люди. Возможно, тебе этот трудно принять, но они должны жить более счастливо, чем большинство их живет сейчас.

Возможно, она права, подумал Альва, если взять во внимание весь трудовой резерв, швейцаров и прочих. Но почему же не принимать их во внимание, вызываясь спросил он сам себя — они ведь тоже люди, не так ли? Возможно, цивилизацию следует индексировать не только по тому, чего вы достигли, но и сколько трудов на это положили. Как жители Нью-Йорка, которые вынуждены работать на двух-трех работах одновременно, потому что потребности Города велики, — или как Навозники, не спеша и с удовольствием.

— Альва? — спросила девушка.

И он знал, что она имеет в виду.

— Да, Би Джи, — ответил Альва Кастэд, Навозник.

VIII

НА РАВНИНАХ ДЖЕРСИ, скрытых лесом бродячих деревьев, начало возникать большое поселение — росли жилые дома, конюшни, административные здания, обучающие центры.

Это было одно из пяти поселений. Другое было на севере Джерси, два в Поконосе и одно в исчезающем штате Коннектикут.

Они стояли пустые, ожидая поселенцев, крыши вырастили листву, прекрасно маскирующую поселения среди окружающих лесов. Дороги, ведущие в Город, были пусты, и заканчивались в пустоши шириной в полмили, опоясывающей Нью-Йорк, на краю которой и стоял Альва.

Он испытывал странное ощущение, готовясь идти незащищенным через дикие места, зная, что там кишат крошечные организмы, которые развивались вне искусственных зданий людей из камня, металла, цемента или пластмасс. Альва все еще не научился относиться к этим кишашим организмам без ужаса и отвращения.

Но самым странным было то, что он глядел на город с внешней стороны. И городские башни смотрели на него в ответ над окружающей стеной, высокой, яркой и гордой – самое гордое создание Человека, появившееся сотню лет назад. Почти не устаревшие и по сей день, сияющие Города сопротивлялись, не понимая, что давно уже проиграли, что их яркие шпили и хитроумные машины будут вскоре не нужны, как и моторизованная, коричнево-серая армия.

– Прости, что я не пошла с тобой, – сказала Би Джи позади него из леса.

– Ты не смогла бы, – ответил Альва, не оборачиваясь. – Тебя не пропустила бы био-защита. Меня там знают, но я все равно не уверен, что меня пропустят через столько времени отсутствия. Впрочем, скоро мы это узнаем.

– Ты же знаешь, что не обязан идти. Я имею в виду...

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – печально вздохнув, ответил Альва. – И ты права. Но все равно, я должен пойти. Помни, Би Джи, у вас есть карта, которую я начертил. Десять шансов к одному, что, если я не добьюсь успеха, меня поместят в карантинную камеру прямо в стене. Но ты не должна волноваться. Хорошо?

– Хорошо, – взволнованно пообещала она.

Он поцеловал ее и глядел, как она исчезает среди деревьев, где прятались другие – Битер и Арти Брамбэккер, немного из клана Свиттеров и еще из других кланов Федерации Побережья – веселые, выносливые люди, которые готовились принять на себя большую часть нового бремени.

Он повернулся и пошел через пустошь, слушая, как хрустят под башмаками сухие сорняки.

Вокруг Города был горящий ров, а за рвом – высоко в стене, закрытые ворота – все в ржавчине, потому что Город давно не пользовался никакими видами транспорта, кроме воздушных. Но над воротами была наблюдательная башня. Альва остановился прямо напротив нее, помаhal руками и стал ждать.

Спустя долгое время в башне со скрипом раскрылся неприметный люк, из которого вылезло темное яйцо размером с кулак и рванулось сквозь пламя. Оно остановилась в воздухе ядрах в двух от Альвы. Раздался щелчок и послышался решительный голос:

– Назовите ваше имя и цель прибытия.

– Альва Гастэд. Возвращаюсь из конфиденциальной миссии, порученной Городской Администрацией. Сломалась летающая платформа, коммуникатор и все остальное. Я вынужден был возвращаться пешком. Сообщите Управляющему о моем прибытии.

Яйцо неподвижно висело, словно прищипленное к воздуху. Альва ждал. Когда он устал стоять, то бросил свой импровизированный рюкзак на землю и сел на него. Наконец, из яйца раздался другой резкий голос:

– Кто вы и что вам нужно?

Альва терпеливо дал тот же ответ.

– Что значит, сломалась платформа?

– Упала и разбилась, – ответил Альва. – Больше не могла летать.

Тишина. Альва устроился поудобнее, готовясь к долгому ожиданию, но прошло всего пять минут, когда яйцо произнесло:

– Раздевайтесь.

Когда Альва повиновался, ворота со скрипом измученного металла распахнулись, открывая проход в стене. Разводной мост – длинный ржавый металлический язык – протянулся через ров, и пламя поднялось по обе стороны от него.

Альва поспешно пошел по нему, чувствуя босыми подошвами, как быстро нагревается металл, а мост уже начал втягиваться обратно в башню. Оглушительно заскрипели, закрываясь, ворота.

КОМНАТА БЫЛА той же самой, и тот же самый звучал гимн. Альва, дезинфицированный, с выбритыми повсюду волосами, одетый в воздухонепроницаемый костюм с подачей воздуха из баллона, резко остановился, пройдя два шага от двери. Человек, сидящий за столом Управляющего, был вовсе не Витэк. Это был багроволицый Эллери Макардл с двойным подбородком, Специальный Уполномоченный Отдела Войны.

Один из охранников подтолкнул Альву, и тот подошел поближе к столу.

— Теперь, я думаю, все разъяснится, — сказал он, пристально глядя на Макардла. — Когда...

Взгляд Макардла был холоден. Затем его тяжелая голова чуть кивнула, и он сказал:

— Закончите, что вы хотели сказать, Гастэд.

— Я собрался заметить, — сказал Альва. — что когда любимый проект Витека провалился, он потерял поддержку, что позволило вам привлечь его к ответственности. Это верно?

Макардл кивнул, казалось, теряя интерес к разговору.

— Ноги у вас не опухли и не натерты, Гастэд. Вы не шли пешком от самых Равнин. Как вы добрались сюда?

Альва глубоко вздохнул.

— Мы летели — на пассажирской птице Рух, — до самого Адирондейка. Мы не хотели тревожить вас полетами вблизи Города, поэтому остаток пути проделали с грузовым автоприцепом.

Каменное лицо Макардла не изменилось, но внезапно до него дошло значение слов Альвы. Выглядело это так, словно человек внутри него отступил и закрылся за дверью. Слуга позади его кресла зашатался и принял такой вид, словно вот-вот хлопнется в обморок. Альва услышал, как один охранник за его спиной шумно вздохнул.

— Ффф-ух! — резко выдохнул Макардл с искаженным лицом.

— Давайте закончим это. Что вы знаете о военных планах Навозников? Отвечайте откровенно. Если я не буду удовлетворен, то с вами будут работать до тех пор, пока я не удовлетворюсь.

Альва, который чувствовал себя, как святой Георгий, которого клюнул цыпленок, обнаружил, что гнев может быть весьма утешительным.

— Для этого я и приехал сюда, — с нажимом сказал он. — Военные планы Навозников именно такие, какие вам и следовало ожидать после вашего паршивого трюка. Им известно, что налет на них совершил вовсе не Чикаго.

Макардл начал было подниматься, но тут же опустился обратно, не отрываясь, глядя на Альву.

— У них есть хороший план. Они собираются покончить с Нью-Йорком.

— Когда? — резко бросил Макардл.

— Это зависит от вас. Если вы станете вести себя разумно, то они подождут, пока вы с ними сторгуетесь. Иначе, если я не вернусь примерно через час, начнется нечто забавное.

Макардл тут же нажал кнопку на столе и сказал:

– Зеленая тревога.

Затем еще раз нажал кнопку и сцепил пальцы лежащих на столе рук.

– Поспешите, – сказал он Альве. – Расскажите мне все.

– Я собираюсь просить вас сделать кое-что трудное, – сказал Альва. – Это... это... Обдумывайте то, что я вам говорю. Сейчас вы не думаете, вы просто реагируете...

Он услышал за спиной шелест движения, увидел, что глаза Макардла сверкнули, но тот не сделал ни малейшего жеста.

– Вы находитесь в одной комнате, – продолжал Альва, – с человеком, который превратился в Навозника, и это внушает вам отвращение. Вы избавитесь от этого, в конечном итоге – вы способны на это, я – тому доказательство, – но все, что я хочу теперь от вас, чтобы вы отложили решения и пошевелили мозгами. Вот вам факты. Ваши диверсионные группы сражались с Навозниками. Я видел этот бой, диверсанты продержались не более двадцати минут. За последние тридцать лет Навозники могли покончить с Городами в любое время. Они не сделали этого до настоящего момента лишь потому, что...

Макардл принялся отбивать такт кончиками пальцев по полированной крышке стола. Альва видел, что он практически не слушает, но не оставалось ничего другого, как продолжать говорить.

– ...потому что они решали проблемы рекондиционирования и перевоспитания более чем двадцати миллионов невинных людей, которые иначе просто умрут от голода. Теперь у них есть знания, которые были им нужны. Они могут...

– Все это просто слова, – заметил Макардл.

– Они собираются закрыть эти... эти резервации, – не обращая на него внимания, продолжал Альва. – Они докажут вам, что способны сделать это насильно. Но если вы станете помогать, это будет аккуратный процесс, во время которого никто не пострадает. И они сохраняют Город в целости и сохранности в качестве музея. Я уговорил их сделать это. Но если вы откажетесь помогать и станете сопротивляться, они раскатают Город по камешкам.

Макардл стиснул зубы и процедил сквозь них:

– Уведите его отсюда и убейте ради безопасности Города! Морган! – окликнул он, когда охранники уже повели Альву к дверям.

– Да, господин Управляющий?

– Когда убьете его, покрасьте в зеленый цвет и выкиньте из ворот, через которые он пришел.

Какая жалость, что нет Витэка, появилась мысль в застывшем мозгу Альвы. Витэк, конечно, негодяй, совершенно беспринципный негодяй, но он... он никогда не боялся новых идей. С Витэком можно было бы договориться.

— И где мы будем это делать? — нервно спросил младший охранник.

Он был бледный и потный в каюте летающей платформы, летящей над центром Джерси.

— Убьем прямо в дезинфекционном шлюзе, — сказал Морган, взмахнув пистолетом. — Затем выкинем его наружу. Тогда не придется далеко тащить. Правь туда.

— Поскорее бы все закончилось, — сказал младший. — Меня тошнит.

— Ты думаешь, меня не тошнит? — напряженным голосом сказал Морган.

Выведя Альву с платформы, он толкнул его в шлюз и отступил, поднимая пистолет.

— Не стоит этого делать, Морган, — спокойно заметил Альва, — если, конечно, ты не хочешь почернеть и умереть спустя секунду.

— О чем он говорит? — прошептал младший.

— Да просто болтает, — ответил Морган, однако, пистолет дрогнул в его руке.

— Убивая меня, — продолжал Альва, — вы неминуемо пробьете костюм. Я полтора месяца ел пищу Навозников. Во мне теперь столько их микробов, и все они ринутся прямо на тебя, Морган.

Оба охранника дернулись, как будто ужаленные.

— Я ухожу отсюда, — сказал младший, нажимая кнопку двери.

— Оставим его здесь! — решил Морган.

— И что будем делать? — спросил младший.

Морган коротко выругался.

— Доложим обо всем лейтенанту Коуму.

Дверь шлюза закрылась за ними. Альва тут же обследовал ее в надежде понять, не может ли он заблокировать дверь изнутри, но такой возможности не было. Он дернул внешнюю дверь, но она тоже была заперта. Тогда он осмотрел сеточки дезинфекционного душа, думая о том, не смогут ли они использовать их, чтобы облить его, например, кислотой. Потом он решил, что не могут, так как кислота повредит сам душ.

Больше Альве не оставалось ничего, кроме как сидеть посреди голого помещения и ждать. Что он и сделал.

Какое-то время спустя Альва услышал отдаленный шум, доносившийся через почти звуконепроницаемую дверь. Он встал,

приложил ухо к двери, ничего не услышал и решил, что ему просто почудилось.

Затем за дверью раздались какие-то звуки. Альва отскочил, и дверь скользнула в сторону. Вместе с оглушительным ревом sireн тревоги, в комнату ворвался Морган с дикими глазами, без пропавшей куда-то фуражки, стискивая в побелевшем кулаке пистолет, громадное, как показалось Альве, дуло которого глядело прямо на него.

— Ч-черт! — выругался Морган и нажал на курок.

Сердце Альвы больно било по ребрам, комната расплывалась. Затем он понял, что не услышал звука выстрела и все еще стоит на ногах. Морган, разинув в беззвучном крике рот, стоял в паре метров от него и все жал и жал на курок.

Альва шагнул вперед и ударил его точно в челюсть. Когда Морган упал, снаружи послышался топот ног и чьи-то вопли. Кто-то в форме охранника пробежал мимо раскрытой двери, бессвязно крича, ударился о стену и скрылся за поворотом коридора. Затем помещение заполнилось людьми в разноцветных одеждах.

Впереди был Арти Брамбэккер, почти неузнаваемый, потому что на лице его была широкая, от уха до уха, ухмылка. Он вручил Альве выпуклый кожаный вещмешок и четырехфутовую дубинку с набалдашником на конце, и сказал:

— Идем с нами!

Альва поспешно продел руки в лямки мешка, вскидывая его на плечи. Мешок был полон чего-то коричневого и влажного, больше всего напоминающего песок. В дежурке за столом охраны никого не было, полицейские винтовки аккуратно стояли в стойке.

— Что происходит, Арти? — спросил Альва. — Вы что, запустили сюда собак? Иначе как вы смогли справиться с охранниками?

— Не нужно нам никаких собак, — ответил Арти, рассеянно глядя вокруг. — Все сделало вот это. — Он похлопал рукой по вещмешку, который тоже нес на спине. — Идея Дока, он сделал это буквально в последнюю минуту, и оно сработало. Расскажу тебе позже.

Когда они вышли на улицу, у Альвы не было времени на дальнейшие расспросы. В воздухе кружилось десятка полтора птиц Рух, и, кроме них, там не было больше ничего.

Альва остановился, пытаясь открыть застежки-молнии на своем воздухопроницаемом костюме, но их почему-то заело. Арти увидел, что происходит, и двумя взмахами большого ножа отрезал ему шлем вместе с воротом костюма.

– Идем, – повторил он.

Улицы были завалены упавшими летающими платформами и стоящими машинами. Сирены тоже смолкли, как и слабая, вездесущая вибрация, которую никто не замечал, пока она не прекратилась. В Джерси не работал ни один двигатель. В воздухе слышалось иногда лишь какое-то чириканье, да возникавший и тут же смолкший хор далеких криков.

На углу Среднего Оранжа и Вихавкена, у здания Верховного Суда, они наткнулись на армейское подразделение, которое принялось швырять в них бесполезным оружием и хватать все, что попадало под руку – обрезки труб, какие-то треноги и тому подобное.

– Вот теперь гляди, – сказал Арти.

Солдаты с воплями побежали к ним. Два Навозника по обе стороны от Альвы, Арти и еще один с выдающимися передними зубами по имени Лейф, достали из вещмешков по горстке странного песка, в котором Альва, наконец-то, узнал обычную еду Навозников – отруби, перемешанные с ароматным липким сиропом.

Первым взмахнул рукой Арти, за ним Лейф. Альва последовал их примеру, и влажные комки ударили прямо в лица передних солдат. Строй сломался. Солдаты тут же остановились и принялись бешено вытираться, но отруби с сиропом было не так-то просто стереть. Они прилипали к волосатым рукам, на ресницы и одежды. Солдаты только размазывали их, делая себе еще хуже.

Один берсеркер с перемазанным лицом не остановился, и Лейф ударил его дубинкой между глаз. Еще один, молодой человек с бледным лицом, чудом оставшийся чистым, бросился на них, угрожая взмахнув обрезком трубы.

Усмехнувшись, Арти набрал еще одну пригоршню своего меса и попал ему прямо в губы. Молодой человек отвернулся и, шатаясь, прислонился к ближайшей стене. Его тут же принялось рвать.

ЧАРЛЬЗ ФЭЙРВИТЕР был актером реалити, сладострастным маленьким человечком с мягким животиком и седыми, коротко подстриженными усами. Очки без оправы скрывали злые огоньки в его глазах. Он, как всегда, выглядел напыщенным мелким начальником. Частенько он снимался в комедиях в роли одуроченного отца, а также уже десять лет участвовал в сериале с непадающим рейтингом – «Опасной Долорес». У него был настоящий комедийный талант, который редко удавалось использовать в полную силу. Но он пользовался спросом, поэтому хорошо питался и имел возможность развлекаться. Он дважды женился

и разводился, и в настоящее время был холостяком. Ему нравились девушки и, откровенно говоря, он тоже нравился девушкам.

На этой неделе он репетировал в девяностоминутном блокбастере – вестерне о старом ветеринаре из Лос-Анджелеса и его борьбе против банды отравителей пекинесов. Сначала на главную роль прочили Альву Гастэда, но в последнюю минуту по каким-то причинам отказались от него и заключили контракт с Бадди Риггсом. Фэйрвитер играл второстепенную роль раздражительного начальника полиции. Главным образом, ему предстояло размахивать сигарой и стучать кулаком по столу.

Это было неплохое реалити. Для него из Зоопарка Бронкса взяли двух настоящих собак, что было самой неприятной частью съемок, и новенькую девушку, игравшую медсестру, симпатичную брюнетку, которой только-только исполнилось восемнадцать, с высокой грудью, приятно выпиравшей из униформы с низким вырезом. Фэйрвитер наблюдал, поглаживая усы, как она репетирует сцену, в которой должна была склониться над больным Рексом. Животное, накаченное снотворным, выкатило на нее желтые глаза и слегка обнажило клыки. Грудь в вырезе были приятны на вид.

Внезапно по воздуху пронесся какой-то золотистый блеск, слишком быстрый, чтобы можно было его разглядеть. Фэйрвитер заморгал и протер под очками глаза. Они были уставшими, поскольку он мало спал прошлой ночью.

Камера номер два, остановилась в воздухе над актрисой и начала медленно снижаться. Соседняя камера перешла с ее лица на ту часть тела, видом которой только что наслаждался Фэйрвитер. Вторая камера продолжала снижаться, показывая Ренкса крупным планом, наклонилась под углом к операционному столу, затем дала крупный план пола.

– Эй! – закричал кто-то по интеркому.

Фэйрвитер принялся озираться, чувствуя, как затекла шея. Все камеры почему-то опускались на пол, пока не оказались на твердом пластике пола, демонстрируя в объективах его фрагменты. На экранах мониторов были видны лишь расплывчатые пятна.

По интеркому раздался протестующий вопль.

– Я займусь ими, Берт, – раздался еще один голос.

Из кабинки появился, быстро спускаясь на сцену, Джек Дрю, главный специалист по технике. За ним потянулись электрики и операторы. Актриса неопределенно огляделась, затем отошла от Рекса и жестом велела своему слуге подать ей сигарету. Фэйрвитер остался, где стоял, чувствуя себя весьма неудобно.

Он поглядел вокруг и увидел остальных актеров и членов съемочной группы, которые так же озадаченно озирались. Все чувствовали что-то необычное, но никто ничего не видел. Даже золотистый блеск, который заметил Фэйрвитер, уже исчез. Не было ничего ни на полу студии, ни позади декораций... Потом Фэйрвитер взглянул наверх. Там, среди беспорядочно торчащих рычагов управляющих сценой машинерии, колебалось нечто длинное, нитевидное и зеленое... Оно постепенно удлинялось, спускаясь вниз. Фэйрвитер уставился на него. Затем увидел вторую такую же нить, и еще одну, и еще...

Они свисали с потолка еле заметными фестонами – зеленые нити, в которых было что-то неприятное. Потолок был уже весь покрыт ими.

Что-то шлепнулось у ног Фэйрвитера. Он опустил взгляд и увидел разбрызганное на пластике пола что-то липкое и зеленое. Тут же на другом конце сцены кто-то завопил.

Раздался еще один шлепок, другой, третий... Фэйрвитер увидел, как от одной из зеленых нитей на потолке что-то отделилось и стало падать. И тут начался настоящий дождь из маленьких лопающихся, брызгающих зеленым шариков.

Кто-то бросился бежать. Фэйрвитер мельком увидел Эрни Риллупа, музыкального режиссера, который отчаянно пытался на бегу вытереть измазанное зеленым лицо. Затем побежали все. Брюнетка бросила сигарету, побледнела и ринулась за остальными.

– Навозники! – завопил кто-то.

Слабый сначала запах тут же стал тошнотворно сильным.

Все больше падало зеленых шариков, все чаще слышались шлепки.

Все беспорядочно носились и орали...

ГРУППА АРТИ пробиралась между упавшими летающими платформами на Бульваре Верхнего Холланда. Большая часть машин являлись такси или быстроходными частными суденышками, но время от времени попадались и блестящие военные летающие платформы. Шли медленно, так как выведенные из строя машины валялись чуть не впритык друг к другу и еще потому, что между ними могли скрываться солдаты.

Внезапно послышались хлопки крыльев. Альва повертел головой и увидел, как стайка маленьких серых птиц, кружась, спускается вниз, чтобы сесть на плечи Навозникам. Это были серые попугаи с непропорционально большими головами. Ближайший из них, сев на плечо Арти, сказал:

– Рррр-к! Коричневые – Зеленым. У нас проблемы возле оружейных складов на Фултон-Стрит. Пришлите помощь. Рррр-к!

Другие попугайчики ломаным птичьим хором проговорили то же самое.

– Хорошо, – сказал Арти. – Подразделение девять Зеленых – Коричневым. Возвращайтесь и передайте, что мы идем.

Попугай пронзительно закричал и взлетел, в волнении теряя перышки. Через мгновение взлетели и остальные птицы. Стая сделала круг и полетела на северо-запад, а попугайчик Арти полетел в восточном направлении.

– Фултон-Стрит, – сказал Арти, развернув карту на тонкой, гладкой бумаге. – Вы знаете, где это, Альва?

– Конечно, знаю. Но пешком идти далеко, – ответил Альва. – Разве не лучше было бы добраться каким-нибудь транспортом?

– Можно и так, – кивнул Арти и сунул в рот свисток из коричневого стручка.

Щеки Арти надулись, но свиста не было слышно. Затем Арти убрал свисток.

– Покажите мне, где это точно, – сказал он, расправляя карту. – Смотрите, мы находимся вот здесь...

Подумав, Альва определил среди узоров из серых линий местонахождение оружейных складов и ткнул в них.

– Самый оптимальный маршрут был бы через эстакаду Лангвардии, затем вниз вдоль Гудзона... – начал он, но Арти покачал головой.

– Нет, бросьте это. Взгляните вон туда.

Между горизонтом и Куполом летело, медленно взмахивая крыльями, штук пять массивных силуэтов. Огромные крылья двигались так медленно, что, казалось, они загребали воздух, но пока Альва глядел, силуэты быстро росли. Через несколько секунд они остановились и стали снижаться, а ветер, поднятый громадными крыльями, заставил людей пригнуться. Громадные птицы приземлились прямо на валявшиеся на земле летающие платформы. Это были птицы Рух, гигантские, серые, как ящерицы, существа с головами рептилий и жестокими желтыми глазами. Они были пернатые, с птичьими крыльями, но вдоль спины до самой головы из перьев выступали серые костяные позвонки.

– Идем же, – сказал Арти.

Остальные члены группы уже лезли по обломкам платформ и забирались верхом на птиц Рух позади наездников в шлемах.

Альва последовал за ними без всякого удовольствия. Он уже летал один раз на птице Рух и считал, что с него достаточно.

Навозники радостно садились рядками по пять-шесть человек на птицу, свесив ноги с узких, серых боков. Арти жестом велел Альве занять его место, а сам сел позади него. Держась обеими руками, Альва затаил дыхание и ждал взлета.

По команде наездника, огромная птица расправила крылья. Оглушительно размахивая ими, она побежала по обломкам летающих платформ. Альва слышал, как громадные крылья царапают по металлу. Он отчаянно держался. С боковым креном они взмыли в воздух. Бульвар, уменьшаясь, остался внизу, а сверху надвинулись тусклые, прозрачные прямоугольники Купола.

Сверху они увидели какую-то возню вокруг черного, овального здания Оружейных Складов. На два квартала вокруг улицы были пусты, а возле здания была насыпь из каких-то дымящихся обломков. Птица Рух скользнула вниз, и Альва потерял из виду Склады, когда они приземлились через три квартала за ними.

Чувствуя головокружение, он спустился со спины птицы и последовал за Арти к небольшой группе взволнованных Навозников.

— ...жаль, что мы не привезли с собой собак, — сказал кто-то пронзительным голосом.

— Ну, вам же известно, почему мы так решили, — нетерпеливо ответил ему широкоплечий смуглый человек.

На его куртке висел значок командира группы. Он был человек по имени Комер, которого Альва немного знал.

— Собаки нападали бы на гражданских, — продолжал он, — а мы этого не хотим. Можно, конечно, привести их сюда на поводках, но это займет не менее получаса, а к тому времени...

— Что тут происходит? — печально прервал его Арти. — Птица сказала, что у вас тут проблема. Какая именно?

Комер указал рукой на Оружейные Склады.

— Некоторые Нью-Йоркцы заперлись там и кидают из окон взрывчатку. Мы забросали их сорняками, но выкурить не удалось. Мы хотели выбить двери, но они выскочили в защитных костюмах с респираторами и отбили нас. Их там, должно быть, человек двести. Мы пытаемся не дать им оттуда вырваться, но там есть целая сеть подземных коридоров. Поэтому нам нужно побольше людей. Иначе, прежде чем мы их всех переловим, они разбегутся по городу и создадут массу проблем.

Арти присвистнул.

— И какое у них оружие?

— В основном дубинки, но у некоторых есть и топоры. Они все там спятили. Лепят самодельные бомбы и не заботятся о том, что

могут подорваться на них сами. Они уже убили Эрни Пирса и еще двоих хороших парней.

Арти поднял свою дубинку.

— Ладно. Что вы хотите, чтобы мы сделали?

— Идите со своей группой туда. Постарайтесь не дать им уйти дальше на запад. Я дам вам пару связных птиц. Если вам понадобится помощь, я постараюсь ее послать, хотя у нас у самих очень мало людей.

Комер отвернулся, чтобы встретить еще одну группу прибывших. Арти кивнул своим людям.

— Ладно, идем.

Через полчаса, распределив по местам большую часть группы, они впятером осторожно шли по галерее под улицей, когда внезапно раздался шум бегущих ног, и с полдюжину человек бросилось на них с разных сторон. Альва мельком увидел нечеловечески искаженные лица и коренастые синие тела. Один из Навозников упал на пол коридора, остальные разделились, отбиваясь дубинками. Коридор наполнился эхом ударов.

Альва пыхтел, отбиваясь от человека в респираторе, который из всех сил пытался раскроить ему голову стальным прутом. За выпуклыми стеклянными очками горели диким огнем глаза, остальное лицо было закрыто резиновой маской. Тело нападающего было покрыто толстой синей тканью, включая руки и ноги. В таком костюме должно быть жарко и неудобно, но Альва в свободной одежде Навозников едва мог сдерживать его. Затем стальной прут нападавшего скользком ударил его по уху, отчего у Альвы загудело в голове и он с трудом сохранил равновесие.

Потом драка вступила в новую фазу. Альва глубоко вздохнул и бросился вперед, так размахивая дубинкой, что вынудил противника отступить. Тот шагнул назад и столкнулся с другим человеком в синем костюме. Соприкоснувшись спинами, они отскочили друг от друга. Противник Альвы оглянулся через плечо, и Альва, воспользовавшись этим, с силой ударил его дубинкой по голове. Тот упал, а Альва вместе с другим Навозником, навалились на второго.

Затем, тяжело дыша, они остановились и стали подсчитывать потери. Двое из пяти Навозников лежали на полу. Один стоял, обхватив голову, другой был неподвижен. Тут же на полу валялись с полдюжину Горожан в разных позах. Арти, с окровавленной, разрезанной щекой, приказал раздеть их и забрать оружие. Затем он разбил ампулу со спорами сорняка и намазал гелем стены коридора. Минут через двадцать быстрорастущие растения начнут подниматься к потолку и покрывать его и стены

слизью, абсорбируя влагу из окружающего воздуха. Если в этот коридор зайдет Горожанин, то в ужасе убежит наружу. А тех, кто не сможет убежать, позже подберут и отправят в больницу. Потерявшего сознание Навозника оставили лежать, а второго повел на улицу к месту сбора его напарник. Оставшись вдвоем, Арти и Альва пошли дальше.

ГНЕВ И СТРАХ владели майором Уолтоном Рирдоном, облаченным в тяжелый защитный костюм. Он чувствовал вонь собственного пота, потому что все время потел и испаритель костюма уже не помогал. Защитные костюмы были созданы для чрезвычайных ситуаций и не предназначались для долгого и непрерывного использования. Но лучше таскаться в костюме, чем сдать врагу.

Он устало ударил дубинкой по зеленым нитям, свисающим с потолка коридора. Нити лопнули и брызнули соком, словно вражеские тела, но все было каким-то далеким и нереальным, все, что было снаружи – перчатки, дубинка, зеленые усики... Майор же оставался внутри костюма и не мог высунуть из него носа.

Дыхание хрипело в прижатом к губам респираторе. Майор знал, что это хороший респиратор, и что он не может страдать от нехватки воздуха, но все равно задыхался. Костюм облеплял его при каждом движении, не давая забыть о том, что происходит.

Слезы навернулись на глаза, когда Уолтон вспомнил яркие летающие платформы ВВС, падающие и разбивающиеся без единого выстрела врага. Если бы только у них был шанс победить!

Твари распространились повсюду. Особенно плотно ублюдки окружили Оружейные Склады. Уолтон успел убежать через опустевшие общественные бани, но лишь Небесам было известно, что случилось с Юнглином, Гаррисоном и остальными. Приказ был рассыпаться. Он остался под землей, несмотря на то, что там все заросло зеленой дрянью – пока кругом носились проклятые Навозники, – и будет оставаться здесь. Но не сидеть на месте, а вылавливать их по одиночке и убивать.

– Ничего вы с нами не сделаете, – хрипло пробормотал он.

Яркие видения Навозников с расколотыми черепами мельтешили у него в глазах. Уолтон напрягал зрение, пытаясь различить сквозь них знаки на пересечениях коридоров. Но они тоже заросли зелеными нитями, как и все остальное, и стали неразборчивыми. Даже настенные светильники начали светиться зеленоватым светом сквозь эти нити, поэтому все вокруг словно находилось глубоко под водой.

Уолтон прошел по коридору, поколебался, но все же заставил себя очистить слез с окна. Внутри, смутно видимые через зелень, лежали кассеты реальности. Уолтон различил в конвертах томно потягивающихся девушек и прочитал некоторые названия: «Встретимся в Канарси», с Лю Роком и Эллой Лорн, «Люблю тебя по четвергам» с восходящей звездой Томми-Энн Уилк. Да, это была знакомая витрина, он сотни раз проходил здесь. Теперь Уолтон знал, где находится, настало время выходить наружу. Он повернул направо, прошел перекресток, свернул за угол и направился к Верхнему Уровню.

ГДЕ-ТО У Среднего Ривингтона, после стычки с тремя Горожанами, Альва потерял Арти. Когда он вышел на воздух, то обнаружил, что улицы полны перепуганными людьми – рабочими, секретаршами, «белыми воротничками», швейцарами, вольными женщинами – все перемешались, как в День Благодарения или Новый Год. Была такая давка, что многие лезли на обломки летающих платформ, чтобы их не задавили другие. Все было забито народом, но ближайшие люди все же пытались расступиться, освобождая дорогу Альве, когда замечали его одежду Навозника.

Альва отступил, чувствуя в горле комок, и поднялся на ближайшую посадочную площадку на уступе здания. Над улицей по обе стороны тянулись воздушные дорожки и переходы с перилами. На них не было никого, вероятно, потому, что ведущие к ним лестницы оплели зеленые побеги. Все задирали головы и глазели на него, пока Альва шел по таким дорожкам на север. Путь был трудный, приходилось все время подниматься и спускаться по лестницам, но так было быстрее и проще, нежели пытаться пробиваться по улицам сквозь толпу.

Альва не видел ни Горожан в синих защитных костюмах, ни Навозников. Вероятно, нужно было снова попробовать спуститься в подземные проходы, но растения уже так густо там все оплели, что Альве не хотелось соваться в их чашу. Думая над этим, он остановился на дорожке над Юнион-Сквер и наблюдал с высоты за странной процессией, выходящей из Больницы Милосердия напротив.

Впереди шли несколько Навозников в просторных белых куртках, за ними ошеломленная монахиня, а уж за нею группа человек в больничных халатах, замыкало же процессию высокое извивающееся животное немного напоминающее верблюда с какими-то предметами на спине. Высоко поднимая похожие на сваи ноги, оно изящно выбирало дорогу среди обломков ле-

тающих платформ. За ним из больницы вышло другое такое же животное.

Альва, наконец, разглядел, что со спин у них свисают корзины, достаточно большие, чтобы в них могли поместиться люди, прикрепленные таким образом, что были неподвижны независимо от того, насколько сильно раскачивались звери. Каждое животное несло по десять таких корзин. Альва вспомнил, что Навозники называют этих животных «скорой помощью». Он слышал о них, но никогда не видел.

Из больницы вышли уже три таких животных, затем еще одна группа пациентов, на этот раз женщин, сопровождаемых тремя-четырьмя монахинями с такими же пораженными и ошеломленными выражениям лиц. За ними шли две женщины Навозников. Пока Альва глядел, одна из монахинь остановилась и задрожала. К ней тут же подошла девушка в одежде Навозников и поднесла ей под нос какую-то резиновую грушу. Альва немедленно узнал эту девушку. Это была Би Джи.

Выражение лица монахини изменилось, она встрепенулась и догнала остальных.

– Би Джи! – закричал Альва, спустился с дорожки и бросился к ней.

– Альва!

И они обнялись.

– Что это такое? – спросил он, кивнув на грушу, которую Би Джи по-прежнему держала в руке, вокруг ее соски висела мелко-дисперсная морось.

– Только не вдохни! – воскликнула Би Джи, поспешно закрыла колпачком и убрала грушу. – Это транквилизатор – какая-то смесь, предназначенная, чтобы некоторое время они оставались спокойными. Эти монахини просто поражают меня, Альва. Они боялись до смерти, но все равно не оставили своих пациентов. И мы подумали, что лучше их не разделять. Позже, когда монахини строятся с первоначальным шоком, то смогут позаботиться о больных лучше, чем мы... О, Небеса, здесь столько народу!..

– Да, – внезапно помрачнев, кивнул Альва.

Девушка, сощурившись, посмотрела на него.

– Не надо, Альва, скоро здесь все станет лучше. Сам увидишь.

– Я знаю, но...

Они прошли мимо темного, заросшего зеленью дверного проема офисного здания. Оглянувшись через плечо, Альва подумал, будто уловил внутри какое-то движение. Он остановился.

– В чем дело? – настороженно спросила Би Джи.

В дверях появилась какая-то зеленая фигура. Альва едва успел сказать: «Смотри!», как разорвалась зеленая завеса и по пандусу, прямо на Би Джи, понесся какой-то человек, размахивающий железным прутом. Он был в защитном костюме, с головы до пят залитый зеленым соком, и издавал невнятные звуки.

Альва двинулся ему навстречу в замедленном, казалось, темпе. Он оттолкнул Би Джи в сторону, когда прут уже опускался. Почувствовал ошеломляющий удар по плечу и ткнул своей дубинкой нападавшего в горло.

Тот рухнул, раскинув руки и ноги, а Альва уже стал опускать дубинку, перехватив ее обеими руками, и мог бы проломить ему череп, но в последний момент сумел остановиться. Противник лежал неподвижно. Железный прут, звякая, еще катился по пандусу, потом на что-то наткнулся, и наступила тишина.

Альва толкнул лежащего носком башмака, затем наклонился и сорвал с него маску респиратора. Под ним оказалось широкое лицо с высоким лбом и упрямыми челюстями. Фиолетово-синие губы и щеки синеватого оттенка показывали признаки удушья. Из полуприкрытых век неподвижно глядели глаза.

— Бедный парень, — сказал Альва, внезапно поняв, что с ним. — Он бродил по подземным коридорам — а вентиляция в них уже много часов как не работает.

Говоря, Альва расстегнул застежки молнии на груди костюма, затем куртку и рубашку лежащего. Попытался нащупать пульс, затем медленно выпрямился.

— Мертв, — сказал он.

Би Джи побежала догонять больных, а Альва пошел к командному пункту возле Оружейных Складов, но улицы были полны перепуганных гражданских, а Навозники передислоцировались куда-то в другое место.

Альва свернул на север и через полчаса наткнулся на отделение Навозников, устанавливающих ряд чучел через Вторую Авеню. На западе улицы были еще полны людьми, пытавшимися убежать, а с другой стороны город выглядел опустевшим.

— Мы постепенно передвигаем их по кварталам, — сказал Альве один из Навозников. — Эти макеты, — он поднял одно чучело на деревянной палке, с головой из тыквы и опоясанной старой безрукавкой Навозников, — пугают их, несмотря на то, что они грубо сделаны. Сначала народ пер стенай, затем они начали отступать, и теперь мы медленно оттесняем их в нужном направлении. Предстоит еще проверить все это, — он махнул рукой на опустевшие здания, — но я думаю, что мы выгнали оттуда большинство.

— А что с Оружейными Складами? — спросил Альва.

— Их уже взяли, — сказал Навозник. — Парни принялись резать ножами защитные костюмы солдат, чтобы те не считали себя неуязвимыми, так что они просто сбежали.

Час спустя район Голландских Высот в Верхнем Манхэттене был покрыт лужами пластмассы, напоминающими застывших амёб. Сверху свисали фестоны порванного Купола, и впервые за сотню лет в Нью-Йорке дул неотфильтрованный ветерок. Птица Рух летела вдоль фасада Старого Кинотеатра, чуть не срывая крылом жалюзи, пока ее наездник сыпал бледную пыль из мешка. Дальше по улице зеленые растения уже заполнили карнизы и оконные рамы.

Старинная неоновая афиша Старого Кинотеатра внезапно качалась и рухнула на тротуар.

Альва пошел дальше и, наконец, нашел свою группу, но его помощь уже была не нужна. Война была закончена. Тихо и мирно шла эвакуация населения. Альва прошел по ветреной улице Верхнего Бродвея мимо закусочной Сэмми, где всего лишь три недели назад ел творожный пудинг — а ему казалось, что с тех пор прошло не одно столетие, — мимо безмолвного Дома Драматических Искусств, мимо пустых реалии дворцов на Таймс-Сквер, прощаясь со всем этим. Улицы и грузовой канал были замусорены мятой бумагой. Грузоходы на канале стояли пустые, прижавшись друг к другу. Людей нигде не было, и Альве показалось неправильным бродить здесь, слушая эхо собственных шагов. Он свернул на запад, ища компанию и чувствуя сильную грусть.

СГУЩАЛИСЬ СУМЕРКИ. Все улицы, ведущие от центра города, были заполнены медленно текущими потоками людей, которых слабо освещали кое-где понатыканные на стенах люминесцентные осветительные шары. В конце каждой улицы Навозники ломали Стену и забрасывали ее обломками ров, стараясь погасить горящий внизу огонь. А по новым, только что сооруженным проходам на всех трех уровнях, шли мужчины, женщины и дети, спотыкающиеся в люминесцентном свете шаров. Вдыхая странные ароматы, они шли в обширный мир и новую жизнь.

Глядя на все это с вершины одного из зданий и обнимая рукой талию жены, Альва смотрел, как беженцев разбивают на группы и уводят, понурых, безропотных. Он видел их в повозках, везущих к временным укрытиям, где, вероятно, люди не будут спать всю ночь, ошеломленные, со страхом ждущие нового дня.

Утром же начнется их обучение.

Пал Вавилон, подумал Альва, пали Фивы, Ангкор, Лагаш, Шина, Луксор. Теперь вот пал Нью-Йорк.

Города вырастают, затем следует их падение. Так было всегда и наверняка всегда будет. С ростом они наносят вред себе и людям, затем умирают. И их руины зарастают сорняками.

– Это как яйцо, – сказала Би Джи, хотя Альва не произнес ни слова. – Внутри него созревает новая жизнь – но скорлупа должна быть сломана.

– Я знаю, – ответил Альва, вдруг почувствовав, что боль внутри была не от горестных воспоминаний, а просто от голода. – Кстати о яйцах...

Би Джи взяла его за руку.

– Что ты предпочитаешь, дорогой? Раднип, апельсины, картофель, мясо – все на твой выбор.

Рот Альвы наполнился слюной.

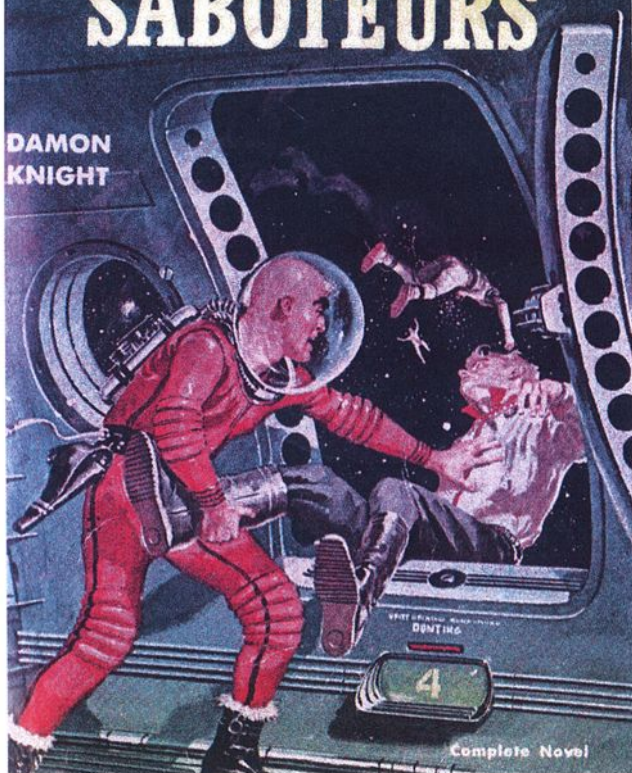
MASTERS OF EVOLUTION

Copyright ©, 1959, by Ace Books, Inc.

THE SUN SABOTEURS

Exiles From a
Hostile Universe

DAMON
KNIGHT

САБОТАЖНИКИ СОЛНЦА

I

СОЛНЦЕ СЕЛО полчасу назад. Теперь в окне каморки Ласло Кадика сиял чужой город, морозно-синий на фоне черного неба. Многоэтажные здания в форме ульев, построенных не руками человека, светились собственным внутренним светом.

Поближе вдоль улицы тянулись тонкие, пьяные стрелы фонарных столбов с прозаическими желтыми шарами на вершинах. Между ними и всем окружающим собралась темнота, темнота с угловатыми формами, геометрия нищеты.

Кадику нравилось это зрелище, когда ночами чернота Земных Кварталов, казалось, сливалась с черным небом, словно одно было продолжением другого – кулак космоса, ударивший по поверхности планеты. Кадик тогда ощущал, что он не одинок, не изолирован и забыт, что существует еще некая связь сквозь бесчисленные световые годы Галактики между ним и тем, что он потерял.

И в то же время это скупое зрелище подавляло его. Ночью Город, казалось, смыкается вокруг Земных Кварталов, словно стены тюрьмы.

Кварталы: шестнадцать квадратных кварталов, две тысячи триста человек, трех рас, четырех религий, восемнадцати национальностей – остатки рода человеческого в Галактике вплоть до самой Капеллы.

Кадик почувствовал, как свежее ночной ветерок. Он глянул вверх на морозное пламя звезд, высунув голову из окна, затем закрыл ставни и повернулся к освещенному лампой столу с грудой непрочитанных книг, бумагами, тубусами.

Кадик был человеком среднего роста, широкоплечий, с выпуклой грудью, резкими чертами лица и копной черных седеющих волос.

По улице прошел, спотыкаясь, пьяный, монотонно ругаясь, сделал паузу, чтобы плюнуть в сточную канаву, и, наконец, ушел.

Кадик не обращал внимание – обычное дело. Он встал спиной к окну, ни на что не глядя, его широкие пальцы машинально набивали табаком трубку. Зачем я мучаю себя, каждую ночь глядя из окна? – спросил он себя. Это же просто юношеская сентиментальность. Но он знал, что так будет и впредь.

Из окна донеслись какие-то звуки, слабые на расстоянии. Они становились все громче. Внезапно Кадик поднял голову, повернулся и бросился снова открывать ставни. Там кто-то кричал.

На улице ничего не было видно, должно быть, что-то происходило на Кванг-Чоуфу или Вашингтоне. Пока он слышал, шум усиливался – неразборчивый вой толпы.

По лестнице застучали торопливые шаги. Кадик подошел к двери, убедился, что она заперта, и стал ждать. В дверь тихонько поскреблись.

– Кто там? – спросил он.

– Ли Фэр.

Кадик отпер дверь и приоткрыл ее. Перед ним с полуприкрытыми глазами стоял китаец, его верхняя губа почти не прикрывала торчащие, как у грызуна, передние резцы.

– Господин Сеу говорит, пожалуйста, придите.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и стал спускаться по лестнице в темноту.

Кадик снял куртку с крючка на стене, на секунду остановился, взглянул на запертый ящик стола, где хранился древний автоматический пистолет тридцать второго калибра и две полные обоймы, потом нетерпеливо покачал головой и вышел.

Ли ждал его внизу. Увидев Кадика, он рысцой выскочил на улицу.

Кадик догнал его на углу Афин и Бразилии. Они свернули направо, к двум кварталам Вашингтона. На углу Вашингтона и России увидели небольшую толпу дерущихся. Действовали они не очень активно, а когда Кадик подошел, то увидел, что драться продолжают лишь несколько задир, и то без всякого энтузиазма. Остальные бесцельно переминались с ноги на ногу, некоторые вытирали слезящиеся глаза, другие согнулись почти пополам, непрерывно чихая. Несколько человек неподвижно лежали на тротуаре.

Сквозь толпу шли три стройных китайца. На лицах у них были белые хирургические маски, закрывавшие нос и рот, каждый нес полиэтиленовый пакет, из которого то и дело брал пригоршню темного порошка и бросал его широким движением сеятеля. Теперь Кадик видел, что воздух полон плавающих крупинок. Пока он смотрел, двое последних драчунов, пошатнувшись, уцепились друг за друга, дружно чихнули и, кашляя, двинулись в разные стороны.

Ли на мгновение взял его за рукав.

– Сюда, мистер Кадик.

Сеу стоял в дверях мэрии, почти перегораживая их своим объемистым животом. Он приветствовал Кадика ленивым забавным жестом толстой руки.

– Привет, Мин, – сказал Кадик. – Вы, как всегда, эффективны. Снова пришлось перчить?

– Да, – ответил мэр Сеу Мин. – Мне очень не хочется тратить перец понапрасну, но, думаю, ведер с водой было бы на сей раз недостаточно. А может быть, они сделали бы только хуже.

– С чего все началось?

– Пара Русских поймали Джима Лунга, крадущегося к мадам Мэй. – лаконично сказал толстяк, его пронизательные глаза мерцали. – Я рад, что вы пришли, Ласло. Я хочу, чтобы вы встретились с важным гостем, прибывшим сегодня после обеда кораблем Ктишев. – Он чуть повернулся, и Кадик увидел, что позади него стоит какой-то человек. – Мистер Харквей, могу я представить вам мистера Ласло Кадика, одного из наших ведущих граждан? Мистер Кадик, Джеймс Харквей, прибывший сюда с миссией от Лиги Малых Народов.

Кадик обменялся с гостем рукопожатием. У Харквея было бледное лицо, свойственное ученым, приятно выглядевшее, с напряженными темными глазами. Он был молод, лет двадцати пяти. Кадик машинально классифицировал его, как относящегося ко второму поколению.

– Я очень надеюсь, – сказал Сеу, словно только что что-то узнал, – вы не будете возражать, если я на время возложу на вас свои обязанности хозяина, Ласло? И если, конечно, мистер Харквей тоже не будет против? Это прискорбное происшествие...

– Конечно, – сказал Кадик.

Харквей кивнул и улыбнулся.

– Превосходно. – Сеу протиснулся мимо Кадика, затем повернулся и взял его за руку, привлекая поближе к себе. – Позаботьтесь об этом дураке, – прошептал он, – и, ради бога, держите его подальше от салунов. Рэк тоже в городе. Я должен быть уверен, что они не повстречаются.

Он широко улыбнулся и ушел вместе с появившимся откуда-то Ли Фэром.

Мимо с ошарашенным видом прошел молодой китаец с текущей из глубокой раны на щеке кровью. Кадик отошел от дверей, повернулся и показал рукой на улицу, где молодые люди Сеу клали жертв драки рядом на тротуаре и загружали их в «скорую помощь».

– Я полагаю, Сеу нашел для вас место переночевать? – спросил Кадик Харквея.

– Да, он устроил меня в своем доме. Возможно... мне не хотелось бы стать обузой...

– Вы не будете обузой. Чем вы хотели бы заняться?

– Ну, я хотел бы встретиться с кем-нибудь, если не слишком поздно. Может, мы могли бы где-нибудь выпить, где обычно встречаются люди?.. – Хардвей вопросительно глянул вдоль улицы на светящуюся вывеску, на которой по-русски и по-английски было написано: «МАЛЕНЬКИЙ БИ. ВИНА И ЛИКЕРЫ».

– Только не там, – сказал Кадик. – Это штаб Русских, и боюсь, сейчас они могут быть немного несдержанными. Я думаю, лучше было бы пойти в кафе-кондитерскую Чона Юина.

– Хорошо, – сказал Харквей, все еще глядя на улицу. – Кто эта девушка? – внезапно спросил он.

Кадик поглядел в ту же сторону. Врачи Московиц и Перейра уже вышли на сцену, отбирая тяжелые случаи, требующие госпитализации, и с ними была стройная темноволосая девушка в униформе медсестры.

– Это Кэти Берджесс, – сказал он. – Дочь одного из наших именитых горожан. Я познакомил бы вас, но сейчас неподходящее время. Завтра, вероятно, вы увидите с ней.

– Она очень симпатичная, – сказал Харквей, позволяя вести себя по улице. – Замужем?

– Нет. Она была помолвлена с одним из наших молодых людей, но ее отец отказал ему.

– О-О!.. – протянул Харквей. – Политические разногласия?

– Да. Юноша присоединился к активистам. А отец – консерватор.

– Это очень интересно, – пробормотал Харквей и через секунду спросил: – У вас их здесь много?

– Активистов или консерваторов? А может, симпатичных девушек?

– Я имел в виду консерваторов, – ответил Харквей, слегка по-розовев. – Я знаю, что активистское движение здесь сильно – именно поэтому меня и послали. Мы считаем их опасными.

– Я тоже, – сказал Кадик. – Нет, консерваторов здесь немного. Берджесс – единственный настоящий фанатик. Между прочим, если вы встретитесь с ним, то должны кое-что иметь в виду.

Харквей задумчиво кивнул.

– Он так заиклен на своих идеях?

– Вы должны не касаться кое-каких тем, – буркнул Кадик и через секунду добавил: – Он убедил себя, по крайней мере, ведет себя так, что мы – доминирующая раса на этой планете, и что

ниори – стоят ниже нас в социально-экономическом плане. Он не потерпит высказываний, что это не так.

Харквей снова торжественно кивнул.

– Это трагедия, – сказал он. – Но все вполне понятно. Некоторые старики просто не могут приспособиться к нашему истинному положению в Галактике.

– Таких, как он, практически, мало.

Харквей задумчиво поглядел на него.

– Мистер Кадик, я не хочу, чтобы вы сочли это за недовольство, но по вашим замечаниям я понял, что вы не согласны с Лигой Малых Народов.

– Нет, – сказал Кадик.

– Могу я спросить, каковы ваши политические воззрения?

– Я нейтрален, – ответил Кадик. – Аполитичен.

– Надеюсь, – вежливо сказал Харквей, – вы не обидитесь, если я спрошу – почему? Ведь даже мне уже очевидно, что вы умный и способный человек.

Вам очевидно все, устало подумал Кадик, кроме того, что вы не хотите замечать.

– Не думаю, что нашего Шалтая-Болтая можно снова собрать, мистер Харквей.

Харквей пристально поглядел на него, но промолчал. Затем он взглянул на вывеску над освещенными окнами, куда они шли.

– Это и есть то место?

– Да.

Харквей продолжал смотреть на вывеску. Над надписью по-английски: «КАФЕ-КОНДИТЕРСКАЯ ЧОНА ЮИНА» и повторением ее иероглифами, стояли значки:

V\X\ VXII <IX/VZ/

– Странный алфавит, – сказал он.

– Но очень эффективный. Он основан на различных наклонных черточках. – Он показал на вывеску пальцем. – Считая каждое крестообразное пересечение за один такт, здесь восемь тактов. Если использовать лишь двухтактники, мы получим двадцать восемь возможных комбинаций. Обычно используются шестнадцать самых изящных и к ним добавляют еще двадцать семь черточек с тремя тактами, чтобы довести знаки до сорока трех – по одному на каждый звук в их языке. Поэтому этот письменный язык полностью фонетичен. Но на пишущих машинках *ниори* только восемь тактов. – Кадик взглянул на Харквея. – Так что совершенно точно, что ни одна черточка не похожа на другую. И в этом есть определенная красота. – Он сделал паузу. – Разве вы до сих пор не поняли, мистер Харквей, что все, что делают наши

хозяева, будет более разумно и более чувствительно, чем наши собственные версии?

— Я приехал из Рег Отея, — ответил Харквей. — У них там нет никаких визуальных искусств и письменного языка. Но я понял, что вы имеете в виду. И что же говорится на этой вывеске — то же самое, что и по-английски?

— Нет, здесь написано: «Юндживо Рен Трактру Риз». «Трактру Риз» можно перевести с *ниори* как «гостеприимный дом» — так они называют все наши кафе, рестораны или пивнушки.

— А что значит «Юндживо Рен»?

— Это их версия «Чунг кво жень» — по-китайски это означает «китайский». Сначала они так всех нас называли, потому что большинство первых эмигрантов были из Китая. Но теперь они перестали нас так называть, когда поняли, что не всем нам это нравится.

Кадик открыл дверь.

В большом зале за круглыми столиками сидели несколько чужаков. Кадик наблюдал за лицом Харквея и увидел, как расширились его глаза. Он явно впервые увидел *ниори*.

Они были высокие и прямые. Их анатомия даже отдаленно не напоминала человеческую. У них было шесть конечностей — две для передвижения, и четыре для прочей деятельности. Тела их были покрыты бледной оболочкой, растущей неправильными секциями, так что по ширине промежутков между броневыми пластинами можно было судить о возрасте *ниори*. Но в первый раз никто на это не обращал внимания. Всех завораживали два пылающих фиолетовых глаза, широко расставленных на голове, похожей на шлем, и поразительно красивые рисунки на гладких раковинах лиц — синие на бледно-сливочном, как пластинки древнего фарфора. И все также видели гребни — изогнутые, прозрачные выросты, даже в освещенном помещении пылавшие внутренним синим, морозным светом. Ни один *ниори* никогда не мог остаться в темноте.

Кадик повел Харквея к двери в дальнем конце зала.

— Поглядим, кто есть в задней комнате, — сказал он. — Обычно в это время там собирается небольшая компания.

Задняя комната была освещена более ярко, чем зал. В центре, перед рядом пустых кабинок, стоял длинный стол. На одном его конце сидели три человека с чайными чашками и миской орехов между ними. Когда вошли Кадик с Харквеем, они вскинули головы.

— Господа, — сказал Кадик, — могу я представить вам мистера Харквея, который приехал к нам с миссией от Лиги Малых Народов? Мистер Берджесс, отец Эксаркос, мистер Флинн.

Все трое обменялись рукопожатиями с Харквеем. Отец Эксаркос дружелюбно улыбался, лица других были насторожены. Священнику было за пятьдесят — седой, с впалыми висками, высокими надглазными дугами и квадратным, подвижным ртом. Говорил он на английском со странной примесью французских и греческих слов.

— Пожалуйста, садитесь... Я понимаю, мистер Харквей, что ваш первый вечер здесь оказался не слишком приятным. Надеюсь, остальное время вашего пребывания окажется лучше.

Берджесс фыркнул, но не так громко, чтобы можно было счесть это за грубость. Лицо у него было приятное, даже солидное, вот только раздраженное выражение слегка портило общее впечатление. Он был на несколько лет моложе священника, грузный, ширококостный, немного сутулый. Впалые щеки показывали, что он прилично похудел.

Лицо Флинна было эмоциональным, но хорошо управляемым. Прищуренные, непроницаемые глаза профессионального игрока, поджатые губы показывали лишь поверхностные эмоции.

— Вы планируете остаться надолго, мистер Харквей? — вежливо спросил он.

— Это зависит, мистер Флинн, от... прямо говоря, от того, какой прием мне здесь окажут. Не стану пытаться скрыть от вас, что я здесь в роли политического пропагандиста. Я хочу убедить как можно больше людей, что движение Малых народов — единственная надежда рода человеческого. И я если я обнаружу, что на это есть какие-то шансы, то останусь здесь настолько, сколько это будет необходимо. Если же нет...

— Боюсь, в этом случае вы недолго пробудете здесь, мистер Харквей, — сказал Берджесс.

Голос его был спокоен, но ноздри дрожали от скрытого гнева.

— Что заставляет вас так считать, мистер Берджесс? — спросил Харквей, поворачиваясь и пристально глядя на него.

— Ваша программа, насколько я ее понимаю, — ответил Берджесс, — стремится поставить человечество наравне с различными расами ящериц, жуков и прочих паразитов. Не думаю, сэр, что вы отыщите здесь много сочувствующих ей.

— Рад сказать, что, совершенно не по вашей вине, но все же вы ошибаетесь, — заявил Харквей. — Мне кажется, вы ссылаетесь на программу правого крыла Лиши, которая доминировала несколько последних лет. Верно, что за этот период линия ЛМН

вела к постепенной интеграции людей — и других оказавшихся в меньшинстве рас. — в объединение планет, на которых они живут. Но теперь это позади. Левое крыло, к которому я и принадлежу, на последних выборах Лиги одержало решающую победу.

Опять, подумал Кадик. Я должен был ожидать, что это животное с двумя задницами все перевернет с ног на голову.

— Наша программа, — искренним тоном говорил тем временем Харквей, — отклонила доктрину ассимиляции, как биологическую и культурную нелепицу. Мы заявляем, — и при достаточной поддержке это возможно, что Человечество должно вернуться на родину, чтобы возродить Землю и сделать ее автономным, цивилизованным членом Галактического Сообщества. Конечно, мы понимаем, что это гигантское предприятие, и что нам потребуется помощь от других рас Галактики... Вы что-то хотите сказать, мистер Берджесс?

— То, что вы говорите, вполне понятно, мистер Харквей, — с горечью сказал Берджесс. — Но ведь вы предлагаете нам всем убраться домой, поджав хвост, уничтожив великую галактическую империю Земли, отдав ее на растерзание чужакам. Не думаю, что вы найдете большую поддержку этим идеям.

Харквей прикусил губу и бросил на Кадика взгляд, который, казалось, говорил: «Вы меня предупреждали, но я забыл». Затем он повернулся к Флинну, который, улыбаясь, так пристально рассматривал сигару, словно ничего не слышал.

— А какова ваша точка зрения, мистер Флинн?

Игрок дружелюбно взмахнул сигарой.

— Можете вычеркнуть меня, мистер Харвей. Мне и так неплохо. У меня нет ни малейших причин желать любых изменений.

— А вы, отец? — повернулся Харквей к священнику.

Грек пожал плечами и улыбнулся.

— Со всем уважением, я желаю вам удачи, — ответил он. — Но боюсь, что никакие физические действия не могут помочь Человеку решить его дилемму.

— Если я кого-то оскорбил, — внезапно вмешался Берджесс, — то могу и уйти.

Харквей на секунду уставился на него, что-то прокручивая в голове, затем сказал:

— Конечно же, нет, мистер Берджесс, пожалуйста, даже не думайте так. Я уважаю ваши взгляды...

Берджесс уставился на него с оскорбленным видом.

— Я понимаю, — с трудом выдавил он, — что нахожусь здесь в меньшинстве...

Отец Эксаркос похлопал его по руке и что-то пробормотал. По лицу Берджесса было видно, как он борется со своими эмоциями. Потом он встал и сказал:

– Нет-нет... не сегодня вечером. Я слишком расстроен. Пожалуйста, извините меня. – Он кивнул головой и вышел из комнаты.

Наступила короткая тишина.

– Я сделал что-то не так? – спросил Харквей.

– Нет, нет, – ответил отец Эксаркос, – это не ваша вина. Вы ничего такого не сделали. Вы должны извинить его. Он – хороший человек, но перенес слишком много страданий. После смерти его жены, умершей от какой-то болезни во время голода, понимаете... он слегка не в себе.

Харквей кивнул, выглядя более старым и одновременно более человечным, чем за секунду до этого.

– Если бы только мы могли повернуть время вспять, – сказал он, – и снова собрать Шалтая-Болтая, как вы недавно выразились, мистер Кадик, – он улыбнулся присутствующим. – Не стану больше пропагандировать вас сегодня вечером, – оставлю это для встречи на завтра. Но я надеюсь, что некоторые из вас придут на нее.

Отец Эксаркос поднял брови.

– Вы планируете встретиться завтра с общественностью?

– Да. Есть еще трудности с местом собрания – мэр Сеу сказал мне, что Ратуша уже заказана на ближайшие шесть дней, – но я уверен, что сумею найти подходящее место. Если будет необходимо, проведу собрание на открытом воздухе.

Рэк, подумал Кадик. Рэк обычно остается в городе не дольше двух-трех дней. Сеу пытается держать Харквея в узде, пока тот не уедет. Но это не работает.

Краем глаза он заметил, что в дверях появилась какая-то темная фигура, и сначала подумал, что это вернулся Берджесс. Но это был не Берджесс. Это был приземистый, кривоногий человек с широкими плечами и длинными руками, одетый в кожаную куртку и мягкое военное кепи. Кадик замер, кинув на Эксаркоса предупреждающий взгляд.

Приземистый небрежно прошел к столу, чуть заметно кивнул Флинну и проигнорировал остальных, кроме представителя ЛМН.

– Ваше имя Харквей? – спросил он.

– Верно, – ответил Харквей.

– Я получил для вас сообщение, – сказал приземистый, – от Лоуренса Рэка, командующего Объединенным Земным Космическим Флотом.

– Земной Космический Флот был распущен двадцать лет назад, – сказал Харквей.

Приземистый вздохнул.

– Так вы хотите услышать сообщение или нет?

– Давайте.

Ноздри Харвея побледнели, челюсти крепко сжались.

– Получите. Вы планируете провести здесь собрание общества любителей паразитов, не так ли?

Харквей собрался было ответить, но приземистый внезапно потянулся через стол и тыльной стороной ладони нанес ему такой сильный удар по губам, что Харквей полетел на пол, перевернув стул.

– Не делайте этого, – сказал приземистый, повернулся и вышел.

Кадик и Флинн помогли Харквею подняться. Глаза его дико смотрели с бледного лица, тонкая струйка крови бежала из разбитой губы.

– Кто это был? – шепотом спросил он.

– Его зовут Сильнейший Удар, – ответил Кадик. – По крайней мере, это единственное имя, на которое он отзывается. Он один из лейтенантов Рэка. А Рэк, как вам, вероятно, известно, лидер активистов в здешнем секторе. Извините, мистер Харквей, но я вынужден это сказать. Я должен вам посоветовать подождать с неделку, прежде чем проводить собрание. Храбрость тут ни при чем – это было бы чистым самоубийством.

Харквей слепо уставился на него.

– Собрание будет проведено, как запланировано, – сказал он и вышел, с трудом переставляя ноги.

II

МАГАЗИН БЫЛ пуст, не считая молодого Ника Пападжорджа, дремлющего за длинным прилавком. Через пластиковое окно пробивался голубоватый солнечный свет. Большая часть прилавка была в тени, но беспризорные пальчики света то тут, то там трогали подносы с драгоценными камнями, превращая их в крошечные сияющие галактики.

Двое *ниори*, идя под ручку, остановились перед витриной, затем продолжили путь. Как и большая часть фауны этой планеты, они были ночными созданиями и избегали яркого света бело-голубого солнца Пэлу. Для них был «поздний вечер», когда в Кварталах только начинался рабочий день. Улицы были полны туристов *ниори* и просто любопытных, которые глазели

на выставленные в витринах раковины из Америки, Восточную глиняную посуду, ткани ручной работы, резные сувениры в подарочных коробках. В Кварталах встречались и представители других рас: паукообразные *олэиди*, приземистые *юттисы* и даже парочка громадных четвероногих вегов. Они далеко превосходили численностью немногочисленных людей на улицах. Даже в Кварталах чувствовалось, что это планета Ниори, и люди предпочитали оставаться в своих магазинах или в комнатах с затемненными окнами.

С криками пробежали два юнца. Каддик лишь уловил, как они промелькнули, но узнал их по голосам: Рэд Коркиак и Стен Элефтерис.

Детей теперь было мало, и росли они дикими. Кадик кратко подумал, на что должен походить ребенок, родившийся в этом микромире и не знавший ничего другого. Он тут же забыл эту мысль. Это был один из многих других предметов, на которых он постоянно тренировал мозги, чтобы не закалился.

Быстрым шагом вошел Сеу и тут же направился в заднюю часть магазина. Его обычно спокойное лицо выглядело взволнованным, на широком лбу блестели бусинки пота, хотя утро выдалось прохладное.

– Садитесь, – сказал Кадик. – Вы видели Арана Сидха?

Сеу сделал отрицательный жест.

– Ничего. Это неприятно, но ничего. Все как обычно: он рассказывает мне, что произойдет, а я должен справиться с этим сам. Он все знает, но, по их законам, ничего не может сделать.

– Когда-нибудь это плохо кончится, – сказал Кадик.

– Да. Когда-нибудь. Ласло, вы должны что-нибудь сделать с Харквеем. Иначе его убьют нынче вечером, и вонь поднимется отсюда до Сириуса. Я должен был разрешить ему использовать Ратушу – а то он готов проводить собрание где-нибудь на улицах при свете факелов. Попытайтесь еще раз, пожалуйста. Ваш этнический фон ближе к нему, чем мой. Мне кажется, он уважает вас. Возможно, даже читал ваши книги. Если кто и может убедить его, так только вы.

– Что он сказал, когда вы разговаривали с ним в последний раз?

– Упрямый буйвол, – вздохнул Сеу. – Его мозг весь из мыла и гранита. Он сказал, что это вопрос принципа. И тогда я понял, что ничего не могу поделать. Когда англо-сакс говорит о принципах, можно разворачиваться и идти домой. Он не станет вооружаться и не отложит собрание. Мне кажется, он хочет стать мучеником.

Кадик вздрогнул.

– Может, и хочет. Вы виделись с Рэком?

– Нет. Флинн притворяется, что не знает, где он.

– Это весьма странно. И как вы думаете, какие у него причины врать?

– В основном, он боится Рэка, – сказал Сеу. – Он сотрудничает с ним – они используют друг друга, – но вы же знаете, что это брак по расчету. Флинн знает, что Рэк сильнее его, хотя бы потому, что Флинн – всего лишь аморальный индивидуалист, а Рэк – фанатик. Мне кажется, он считает, что это дело может стать крахом Рэка, и очень хочет этого. – Сеу встал. – Мне нужно идти. Так вы поговорите с ним?

– Конечно, – сказал Кадик. – Боюсь, что это не поможет, но я поговорю с ним.

– Хорошо. И потом сообщите мне.

Сеу кивнул и вышел.

Ник Пападжордж встрепенулся и принялся полировать высокую, рифленую серебряную вазу.

– Ник, – попросил Кадик, – сходите узнайте, где сейчас мистер Харквей. Если он не занят, спросите, не сделает ли он нижайшее одолжение и зайдет ко мне. Если нет, то просто вернитесь и скажите, где он: я сам пойду к нему.

– Конечно, мистер Кадик, – сказал Ник и вышел.

Кадик устался на поднос с неотсортированными драгоценными камнями на столе перед собой. Он помешал их указательным пальцем и отделил изумруд, два аквамарина, большую бирюзу и звездный сапфир. Это было все, что он имел в самом начале – драгоценности умершей жены, которые он пронес по всей Европе в те времена, когда ломоть хлеба стоил дороже, чем все драгоценные камни в мире. За сапфир он купил проезд на корабле чужаков, а остальные камни отложил про запас, сначала в центре беженцев на Альфале, затем здесь, на Пэлу. Теперь он стал преуспевающим импортером с чистым доходом, эквивалентным десяти тысячам фунтов в год.

Но богатство было прахом. Он обменял бы все это на единственный ломоть хлеба, который ел на Земле, еще не погрязшей в варварстве.

Это просто импульс, сказал он себе. Импульс и остатки любопытства. Это – единственные причины, по которым у меня еще варят мозги. У Берджесса свои фантазии, хотя они терпят крах время от времени. У Флинна душевных переживаний не больше, чем у шакала. Рэк, как сказал Сеу, просто фанатик. Но что поджигает остальных из нас? Что?

В дверях снова потемнело, и вошел Харквей, сопровождаемый Ником. Ник махнул рукой в заднюю часть магазина, и Харквей, улыбаясь, пошел туда. Его нижнюю губу покрывала блестящая фиолетовая короста.

Кадик поздоровался с ним и предложил ему кресло.

— Как мило с вашей стороны, что вы пришли. Надеюсь, я не прервал вашу работу?

Харквей натянуто усмехнулся.

— Нет, я только закончил обедать, когда меня нашел ваш парень. До вечера мне больше нечего делать.

Кадик пристально поглядел на него.

— Я вижу, вы все-таки побывали в больнице.

— Да. Доктор Московиц подштопал меня.

Почему, спросил себя Кадик, представитель ЛМН выглядит таким веселым? И ему тут же показалось, что он понял, почему.

— А как мисс Берджесс? — деликатно спросил он.

— Да, — смущенно ответил Харквей и немного помолчал. — Она... утонченная женщина, мистер Кадик.

Кадик стиснул широкие ладони, положив локти на подлокотники кресла.

— Простите меня, — сказал он, — за то, что вторгаюсь в личные темы. Действительно ли я прав, считая, что вы чувствуете больше, чем легкий интерес к мисс Берджесс? — Пожалуйста, — добавил он, помолчав. — У меня есть причины интересоваться этим.

Выражение лица Харквея не изменилось.

— Да, это так.

— И вы думаете, что она испытывает к вам такие же чувства?

Харквей немного помолчал.

— Я думаю, да. Надеюсь на это. Ведь это так, мистер Кадик?

— Мистер Харквей, скажу вам напрямик. Мисс Барджесс уже потеряла одного возлюбленного, без всякой вины со своей стороны, и этот опыт не дал ей ничего хорошего. Она, как вы сказали, утончена. Она красива, но не является сильной личностью. Вы думаете, будет справедливо, если вы дадите ей снова такие же переживания, позволив убить себя нынче вечером?

Харквей откинулся на спинку кресла.

— О-о!.. — протянул он. — Так вот в чем дело. — Он усмехнулся. — Я думал, что ее отец разорвал их отношения из-за политических пристрастий ее молодого человека. И я собирался сказать вам, что мистер Берджесс нашел меня нынче утром и принес извинения за вчерашнее. Сказал, что он очень сожалеет, и так далее. Он очень приличный человек, знаете ли. — Он помолчал, потом

серьезно продолжил. — Но теперь о другом. Я благодарен за ваше участие, но, боюсь, не могу с вами согласиться. — Он сделал нетерпеливый жест. — Я не пытаюсь играть в благородство, но мое дело кажется мне важнее, чем моя жизнь. Боюсь, это все. Мне очень жаль.

Еще один фанатик, подумал Кадик. *Либеральный фанатик. Всех я их уже повидал.* Вслух он сказал:

— Попытаюсь привести еще один аргумент. Сеу объяснил вам, насколько сомнительно наше положение здесь, на Пэлу?

— Он говорил об этом.

— *Ниори* приняли нашу маленькую колонию после серьезных колебаний. Любой акт насилия, происходящий здесь, ослабляет наше положение, потому что снабжает дополнительными аргументами ту группировку, которая хочет выселить нас с этой планеты. Это вы понимаете?

В глазах Харквея сверкнула боль.

— Мистер Кадик, то же самое происходит по всей Галактике, всюду, где существуют наши мельчайшие колонии. Моя организация пытается заняться решением этой проблемы в масштабе Галактики. Я не утверждаю, что мы непременно преуспеем, я предоставляю вам право сомневаться в том, что наша программа правильная. Но мы должны хотя бы попробовать. Между прочим, мы хотим избавиться от активистов по той же причине, о которой вы только что упомянули. И простите меня за повторение очевидного, но именно командующий Рэк будет ответственен за этот акт насилия, если он вообще произойдет, а никак не я.

— И вы думаете, что ваша смерть от его руки станет более сильным аргументом, нежели мирное собрание?

Харквей с сожалением покачал головой.

— Я не уверен, что во мне отыщется столько храбрости, мистер Кадик. Я просто надеюсь, что со мной ничего не произойдет. Но я знаю, что престиж Лиги в здешнем секторе падет, если я позволю Рэку запугать меня. — Он встал. — Вы будете на собрании?

— К сожалению, да, — Кадик тоже встал и протянул ему руку. — Всего наилучшего.

Он смотрел, как молодой человек уходит, чувствуя себя очень старым и очень усталым. Он заранее знал, что этим все кончится, и провел эту беседу лишь по просьбе Сеу. Теперь он оказался вовлеченным во все это, он позволил себе почувствовать укол любви и жалости к еще одной потерянной душе. Такие чувства были всегда разрушительными — они давали лишнюю нагрузку на его и без того хрупкое сердце.

Актальный зал в городском здании был полон, хотя Харквей не прилагал особых усилий, чтобы разрекламировать встречу. Он знал, подумал Кадик, что угрозы Рэка будет более чем достаточно.

Здесь не было ни женщин, ни детей. Зато был Флинн и многочисленный контингент его служащих – игроков, сутенеров, официантов и уличных драчунов – по большей части из Русских. Сюда не пришли почти все китайцы, так же, как и Берджесс. Многие из тех, кого знал Кадик, склонялись на сторону ЛМН, еще больше было нейтралов. Собравшиеся разделились почти поровну за и против Харквея. Если он уже так тронул их за живое, то мог, пожалуй, сбить Кварталы с пути. Это была бы, конечно, бессмысленная победа, но сам Харквей думал иначе.

По залу пронесся ропот и шум, когда вошел Рэк в сопровождении еще трех человек – Сильнейшего Удара, еще одного молодца по кличке Гаечный Ключ и молодого Тома Де Граса, который когда-то был помолвлен с Кэти Берджесс. На несколько секунд шум замер, когда они заняли места у стенки, затем снова возобновился. Харквей и Сеу все еще не появились.

Затем Кадик увидел, как все начали поворачиваться к входу, и, тоже повернувшись, увидел, как Сеу протискивает свое чрево между рядами и садится на свободное место.

Лицо толстяка было вежливо непроницаемым, но Кадик понял, что что-то произошло.

– Что случилось? – спросил он.

Губы Сеу дрогнули. Он с вежливым интересом оглядел толпу.

– Его похитили, – радостно сказал он, чуть шевеля губами. – Он связан и находится в безопасном месте. Собрание сегодня не состоится.

На Сеу смотрели со всех сторон. Затем кто-то, сидящий через несколько рядов, окликнул:

– Где Харквей, мэр?

– Не знаю, – вежливо солгал Сеу. – Мы договорились, что встретимся уже здесь. Он сказал, что у него есть еще одно дело. Вероятно, он уже идет сюда. – Под ропот зала он снова повернулся к Кадиду. – Мне не хотелось делать это, – сказал он. – Рано или поздно это создаст проблемы, возможно, не меньшие, чем если бы Харквей убили. Но я должен был выбрать из двух зол. Как вы думаете, Ласло, я правильно поступил?

– Да. Но мне... жаль, что вы не сказали этого раньше.

Сеу улыбнулся, его тяжелое лицо на секунду сделалось открытым и доверительным.

– Если бы я сказал, то вы не были бы таким убедительным, когда уговаривали Харквей.

Кадик улыбнулся про себя. Потом устроился на стуле, смакуя облегчение, которое испытал, узнав, что Харквей сегодня не умрет. Последние дни почти неощутимо росла напряженность, и Кадик чувствовал редкое, мимолетное удовлетворение, когда что-то разрядило ее.

Он видел, как мэр посмотрел на часы. Толпа все больше волновалась. Еще несколько минут, и Сеу встанет и объявит, что собрание отменяется. Затем все разойдутся.

Сеу уже вставал, когда новая волна голосов прокатилась по залу. Кадик увидел, как люди поворачиваются и встают, пытаясь заглянуть через головы соседей. Сеу произнес одно острое слово, стиснув рукой подлокотник.

Кадик встал. Кто-то шел по залу, но он не видел, кто именно.

Вставшие уже начали садиться. И Кадик, наконец, увидел, как по проходу, глядя прямо перед собой, оскорбленно выдвинув нижнюю челюсть, с кровавой царапиной от скулы до подбородка, шел Джеймс Харквей.

Он поднялся на сцену, оперся обеими руками о низкую трибуну и обвел взглядом собравшихся. Послышался скрип стульев и покашливание, затем воцарилась полная тишина.

– Мои друзья... и враги, – начал Харквей.

По залу пробежали смешки.

– Некоторые мои враги не хотели, чтобы я провел это собрание, – продолжал Харквей. – Некоторые мои друзья чувствовали то же самое. Фактически, оказалось, что никто не хотел, чтобы это собрание состоялось. Но вы все равно собрались здесь. И я тоже здесь. – Он выпрямился. – Интересно, почему так получилось? Может быть, потому, что, независимо от наших различий, мы все в одной лодке... в спасательной шлюпке. Да, – с серьезным видом кивнул он, – именно в спасательной шлюпке – все мы оказались вместе, чтобы выжить или умереть, и мы не знаем, что делать, как направиться к ближайшей суше, которая даст нам прибежище. Какой избрать путь, чтобы совершить безопасную посадку? Чтобы обрести мир и честь для нас и наших детей? Обрести безопасность, обрести счастье? – Он раскинул в стороны руки. – Есть миллионы путей, которыми мы могли бы следовать. В галактике миллиарды планет! Но всюду, куда ни ткнишь, мы обнаруживаем чуждую землю, чуждую культуру, чуждых существ. Всюду, кроме одного-единственного направления. Да, правда, что наш корабль – наша родная планета Земля, гибнет, тонет. Но она еще не потонула. Есть еще шанс, что мы

можем вернуться и возродить Землю, сделать ее тем, чем она была – а затем продолжать развиваться! Продолжать, пока мы не сделаем Землю более сильной, более счастливой, более мирной, пока мы не сможем с гордостью занять свое место в Галактике и сравняться с любой обитающей в ней расой.

Он знал, что захватил лишь половину внимания собравшихся. Они смотрели на него, слушали то, что он говорит, но головы аудитории были немного повернуты туда, где сидел Рэк со своими людьми.

– Все мы знаем, – продолжал Харквей, – что цивилизация Земли рухнула, треснула, как яичная скорлупа. Разбилась, и мы можем никогда не собрать ее заново. Но если мы ничего не станем делать, то это за нас не сделает никто. Представьте, что мы обратились к другим расам Галактики и сказали...

– Мы продадим вам души, если вы предоставите нам кусочек своей техники! – прервал его спокойный баритон.

Рэк встал – высокий, мускулистый, худощавый, с выступающими скулами и рыжими, тронутыми сединой, волосами, падающими на лоб из-под козырька фуражки. Короткая кожаная куртка была наброшена на плечи, как плащ. Сощуренные глаза были серыми и холодными, рот прямой, стиснутый в жесткую линию.

– Вы хотите, чтобы мы это сказали паразитам, не так ли, мистер Харквей?

Харквей чуть сгорбил, точно боксер, и четко произнес:

– Разумные расы Галактики не нечистая сила, мистер Рэк, и им не нужны наши души.

Рэк проигнорировал обращение «мистер».

– Но они потребуют от нас определенных гарантий взамен своей помощи, не так ли, мистер Харквей?

– Разумеется, – ответил Харквей. – Гарантий, которые одобрил бы любой разумный человек. Например, гарантии, что больше не повторится Инцидент Альтаира, когда горстка маньяков на двух кораблях уничтожила тысячи мирных граждан Галактики без малейшей провокации с их стороны. Возможно, вы помните это, мистер Рэк. Возможно, вы были там.

– Я там был, – небрежно сказал Рэк. – Было раздавлено примерно пятьсот тысяч паразитов. Мы бы сделали эту работу и лучше, но у нас кончились боеприпасы. Однажды мы истребим их всех, и будет вселенная, пригодная для жизни людей. А тем временем, – он оглядел аудиторию, – мы собираемся строить корабли. Мы уже строим их. Не с разрешения паразитов под присмотром тех же паразитов. Тайком. На планете, которую они никогда не отыщут, пока наши корабли не выплеснутся из нее, как

икра из рыбы. И когда настанет тот день, мы раздавим их всех, вплоть до последнего щупальца и последнего когтя.

– Вы закончили? – спросил Харквей, дрожа от сдерживаемого гнева.

– Да, я закончил, – устало сказал Рэк. – И вы тоже. Вы предатель, Харквей, самый гнусный червяк, грязный предатель рода человеческого из всех, что когда-либо рождались. Спускайтесь со сцены. Идите сюда.

– Я приехал сюда, – сказал Харквей, обращаясь к залу, – чтобы попытаться убедить вас в своей правоте, попросить вас рассмотреть мои аргументы и решить все самим. Этот человек хочет уладить все силой и предубеждением. Кто же из нас больше заслужил право называться «человеком»? Если вы слышали, что он сказал, то можно ли потом винить *ниори*, если они решат закрыть даже это маленькое убежище, которое дали вам на своей планете? Вы хотите получить Вселенную, утонувшую в крови?

– Сильнейший Удар, – спокойно сказал Рэк.

Приземистый встал, улыбаясь, достал из кармана складной нож, раскрыл его и глянул на сцену.

И в мертвой тишине раздался еще один голос.

– Нет! – произнес он.

Это был, потрясенно понял Кадик, Том Де Грас. Юноша встал и переместился за спину Рэка – никто не успел шелохнуться, чтобы остановить его. Его квадратное, почти юношеское лицо застыло от напряжения, в руке был большой пистолет.

Кадик почувствовал, как что-то проснулось в нем, что просыпалось всегда в те моменты, когда один из его собратьев делал нечто неожиданное, а Кадик всегда жадно интересовался человеческими мотивами.

Де Грас стал сторонником Рэка по убеждению, отрезав все прошлые связи. И, что еще более важно, он поклонялся Рэку с преданностью, на которую способны лишь фанатики. И то, что случилось теперь, было все равно, что Петр вдруг бросил бы вызов Христу.

Все трое, казалось, очень долго стояли неподвижно. Сильнейший Удар, замерший перед Де Грасом, переместив тяжесть на одну ногу, немного вытянул вперед ладонь и придерживал нож большим пальцем. Он был напряжен, ожидая лишь слова от Рэка. Но Рэк стоял, словно забыл о времени, глядя на Де Граса через плечо Сильнейшего Удара. Четвертый, Гаечный Ключ, – сплошные хрящи и кости, и вообще, похожий на труп с серо-седыми волосами, – начал было вставать, но Рэк положил руку ему на плечо и силой заставил опуститься на место.

Кэти Берджесс, подумал Кадик.

Это был единственный ответ. Де Грас, разумеется, знал, что произошло между Харквеем и девушкой. В Кварталах невозможно никакая тайная частная жизнь. Столпившиеся в этом тесном гетто, все люди плавали в эмоциях друг друга. И Де Грас, очевидно, был готов бросить все, что имело для него значение, лишь бы не причинить боль Кэти Берджесс.

Это что-то же говорит о людях, подумал Кадик... Недостаточно, никогда недостаточно, потому что лишь мимолетными вспышками появляется благородство человека, который является лишь частью скотской толпы – однако, во тьме брезжит лучик света.

– О чем ты, Том? – наконец, заговорил Рэк.

Глаза юноши внезапно наполнились болью, но он твердо сказал:

– Я имею в виду, не трогайте его, капитан.

Вокруг них возникло медленное движение. Сидящие рядом люди медленно вставали и старались отойти подальше. Скрипели стулья. Кто-то резко и громко кашлял.

Рэк все еще глядел через плечо Сильнейшего Удара прямо в лицо Де Грасу.

– Хорошо, – медленно произнес он.

Рэк повернулся, все еще с застывшим выражением лица, и направился к выходу. Сильнейший Удар последовал за ним, бросив через плечо скептический взгляд на Де Граса. Гаечный Ключ замыкал процессию.

Де Грас расслабился медленно, словно с большим усилием. Он убрал пистолет, секунду поколебался и пошел за остальными. Широкие плечи его поникли.

Чей-то кашель грянул с новой силой, заглушая скрип стульев и стуком шагов, когда люди начали вставать со своих мест и направляться к выходу. Харквей и не пытался остановить их.

У Кадика, идущего к выходу вместе с остальными, было много о чем подумать. Он видел не только мотивы Де Граса, но и Рэка, проявившего чисто человеческое сочувствие. И этого Кадик никогда не ожидал увидеть.

– В таких случаях, – сказал Флинн, сощуривая серые змеиные глазки и улыбаясь, – я почти готов поверить в Бога.

Отец Эксаркос вежливо улыбнулся, но ничего не ответил. Они с Кадиком сидели в задней комнате Чона Юиня полчаса спустя после собрания. Сеу сначала был с ними, но вскоре уехал. Чуть позже двенадцати к ним присоединился Флинн.

— Я имею в виду именно нынешний случай. — посмеиваясь, продолжал Флинн. — Был Харквей, как ягненок для резни, и маленький Де Грас, вставший на пути мясника. И Рэк отступил. — Он покачал головой, по-прежнему улыбаясь. — Рэк отступил. Ну, и как вы можете объяснить это, господа, кроме как руки Божией?

Приходилось терпеть этого человека, который обладал в Кварталах самой большой властью, даже больше власти Сеу, хотя временами это было нелегко.

Сегодня Флинн был особенно раздражающим, потому что Кадик был вынужден согласиться с ним. Оставалось загадкой: почему Рэк не завершил уже начатое?

Был понятен Де Грас, который действовал по велению чувств. Но объяснять тем же самым поступок Рэка было просто невозможно. У него, разумеется, тоже были чувства. Но все они направлялись в одно русло: судьба рода человеческого и лично Лоуренса Рэка. Де Грас был в том возрасте, когда сильные чувства подвижны и могут легко менять направление, когда человек сегодня мог планировать убийство, а завтра уйти в монастырь. Но Рэк всегда был стоек и целеустремлен, как корабельное орудие.

— Он должен размякнуть, — говорил тем временем Флинн. — Размякнуть — это старый-то Рэк! Что это, как не Рука Господня? А каково ваше мнение, отец Эксаркос?

— Мистер Флинн, — вежливо ответил священник, — с тех пор, как я приехал жить на эту планету, мои мнения о многих вещах изменились. Я больше не читаю, что Бог или человек столь же просты, как я когда-то думал. Раньше у нас было слишком мелкое мышление — наше понимание многих вещей ограничивалось Землей и теми кусочками небес, что мы могли видеть из окна. Наверное, прежде я попытался бы ответить на ваш вопрос в рамках «да» или «нет». Я бы сказал, что считаю, что командор Рэк внезапно был охвачен приступом человеческих чувств, или сказал бы, что думаю, будто командора Рэка коснулась Длань Господня. А может быть, я отказался бы отвечать, потому что даже тогда я не считал, что Господь вмешивается в мелкие грехи таких людей, как командор Рэк. Но сейчас я бы сказал, что не уверен, можно ли вообще ответить на ваш вопрос. Я думаю, мы понимаем еще слишком мало, чтобы быть в состоянии ответить на него. Может, через несколько сотен или тысячу лет... Вселенная гораздо больше, мистер Флинн, нежели мы считали. Мы говорили о вечности и бесконечности все равно, как о времени, достаточном для того, чтобы выпить чашечку кофе, или о расстоянии от нашего отеля до ближайшей автобусной остановки, потому что это были пробные камни нашей культуры, того, что

Спенглер называет фаустовской культурой. И при всей нашей ужасающей слепоте и гордыне, мы считали, что понимаем эти слова. Теперь я постигаю, что ничего-то мы не знали и не были достойны обсуждать дела Вечности. Я всего лишь верю, что когда-нибудь мы все же станем достойными.

Флинн слегка усмехнулся.

— Ну, отец, это лучшее оправдание за отказ от ответа, которое я когда-либо слышал. — Он затянулся сигарой, прищулив глаза и скривив губы. — Кстати, это в наши дни таковы ортодоксальные настроения? А что думает по этому поводу Римский Папа?

— Патриарх. — пробормотал отец Эксаркос. — А точнее, Вселенский Патриарх, потому что есть еще три других.

— Правильно. Патриарх, я все время забываю. Что же он думает о вечности и бесконечности, отче? Согласен ли он с вами?

Отец Эксаркос распростер руки, его лицо сморщилось в улыбке.

— К сожалению, нет. Ни он, ни другие Патриархи, ни Папа Римский римской церкви. Жаль, но я думаю, что Землю покинула слишком маленькая часть человечества, даже если собрать всех вместе эмигрантов. Конечно, верно, что в некотором смысле мы, те, кто эмигрировал, взяли с собой культуру умирающей Земли, но в количественном отношении мы слишком маленькая, слишком незначительная частица, по сравнению с теми, кто остался. Так что, хотя здесь нам открылись новые способы понимания, мы похожи на бесплодных мутантов — мы несем в себе семена великих деяний, но они умрут вместе с нашими телами. И, увы, земная церковь больше не может надеяться служить целям просвещения. Она консервативна теперь более, чем когда-либо, потому что ее роль — сохранять и ждать.

— Другими словами, — сказал Флинн, — вы не считаете, что то, из-за чего умирает Земля, было дано нам за наши грехи. Вы думаете, это к лучшему, что столько людей смогли сделать то, что сделали мы. Верно?

— О, нет, — сказал отец Эксаркос. — Я полагаю, что, как вы сказали, Голод и Крах цивилизации были Божиим наказанием. Я слышал много теорий о причинах Краха, но среди них не было ни одной, которая не обращалась бы, в конце концов, к безумию Человека, к его жестокости и слепоте.

— Ну, — сказал Флинн, — простите, отец, но если вы полагаете, что это дано нам в наказание, то что вы делаете здесь? Там, — он дернул головой так, словно Земля висела за его правым плечом, — люди живут как животные. Чикаго, где я раньше жил, превратилось в каменные джунгли с голозадыми мусорщиками,

бродящими по нему. Если вас не доконает грязь и болезни, то какой-нибудь бандит расколлет вам голову, или вы столкнетесь с волками, а то и гризли. И если не произойдет ничего этого, то вы можете прожить до старости в сорок лет, когда будете счастливы умереть.

Он перестал улыбаться. *Флинн*, подумал *Кадик*, *описал свой собственный, личный ад*.

— Так что, — продолжал *Флинн*, — если вы захотите назвать это карой, я не стану с вами спорить. Но если вы верите в это, то почему не остались там, на Земле, вместе с остальной частью населения?

А он действительно хочет знать, подумал *Кадик*. Он начал с попыток дразнить священника, но теперь стал серьезен. Было странно видеть *Флинна*, испытывающего муки совести, но *Кадик* не очень-то был удивлен. Большинство моралистов, каких он знал, были гангстерами вроде *Флинна*, в то время, как хорошие люди, каких он опять-таки знал, вроде отца *Эксаркоса*, казалось, беспечно не испытывали никаких мук совести.

— Мистер *Флинн*, — серьезно сказал священник, — Я считаю, мы тоже наказаны. Возможно, даже больше, чем другие. Мексиканский поденщик, индийский феллах, крестьянин в Китае или Греции живет так же, как жил его отец. Вряд ли он может осознать, что Землю постигла кара. Но я думаю, ни один житель *Кварталов* не может забыть об этом хотя бы на час.

Флинн пристально посмотрел на него, затем что-то проворчал, раздавил сигару в пепельнице и встал.

— Пойду-ка домой, — сказал он. — Спокойной ночи. — И вышел.

Кадик и *Эксаркос* некоторое время посидели, спокойно беседуя, затем вышли вместе. Улицы были пусты. Позади них и слева, поскольку они направились к перекрестку, сияли над темными человеческими зданиями призрачным синим светом *улья ниори*.

Священник жил в небольшой квартирке на третьем этаже на углу *Бразилии* и *Афин*, один, поскольку его жена умерла еще десять лет назад. *Кадик*у быстрее было бы пройти напрямик через *Чехословакию*, но он пошел с другом к *Бразилии*.

Когда они свернули за угол, *Кадик*у показалось, что он услышал позади какой-то шум. Он оглянулся, но улица с закрытыми ставнями витринами магазинов и слепыми лестничными площадками, была пустынна. Синий свет от *ульев ниори* заставлял тротуары мерцать, словно залитую лунным светом воду, а двери и окна казались бассейнами тьмы.

И снова послышались звуки, слабые, но безошибочные звуки ударов, а затем стон боли.

– Подождите, Астереос, – сказал Кадик и бросился по улице.

Преступления в Кварталах были редкими, – а у *ниори* вообще не существовало никаких преступлений, – но ссоры были постоянными. взрывы старой вражды и даже мелкие вендетты, и в любое время какая-нибудь из них могла охватить все Кварталы.

На бегу Кадик шарил в кармане в поисках фонарика – маленького фонарика, изделия *ниори*, который он купил почти двадцать лет назад и с тех пор еще ни разу не менял батарейку. Голубовато-белый луч осветил дверной проем – пустой, другой – пусто, тогда вниз по лестнице, ведущей в подвал. У основания лестницы, подняв руки, чтобы загородиться от яркого голубого света, сидел на корточках парень, которого Кадик вначале и не узнал.

– Кто ты? – резко спросил он. – Элефтерис? Джор-циа? Что ты тут делаешь?

Он переместил луч и заметил еще одну фигуру, темную, неподвижную, лежащую в ногах юноши.

Когда луч фонарика перестал светить ему в глаза, парень опустил руки. И Кадик узнал его, когда увидел квадратное лицо и услышал хриплый от избытка каких-то эмоций, голос:

– Уходите отсюда, мистер Кадик...

Это был Том де Грас.

– Сверху, с улицы, послышались неровные шаги.

– Ласло, – раздался задыхающийся голос священника, – я иду вам на помощь.

Но Кадик молча глядел на темную фигуру, валявшуюся у ног Де Граса. Еще до того, как лучик света переместился на окровавленное лицо, он уже знал, кто там лежит: Джеймс Харквей.

Он снова переместил луч фонарика. В поднятой руке Тома было что-то тупое и темное.

– Это вы, Том? – спросил Кадик, чувствуя себя усталым и больным.

– Что вам нужно? – завопил парень. – Убирайтесь отсюда, вы, два старых веника, пока я не разбил вам головы!

– Ладно, Астереос, – сказал Кадик, не оборачиваясь. – Этот молодой герой только и способен, что нападать в темных переулках.

Он передал священнику фонарик, снял куртку, обернул ее вокруг руки и стал спускаться в подвал.

– Осторожнее там, Ласло.

Кадик не ответил. Идя на Де Граса с поднятой, как щит, рукой, он заговорил твердым голосом:

– Ваш отец был хорошим человеком. Он возлагал на вас большие надежды. И кто вы теперь? Убийца? Трус, бьющий в спину?

Де Грас, все еще загораживаясь от света, внезапно наклонился и поднял руку, чтобы ударить лежавшую на полу темную фигуру. Кадик едва успел броситься на него, сбил на землю, так что его удар пришелся по камням возле головы Харквея.

Де Грас пошатнулся и опомнился. Лицо его было диким в синеватом свете, глаза блестели, рот кривился.

– Сегодня я даже гордился вами, – сказал Кадик. – Вы сделали нечто по-настоящему человеческое. А что теперь? Неужели Рэк...

– Заткнитесь! – заорал Де Грас, сжимая кулаки. – Заткнитесь о Рэке, просто заткнитесь! Да вы должны быть рады чистить его ботинки, старая вешалка!

Он замолчал, тяжело дыша, и уставился в темноту под ногами.

Кадик переступил через тело Харквея и двинулся на Де Граса, высоко подняв руку. Парень нанес удар, но без размаха, поэтому не сильный. Кадик принял его на обернутую курткой руку, а открытой ладонью второй руки ударил парня по губам.

Голова Де Граса дернулась. Он издал невнятный звук и снова бросился на Кадика. Кадик опять заблокировал удар, шагнул вперед и прижал Де Граса к задней стенке подвальной лестницы. Кадик на пятьдесят фунтов весил больше него, поэтому посчитал парня беспомощным, схватил его запястье, сжимавшее дубинку, а свободной рукой снова хлопнул Де Граса по лицу. Он был сердит, и удар оказался не легким. Голова парня мотнулась, колени подогнулись.

Кадик стал колотить его захваченной рукой о стенку, пока дубинка не упала в синюю лужицу света на полу. Тогда он осторожно развернул Де Граса, не давая ему наступить на тело Харквея, и повел вверх по ступенькам.

– Ласло, я так волновался за вас, – сказал старый священник, фонарик в его руке дрожал. – Вы не должны были...

Кадик провел молодого человека несколько шагов по тротуару, затем отпустил. Тот стоял, шатаясь, ошеломленный. Гнев Кадика уже исчез, осталась лишь усталость и мрачное предчувствие.

– Идите и скажите Рэку, – сказал он, – что «старая вешалка» отняла у вас оружие.

Он повернулся и пошел за Эксаркосом, который уже стоял на лестнице, с тревогой держа фонарь и не осмеливаясь перестать освещать Де Граса. Оглянувшись, Кадик увидел, как молодой человек, шатаясь и сгорбившись, уходит по улице.

Эксаркос стал на колени возле неподвижного тела и со свистом втянул воздух сквозь зубы при виде распухшего, окровавленного лица. Его тонкие старческие пальцы ощупали рубашку Харквея. Через секунду он сказал:

— Жив.

— Есть переломы?

— Я так не думаю... нет. Но он ужасно избит. Нам нужно отправить его в больницу.

— Нет. — сказал Кадик. — Слишком опасно.

Он секунду подумал, тяжело дыша. Освещенная синим улица была пуста.

— Помогите мне взвалить его на спину, Астереос.

— Вы думаете, они бы напали на него в больнице?

— Я в этом уверен, — проворчал Кадик, поднимая не приходящего в сознание человека и ставя его вертикально.

Старый священник удержал его, прижав к стене, пока Кадик поворачивался. Взяв Харквея за запястья, Кадик, присев, затащил его тело себе на спину, затем понес вверх по лестнице.

— Больше всего меня ужасает, — сказал идущий за ним священник, — что это был именно Де Грас! Весь всего лишь несколько часов назад...

— Я знаю, — пропыхтел Кадик. — Но, видите ли, это была аномалия, Астереос. А рано или поздно, Вселенная всегда исправляет аномалии. — Он раздраженно мотнул головой, потому что струйки крови, как ползущие насекомые, щекотали ему шею.

Они затащили Харквея в заднее складское помещение магазинчика Кадика и положили на импровизированный матрас из рулонов упаковки. Тот тяжело дышал и по-прежнему не приходил в себя.

— Похоже на сотрясение, — сказал Московиц полчаса спустя. — Здесь ему не место, но придется пока оставить здесь. Перетаскивать его было бы худшим, что можно сделать.

— Вы знаете не хуже меня, Арнольд, — сказал Кадик, — что мне придется куда-то его перевезти, и как можно скорее. Мы принесли его сюда только на время, здесь они станут искать в первую очередь.

— Если вы решите перевезти его, он может умереть, — сказал Московиц, с сердитым щелчком закрывая свой чемоданчик.

— Если не стану, то он точно умрет.

Широкое, смуглое лицо Московица выглядело сердитым и расстроенным.

— Просто смешно, — сказал он. — У нас должна быть настоящая полиция, а не группа подростков с перцем. Вооруженные муж-

чины. — На мгновение он встретился с безмолвным, пристальным взглядом Кадика, затем вздохнул и поднял чемоданчик. — Делайте, что хотите, — сказал он. — А мне нужно вернуться в больницу.

Кадик выпустил его, сначала удостоверясь, что на улице никого нет. Московиц был надежным человеком, одним из по-настоящему самоотверженных людей, каких когда-либо знал Кадик. Московиц, как и любой другой, знал, что Кварталы не могут рисковать, вступая в открытый конфликт, но ему было стыдно и больно, что приходится отказывать раненому в госпитализации из страха перед Рэком...

Эскаркос, утомленный и потрясенный, ушел домой, чтобы выпастись. Кадик опять заглянул к Харквею, затем вернулся к двери и стал ждать. Он связался с Сеу по маленькой телефонной сети земного типа еще до того, как вызвал Московица. Что же задержало его?

Но тут он увидел две стройные фигурки, идущие мимо витрин. Они несли что-то длинное и тонкое. Кадик рассмотрел их через стекло и впустил внутрь. Это были Роберт Ван и маленький Ли Фэр.

— Простите, что мы так долго, — сказал Ван, проскальзывая в дверь. — Когда мы пришли в больницу за носилками, там были два человека Рэка. Тогда мы спустились в морг и взяли вот это.

«Это» было семифутовым рулоном холстины и кожи с ремнями и застежками.

— Но это же для трупов, — с отвращением сказал Кадик.

— Знаю, но это лучшее, что мы смогли достать. Голову мы оставим открытой. Где он?

— В задней комнате, — махнул рукой Кадик. — Куда вы его понесете?

— У моего дяди Лина есть запасная кровать. Не волнуйтесь.

Они все по-быстрому сделали, пронесли свою ношу через заставленный товарами магазин и исчезли.

Кадик, с резко упавшим настроением, остался в торговом зале, уныло глядя на витрины, слабо блестевшие в свете уличных фонарей. Он всегда верил в символы и предзнаменования, и ему очень не нравилось, что Харквей вынесли отсюда на носилках для трупов. Последнее время ему казалось, что все в Кварталах тайно договорилось напоминать ему о смерти. Кругом была вонь гниения... Но он устал, вероятно, поэтому так и думал. Как только закончится дело с Харквеем, он выпьет стакан кальвадоса и ляжет спать.

Его пальцы сами собой нашарили в кармане куртки кисет и трубку. Он набил трубку и раскурил ее, черпая утешение в знакомых действиях.

Высокое желтое пламя спички на миг ослепило его. Когда же спичка погасла, Кадик увидел, что стеклянная дверь потемнела от стоявших за нею фигур.

Дверная ручка злобно задергалась.

Сердце Кадика быстро забилося. Мигая, чтобы глаза поскорее привыкли к темноте, он разглядел, что за дверью стоят двое мужчин, а через секунду к ним присоединился и третий.

Пытаясь мыслить спокойно, Кадик симитировал замешательство, беспомощно взмахнув сгоревшей спичкой в одной руке, а трубкой в другой. Потом он сунул трубку в рот, а спичку убрал в карман. Один из стоящих за дверью был Сильнейшим Ударом – его обезьяноподобные плечи почти заполняли дверной проем. Позади него виднелся скелетообразный силуэт второго лейтенанта Рэка, которого звали Гаечный Ключ, а имя третьего Кадик не знал. Кадик принялся возиться с замком, пытаясь оттянуть время.

Сильнейший Удар вытащил из кармана ветровки пистолет и ударил им по стеклянной двери. Стекло полетело внутрь, забрасывая Кадика осколками. В правой руке у него вспыхнула острая боль.

Сильнейший Удар пинком очистил дверной проем от осколков – они зазвенели на полу, – потянулся, повернул ключ и распахнул дверь. Все трое окружили Кадика.

– Где Харквей? – Удар приблизил к нему вплотную свое крупное лицо, изо рта воняло.

Кадик ничего не сказал, но словно непреднамеренно глянул вверх.

– Что там наверху? – спросил Сильнейший Удар.

– Ничего, – сказал Кадик. – Мое жилье.

– Да? Гаечный Ключ, проследи за ним. Понедельник, за мной.

Он пихнул Кадика в скелетообразные руки Гаечного Ключа и скрылся в сводчатом проходе, ведущем к лестнице, сопровождаемый третьим.

Гаечный Ключ толкнул Кадика к шкафу-витрине, так что стекло задребезжало, и улыбнулся, расправив бледные губы. Кадик сдержал дыхание, прислушиваясь, не раздаются ли какие звуки из задней комнаты, но все было тихо.

Глядя на него, Гаечный Ключ стал медленно отступать, пока не наткнулся на витрину высотой по пояс, стоящую посреди торгового зала. В ней лежали прекрасные драгоценные камни,

розовые опалы с Дромида в резной платиновой оправе. Гаечный Ключ, мельком глянув на них, достал из заднего кармана засаленного комбинезона гаечный ключ и разбил стекло. Убрав ключ, он сунул руку в витрину и стал выбирать самые крупные опалы. Затем, глядя на Кадика, стал по одному бросать камни в нагрудный карман комбинезона. Бледная улыбка его стала шире.

Кадик промолчал.

Через мгновение раздался стук ног, бегущих по лестнице, и в зал спустился Сильнейший Удар со своим напарником.

— Там не ничего, — прорычал он. — Все выглядит так, словно никого не было весь день. — Он подошел и собрал рубашку Кадика в кулак. — Ты шутики со мной тут шутишь?

— Это вы сами, а не я, сказали, что Харквей был здесь, — спокойно сказал Кадик.

— А это что? — внезапно спросил Сильнейший Удар, увидев разбитую витрину.

Он перевел взгляд на Гаечного Ключа, который усмехнулся и похлопал по выпуклому карману.

— Налоги, да? — проворчал Сильнейший Удар. — Ладно, Кадик...

Но тут третий, бродивший по магазину, отодвинул ширму и спросил:

— А там что?

Сильнейший Удар выругался и пошел к нему. Поколебавшись, Гаечный Ключ двинулся за ними, держа Кадика за руку.

Они столпились в дверях. Задняя комната была сначала темной, затем вспыхнул белый свет, когда кто-то нашарил выключатель. Не считая коробок с товарами, помещение было пусто, но безошибочно можно было понять, что пусто оно стало недавно.

— Слишком умный, да? — спросил Сильнейший Удар, впившись в Кадика взглядом.

Гаечный Ключ потер темное пятнышко на полу, которое тут же размазалось.

— Гляди-ка, Удар. Кровь.

Сильнейший Удар снова выругался и пошел к задней двери, сопровождаемой остальными.

Залитый синими сумерками внутренний двор был пуст. Темные окна, пустые выдвижные железные лестницы, пустые крыши. Ветерок насмешливо подхватил с земли обрывок бумаги и тут же бросил его.

Сильнейший Удар повернулся к Кадику.

— Куда ты дел его?

Кадик не ответил.

— Удар? — печально спросил Гаечный Ключ, показывая ключ в своей руке.

— Нет, — медленно ответил тот. — Ладно, Кадик, ты считаешь себя умником. Ты получишь известие от командора.

Он повернулся и с достоинством прошел мимо Кадика. Остальные последовали за ним.

Когда они ушли, Кадик опять запер двери, чувствуя облегчение, но без малейшего оптимизма. Потом хмуро поглядел на разбитую и ограбленную витрину. Он прекрасно понимал, что это только начало. Это цена за то, что связался с дураками. Дураком был Харквей, а Кадик всегда питал слабость помогать дуракам.

С горькой уверенностью он знал, что ошибкой было бы хотя бы пошевелить пальцем ради Харквея. Но обстоятельства не дали ему выбора: бывают времена, когда человек должен стать дураком или перестать называть себя человеком.

В задней комнате квартиры Ван Лина на Кванг-Чофу Харквей оставался в коматозном состоянии. О нем заботилась Кэти Берджесс, периодически его посещал доктор Москович, вынужденный добираться контрабандными путями, всякий раз меняя маршрут. Кадик, заглянувший через сутки после нападения, был поражен восхищенным, почти что загипнотизированным выражением лица Кэти, сидящей у кровати. Она сидела, не отрывая глаз от Харквея, положив руки на колени, не шевелилась и почти что не дышала. *Она была, подумал Кадик, не как медсестра у кровати пациента, а, скорее, как паломник у святыни.* Эта мысль глубоко обеспокоила его.

Наутро второго дня Кадика разбудил грохот из магазина, находящегося сразу под его камеркой. Бросившись вниз по лестнице, он обнаружил, что помещения наполнены густым черным дымом, таким плотным, что горящие лампы казались серыми призраками. Он не видел огня и не ощущал ни малейшего жара. Почти задохнувшись, он пробрался к уличной двери и снова выбил ее, наполнив крылечко осколками стекла. Он оставил дверь распахнутой, чтобы проветрить помещение, и через двадцать минут дым в магазине уже настолько рассеялся, что подтвердилось то, что Кадик знал и так: на полу лежал черный цилиндр дымовой шашки.

Стены, пол, потолок, витрины, драпировки — все было покрыто ровным слоем угольной пыли. Теперь все нужно тщательно чистить, и торговля будет потеряна, по меньшей мере, дня на два.

Драгоценные камни, выставленные на открытых местах, придется отдельно чистить и полировать, подушки из фиолетового

бархата, настенные ковры и одежду, запас которой имелся в магазине, нужно обрабатывать или выбросить.

Рэк покинул Кварталы на следующий день, пробыв здесь вдвое дольше обычного. Кадик в полночь увидел, как с космодрома к северу от города взлетел его корабль, и наблюдал за бледным копьем пламени, пронзившим ночной туман. Берджесс, подойдя в этот момент к стоявшему в дверях Кадику, искоса взглянул на небо глазами, с непонятным выражением, и сказал:

— Корабль взлетает. Это случайно не судно Рэка?

— Да. — ответил Кадик.

— Ну и прекрасно. Я уверен, это большое облегчение для нас для всех. — Он подошел поближе и взглянул на Кадика в упор. — Теперь больше не нужно будет волноваться о том молодом человеке.

Мне очень жаль, что я не могу быть таким черствым, как... — неверно его поняв, огрызнулся было Кадик, но тут же осекся.

На лице Берджесса появилось неподдельное изумление.

— Так вы не знаете? — спросил Кадик. — Кэти вам не сказала?

— Не сказала мне что? — потребовал Берджесс. — Я не видел Кэти со вчерашнего дня. Да в чем дело-то?

— Харквей умер, — устало сказал Кадик. — Умер этим утром.

III

ОДИН ВОПРОС Харквея продолжал мучить Кадика последние недели. «Вы хотели бы жить во Вселенной, задитой кровью?»

Рэк, конечно, хотел бы. Для других это была трагическая дилемма. Для них раса дошла до конца дороги, ведущей начало с доисторических времен. Каждый шаг на том пути достигался кровопролитием, а целью всегда был мир во всем мире. Этот парадокс был еще терпим, когда дорога казалась бесконечной, до того, как Земля увидела первый звездолет, и Человечество поняло, что оно не одно во Вселенной.

Человеческая цивилизация походила на некую хрупкую, прозрачную структуру, которая держалась до первого прикосновения ветерка, или на кисту, засыхающую после вскрытия нарыва. Ветры вселенной разбросали теперь Человечество, и у людей не осталось никакого способа сбежать от противоречий внутреннего характера.

Путь вперед оказался путем назад, а путь назад стал дорогой вперед.

Не было никакого мира во всем мире, кроме мира сдачи и гибели. Не было никакой победы, кроме победы хаоса.

Как заметил отец Эксаркос, было много теорий о Крахе. Говорили, что экономика Земли была разрушена межзвездным импортом, что коррозия и разруха, стершие с лица Земли целые области, имели чуждое происхождение, что Космический флот был распущен после того, как Инцидент на Альтаире сломил дух Земли. Говорили, что потоки эмиграции до и после Голода, отобравшие у цивилизации слишком много обученных трудовых ресурсов, которые являлись жизненной основой Земли.

Но факт оставался фактом: Род Человеческий закончил свое существование, вымер, как неандертальцы, когда появились кроманьонцы, вымер, как волосатые айны и австралийские бушмены. Верно, что сотни миллионов человек на Земле остались жить, как жили их предки: возделывали поля, очищая их от камней, занимались кустарным промыслом, продажа изделий которого поддерживала существование в изгнании обитателей Кварталов.

Человечество уже проходило через такое средневековье.

Но теперь некуда было идти, кроме как вниз.

Если изгнанники Земли в своих гетто на сотне планет Галактики были отрубленной главой человеческой цивилизации, то все их теории, планы, политика, вихрем крутившиеся среди них, были лишь последними обрывками фантазий в мозгу обезглавленного человека.

А на Земле все эти прелаты, бароны-грабители, мелкие принцы были лишь ганглиями, выполнявшими свои механические функции в подражание разуму, и деятельность их тормозилась, ухудшалась вплоть до последней искры, которая должна неминуемо погаснуть.

Кадик перелистывал страницы рукописи, лежащей перед ним на столе. Это была последняя вещь, которую он писал и которая не будет закончена. Он перечитал ее этим утром из ностальгии или, возможно, от того самого неясного побуждения, которое заставляло его каждую ночь глядеть на звезды.

Было двадцать страниц, первая глава книги, которая должна была стать его главной работой. Заканчивалась она словами: *«Единственный путь для спасения Человечества — это...»*

На этом он прекратил работу, так как понял, что сознательно обманывает себя, что нет никакого такого пути. У схемы, которую он хотел предложить и развить в остальной части книги, была одна общая черта со всеми теориями, которые он разнес в пух и прах на первых двадцати страницах. Она не сработала бы.

Кадик подумал о тех призрачных, так и ненаписанных главах, и был благодарен, что они остались ненаписанными. Он хотел предложить изгнанникам собраться на какой-нибудь необитаемой планете и создать новое человечество, которому передали бы все знания старого, за исключением двух вещей: военной науки и астрономии. Им не сказали бы, даже не намекнули бы, что яркие точки на небе — это солнца, а у каждого солнца есть планета, на которых живут люди. Они росли бы, свободные от нынешнего ошеломляющего давления, они могли начать все с нуля.

Но это был самообман умирающего. Нельзя удержать человеческие мысли в цепях. Каждая культура пробовала сделать это, и каждая культура терпела неудачу. Через десять-двадцать поколений они снова достигли бы звезд. Было бы только жестоко породить их лишь ради этого.

Кадик выдвинул ящик стола и сунул в него рукопись. При этом упала на пол свернутая записка. Кадик поднял ее и снова перечитал:

«Вас действительно приглашают прийти на собрание, которое состоится сегодня на Вашингтон-Авеню ровно в десять часов. На нем будут обсуждаться вопросы государственной важности».

Записка не была подписана, но подпись и не требовалась. Все и так знали, что Рэк снова появился в Кварталах после почти месячного отсутствия.

Кадик взглянул на наручные часы, сделанные на Олэйди паукообразными, многоногими существами, для которых обычные часы были слишком грубым механизмом. На циферблате этих часов были стандартные галактические цифры, соответствующие десяти часам.

Кадик устало поднялся и прошел мимо резной ширмы.

— Вернусь примерно через час, — сказал он Нику.

В доме номер восемь по Вашингтон-Авеню находилась «Малая Медведица», в половине квартала от того места, где он впервые встретился с Харквеем, и в полутора кварталах от места, где на Харквея напали. Еще две ассоциации, подумал Кадик. За двадцать лет их стало столько, что он шагу не мог шагнуть по Кварталам, взглянуть на стену или окно, чтобы не наткнуться на какие-нибудь воспоминания. И это, подумал он, еще один признак гетто: здесь тесно не только в пространстве, но и во времени.

Кадик шагнул в открытую дверь «Малой Медведицы», увидел пустые столы и чистый пол. Бармен Пилюрович ткнул большим пальцем на лестницу.

— Опаздываете, — сказал он по-русски. — Лучше поспешите.

Кадик поднялся по лестнице в большой обеденный зал второго этажа, где проводили регулярные пирушки русские и поляки. Зал был заполнен безмолвной толпой народа. В дальнем его конце, на стуле, поставленном на стол, сидел Рэк. Он прервался на середине фразы, холодно глянул на Кадика, затем продолжал:

— ...или против меня. С этого времени больше не будет нейтралов. Я хочу, чтобы вы ясно поняли это. От этого будут зависеть ваши жизни. — Он помолчал и оглядел зал. — Вы все знаете, что месяц назад был казнен Джеймс Харквей. Его преступлением были действия против рода человеческого. Некоторые из вас, собравшихся здесь, тоже виновны или станут виновными в том же самом преступлении. Им мне нечего сказать. Я говорю это для других, тех, кто считает себя нейтральными. Во-первых, Новая Земля нуждается в вас и вашей преданности. Во-вторых, те из вас, кто останется на вражеской планете, несмотря на многократные предупреждения, пусть не жалеет, если эта планета войдет в число тех, на которые мы нападём. У вас есть два месяца, чтобы все обдумать и закончить ваши дела. В конце этого срока сюда прибудет корабль Новой Земли, чтобы забрать тех, кто решит улететь. Это будет последний корабль Новой Земли, и я предупреждаю вас, что после этой даты пусть никто не рассчитывает, что его повезут чужаки. — Он встал. — Я все сказал.

Собрание было закончено. Рэк ждал, стоя на столе, сунув за пояс большие пальцы рук, накинув на плечи куртку, как статуя плащ, пока толпа медленно вытекала из зала. Это было смешно, но вот смеяться почему-то никому не хотелось.

Два месяца. Почти двадцать лет Рэк причинял небольшие волнения в Кварталах, не более важные, опасные или безумные, чем еще десяток других смутьянов. Он привозил Фергюсону краденые товары — меха с Друкс Юты или драгоценности с Тхона, — и Фергюсон платил ему галактической валютой, а позже перепродавал эти товары, частично здесь, на Пэлу, частично в других мирах, в двадцать раз дороже, чем платил.

Иногда за Рэкком следовали молодые парни из Кварталов: к нему присоединялось по два-три человека в год. Иногда по Кварталам ходили слухи о его стычках с Галактической Охраной. Ни для кого не было тайной, что он строит на какой-то заброшенной планете военные корабли. Но теперь Кадик впервые понял, что Рэк действительно собирается начать войну со всей Вселенной.

Независимо от результатов, это означает конец Кварталам.

На лестнице было столпотворение. Кадик пробился вниз, и прошел в бар, наполненный маленькими группками людей, переговаривающихся полусшепотом. Почти никто не пил.

Кто-то окликнул его по имени, затем схватил за рукав. Это был Сперос Мулайос, маленький невзрачный продавец табака, два сына которого были настоящими пьяницами.

– Мистер Кадик, скажите, пожалуйста, что вы об этом думаете? Мы должны уехать, как он велит?

К ним начали поворачиваться головы, и через мгновение Кадик оказался окружен людьми. Он почувствовал себя беспомощным.

– Ничего не могу посоветовать вам, мистер Мулайос. Откровенно говоря, я и сам еще не знаю, что буду делать.

– Я проработал тут пятнадцать лет, – сказал аптекарь Нобилио Вильянеув, – и все копил деньги. Что мне с ними делать, если я полечу на эту Новую Землю? И что будет с моей дочерью?

Кто-то пробрался к Кадик через толпу. Это был Москковиц.

– Ласло! – окликнул он, – некоторые хотят создать делегацию, вернуться и задать Рэку ряд вопросов. Они попросили, чтобы я тоже пошел, но мне нужно возвращаться в больницу. То же и с Сеу – у него уже шесть неотложных дел. Отца Эксаркоса здесь нет. Может быть, вы возглавите ее?.. Вот и прекрасно. До встречи.

Кадик вздохнул. Собравшиеся вокруг с надеждой глядели на него. Он подошел к стойке бара, взял пустой стакан и стал стучать им по прилавку, пока все не замолчали.

– Поступило предложение образовать делегацию, чтобы получить у командора Рэка дополнительную информацию. Вы все согласны?

Раздались утвердительные голоса.

– Ладно, – сказал Кадик. – Кого выберем?

Выбрали пятерых: Кадика, как главу делегации, Мулайоса, Чон Юиня, живописца Прокопа Векшина и секретаря городской корпорации Мартина Паса. Кадик раздал всем листочки бумаги и собрал сотню вопросов, большинство дублировавших друг друга, но несколько оригинальных. Пас взял чистый листок и сделал из них аккуратный список, затем делегация стала подниматься по лестнице.

Уже идя по ступенькам, Кадик увидел внизу Берджесса, который стоял, беспомощно озираясь. Он спустился и положил руку ему на плечо.

– Привет, Луис. Я рад видеть вас. Как там Кэти?

Берджесс слегка выпрямился.

– А... Ласло. С ней все в порядке, спасибо вам. Чувствует себя, конечно, слегка неважно, но... – голос его затих.

– Конечно, если я чем-то могу вам помочь...

– Нет-нет, спасибо, мне ничего не надо. Я думаю, время ее излечит. Куда вы идете?

Кадик все объяснил в двух словах.

– А разве вы не были на собрании? – спросил он.

– Нет, меня не пригласили. Я только что услышал о нем... десять минут назад. Может, будет лучше, если я пойду с вами наверх? По крайней мере... Но если я буду лишь помехой... – Он опять замолчал.

Кадик почувствовал себя неловко. Внезапно он вспомнил, что он уже давно видел Берджесса в последний раз, и тогда тот был нормальным.

– Я думаю, все будет в порядке, – сказал он. – Идемте, почему бы и нет?

Рэк сидел за длинным столом в конце зала и разговаривал с Флинном. Подручный Флинна Вик Смайли стоял, прислонившись к стене. Сильнейший Удар и Гаечный Ключ сидели по левую руку Рэка. Подальше, в стороне от остальных, был Де Грас, бледный, с покрасневшими глазами. Он уставил взгляд в стол перед собой, ни на что не обращая внимания.

Рэк поднял совершенно холодный, мертвый взгляд, когда пятеро подошли к столу.

– Да? – спросил он.

– Нас выбрали, чтобы задать вам несколько вопросов относительно вашего предыдущего заявления, – сказал Кадик.

– Спрашивайте, – сказал Рэк, откидываясь на спинку стула.

Перед ним стоял стакан темного, дымчатого ликера, принесенного Флинном из личных запасов. Курил Рэк очень длинную, черную русскую сигарету.

Кадик взял у Паса список и прочитал первый вопрос:

– Каково положение Новой Земли с жильем, вещами и всем прочим?

– Жилья и вещей достаточно для существующего населения, – безразлично ответил Рэк. – При необходимости будет построено еще больше.

Пас сделал пометку в блокноте.

– Ожидается ли, что каждый новый колонист, – прочитал дальше Кадик, – станет непременно служить в вооруженных силах Новой Земли?

– Каждый человек будет работать там, где необходимо, – сказал Рэк. – Здравый смысл должен подсказать вам, что никто не станет укомплектовывать боевые корабли пузатыми мужиками без всякой военной подготовки.

– Каких размеров флот Новой Земли?

– Следующий вопрос.

– Новым колонистам разрешат сохранить их личные вещи?

Рэк холодно поглядел на Кадика.

– Человек, задавший этот вопрос, – сказал он, – должен остаться в Кварталах. Если под личным имуществом он имел в виду галактическую валюту, то можно затыкать ею крысиные норы. Любое же движимое имущество, необходимое обществу и сверх минимальных потребностей владельца, будет изъято и распределено для пользы общества.

– Должны ли новые колонисты соблюдать военную дис...

– Глядите! – внезапно прервал его Де Грас и вскочил, опрокинув стул.

Кто-то наткнулся на Паса, который упал в ноги Кадика, заставив и его потерять равновесие. Кто-то закричал. Лежа на полу, Кадик увидел, что Берджесс спокойно стоит с маленьким никелированным револьвером в руке.

– Пожалуйста, не шевелитесь, мистер Флинн, – сказал Берджесс. – Я вам не доверяю. И все тоже, пожалуйста, стойте.

Кадик подтянул под себя ноги и медленно встал. Люди по другую сторону стола по-прежнему сидели или стояли, как их застали врасплох. Де Грас застыл, сунув руку в карман брюк. Он напоминал забавную пародию на человека, ищущего в кармане ключи от дома.

Наверное, его лишили оружия, подумал Кадик, вспоминая события месячной давности.

Сильнейший Удар и Гаечный Ключ напряженно сидели, пытаясь одновременно не упустить из виду и Рэка, и Берджесса. Рэк, как всегда, был нечеловечески спокоен. У Флинна был испуганный вид. Бандит Вик Смайли отлепился от стены и внимательно наблюдал за происходящим.

– Командор Рэк, – сказал Берджесс, – вы убили Харквея.

Рэк ничего не ответил.

– Его убил я, – хрипло сказал Де Грас. – Если вы хотите кого-нибудь застрелить, то стреляйте в меня.

Берджесс чуть повернулся к нему. Рэк не спеша поднял стакан и выплеснул черный ликер прямо в лицо Берджессу.

Грянул выстрел. Берджесс сделал шаг назад, затем упал, с ножом, вошедшим по самую рукоятку между плечом и шеей. Де Грас перескочил через стол, наклонился над лежащим телом Берджесса и схватил револьвер. Прошло не более двух секунд с тех пор, как Рэк взял стакан.

Делегаты расступались, оставляя пустое пространство вокруг Де Граса и Берджесса. Кадик услышал, как кто-то уже бежит вниз по лестнице.

Время снова застыло. Кадик видел, как Де Грас стоит на коленях возле Берджесса, глядя через стол на Рэка.

Рэк стоял, наклонившись над столом, опершись на него одной рукой, а другую положив на пояс. Его поза, вместе с застывшим выражением лица, могла говорить о том, что он просто поднялся, чтобы поглядеть на тело Берджесса. Но в следующий момент он чуть повернулся, отнял от талии руку и посмотрел на темное пятно, расплывшееся у него по рубашке.

Де Грас поднялся на ноги. Кадик подошел к Берджессу, встал возле него на колени. Берджесс был в сознании и слегка шевелился.

– Лежите, не двигайтесь, – сказал Кадик.

Кто-то взял его за плечо. Кадик повернул голову и увидел, что это Де Грас, переложивший револьвер из левой руки в правую. Губы его были крепко сжаты.

– Убирайтесь с дороги, – резко сказал он.

– Нет, – раздался голос Рэка. – Оставь его в покое.

Он медленно сел. Секунду поколебавшись, Де Грас обогнул стол и подошел к нему.

Кадик расстегнул на Берджессе куртку. Кровотечения почти не было, и он подумал, что рана не опасна.

– Я убил его, Ласло? – слабым голосом спросил Берджесс.

– Нет, – сказал Кадик. – Никто не убит.

Берджесс отвернулся.

На лестнице послышались шаги, и в зал вошел Московиц, сопровождаемый Ли Фэром и двумя мужчинами с носилками. Московиц глянул на Берджесса, затем на Рэка и, ни слова не говоря, встал на колени. Опытной рукой он вытащил нож, тут же зажав рану комком бинтов.

– Я заберу нож, – сказал Гаечный Ключ, нагибаясь с протянутой рукой.

Московиц бросил нож на пол и стал перевязывать Берджесса. Гаечный Ключ поднял нож, смерил доктора взглядом и, обойдя стол, вернулся на свое место.

Кадик дождался, пока Московиц закончит с Берджессом и начнет осматривать рану в боку Рэка. Когда санитары-носильщики стали спускаться по лестнице, Кадик вышел вслед за ними на улицу, в хиленький, голубовато-белый свет утреннего солнца.

Казалось, этому не будет конца. Кварталы напоминали маленькую солнечную систему со многими телами, вращающи-

мися друг за другом по эксцентричным орбитам и крутящиеся вокруг собственных осей. И было бесспорно, что одно столкновение непременно породит десяток других.

А в умах людей каждое событие длилось вечно. Кадик помнил, как лежащий на носилках Берджесс, пока его несли домой, тихонько плакал, потому что не сумел уничтожить человека, убившего возлюбленного его дочери. И помнил Рэка, сидящего тихо и устало, ожидая, пока Московиц проявит внимание к нему. Не испытывающего никакой злости к человеку, только что стрелявшему в него, а сидящему терпеливо, преисполненному собственной внутренней силой.

И Де Грас, измученная душа, который еще раз показал себя готовым пожертвовать собой ради лояльности.

Даже Сильнейший Удар, даже Гаечный Ключ жили не для себя, а ради Рэка.

Здесь были все традиционные достоинства, окропленные традиционной же кровью: благородство, самопожертвование, терпение и даже великодушие. И по результатам любых тестов выходило, что Рэк великий человек, а Берджесс – нет.

И результаты этих тестов оказались обоюдоострой бритвой, потому что по ним сам Кадик был совершенным неудачником, ничтожеством.

Мы поглощены пустотой, мы просто чучела, набитые всяким хламом, подумал он.

Каждое действие вели к беде, и те, кто совершал его, были одинаково прокляты наряду с теми, кто ничего не делал.

IV

КТО-ТО ТРОНУЛ Кадика за руку, когда он отошел от Чона Юина. Кадик обернулся и увидел, что это Флинн.

– Мне нужно кое-что сказать вам, Кадик. Я видел, что вы заняты разговором с отцом Эксаркосом, так что не стал вас беспокоить. Кроме того, это личный разговор. Пойдемте ко мне.

Он оказывает мне честь, понял Кадик, позвав лично, а не по-слав своего подчиненного. И теперь, пока Флинн ждал ответа, Кадик увидел нечто любопытное в его глазах, нечто похожее на просьбу.

– Хорошо, если так нужно, – ответил он. – Но через час мне нужно вернуться в магазин – Ник еще не завтракал.

– Я не задержу вас надолго, – сказал Флинн.

Они повернулись и прошли по Вашингтон-Авеню мимо рагуши и «Малой Медведицы». Помимо перечисленных заведе-

ний, все остальное принадлежало Флинну: танцзал, казино, публичный дом, два кафе, три бара и два огромных склада в конце авеню. Но когда Флинн сказал «ко мне», он имел в виду казино.

Поспешно подскочил бармен и раскрыл перед ними тяжелую дверь. Флинн прошел мимо, даже не взглянув на него, и Кадик последовал за ним через пустое, длинное помещение. Пыльные чехлы накрывали рулетку и столики для игры в очко, фараон, железку, кости и покер. В баре никого не было, бутылки и стаканы аккуратно стояли по местам.

Флинн поднялся по короткому лестничному пролету на балкон в конце помещения. Открыл дверь ключом – редкость в Кварталах, так как замки производились лишь на Земле и должны быть завезены оттуда, хотя устройства, которые *ниори* использовали в качестве математических головоломок, легко можно было приспособлять в качестве замков.

В комнате с низким потолком стояло рабочее кресло из светлой древесины, с вращающимся сидением, длинная, бледно-зеленая кушетка и два стула, обитые материей из той же ткани – все импортировано с Земли, очевидно, взято со складов перед самым Крахом. Ковер был темно-зеленый. На стенах висели три картины в рамках: Пикассо голубого периода, мягкий, устрично-белый с серым Утрильо и маленький клоун Ройяльта.

Флинн взглянул на Кадика.

– Точно так же был обставлен мой кабинет в Чикаго, – сказал он. – Вы, кажется, не бывали здесь прежде?

– Нет, – сказал Кадик, – до сих пор я не бывал в казино.

– Садитесь, – Флинн указал на один из обитых материей стульев. Сам же пододвинул вращающееся кресло с и удовольствием откинулся на спинку. Затем кивнул на стеклянное окно, занимавшее всю переднюю стену комнаты.

– Сидя здесь, я могу видеть все, что происходит внизу. К тому же у меня тут телефон, – он положил руку на аппарат, – по которому можно связаться с кабинами кассиров в каждой комнате. Я могу всем управлять отсюда, но меня не должны беспокоить всякими глупостями. Кроме того, это стекло пуленепробиваемо. Оно сделано *ниори* и в десятки раз лучше тех, что были у нас на родине. Мне гарантировали, что его не пробить даже базуккой.

Кадик молчал.

– Но я хотел поговорить с вами не об этом... – Флинн подался вперед, упершись локтями в подлокотники. – Понимаете, Кадик, это конфиденциально. Строго между нами.

– Не хочу обещать то, что будет трудно исполнить, – сказал Кадик.

– Что вы имеете в виду?

– Если это как-то затрагивает безопасность Кварталов...

– Нет-нет, ничего подобного, – Флинн нетерпеливо махнул рукой. – Просто я не хочу, чтобы слухи разнеслись слишком рано. Впрочем, оставляю это на ваше усмотрение. Перехожу к делу. Рэк вернется недели через три со своим крейсером, чтобы забрать тех, кто пожелает полететь на Новую Землю. Я не лечу, и никто из моих людей тоже. С другой стороны, я не собираюсь оставаться и здесь. Это может быть вредно для здоровья. Не знаю точно, что есть у Рэка, но мне кажется, у него хватит оружия, чтобы учинить здесь настоящий ад. Возможно, он не станет бомбить эту планету, так как хочет еще как-то использовать Кварталы – но это всего лишь предположение. Даже если он и не сделает этого, его действия в других местах могут создать проблемы. *Ниори* знают, что он время от времени прилетает сюда, хотя и не могут доказать это, но когда начнется война, они рассердятся.

– Скажите мне вот что, – прервал его Кадик. – Если вы давно все это знаете – а вы должны это знать, так как тесно связаны с Рэком, – то почему вы помогали Рэку и таким образом вынуждали себя покинуть Пэлу?

Флинн улыбнулся и пожал плечами.

– Я вовсе не жалуюсь, – сказал он. – Рэк меня не обманывал. Я получал свое, а он – свое, это была просто деловая договоренность. Теперь, когда вы знаете это, я могу продолжать. Вы же должны понимать, что ничего не длится вечно. Если бы я не имел дел с Рэком, он занимался бы тем же бизнесом где-то в другом месте. Возможно, я остался бы тогда здесь подольше, но, с другой стороны, я и так еще задержусь здесь. А так у меня, хотя бы, есть достоверная информация о положении дел, к тому же я заработал на Рэке. Фактически, он думает, что я со всем своим имуществом собираюсь улететь вместе с ним на том крейсере. Он знает, что я не стал бы рисковать, оставаясь здесь, когда полетят бомбы. Но он не знает, что у меня есть местечко, куда я могу уйти, и есть способ добраться туда. – Он снова откинулся на спинку кресла. – У меня спрятан в холмах построенный *ниори* грузовой корабль. Он там ждет уже восемь лет. Он может забрать пятьсот человек, топливо и припасы, не считая груза. И мне подобрали планету, где никто не беспокоит меня – ни Рэк, ни умирающая Галактика.

Он взял коробку с сигарами и протянул ее Кадиду. Кадик покачал головой и достал свою трубку. Флинн взял сигару, размял ее пальцами, сунул в рот и зажег.

— Знаете, — сказал он, снова подавшись вперед, — в Галактике много ненаселенных планет. Некоторые даже не были исследованы. Они в стороне от регулярных маршрутов кораблей всех разумных рас, на них нет ничего особенно ценного, так что они никому не нужны. Рэк нашел одну такую планету... а я — другую. — Он взмахнул сигарой. — Но я не использую свою планету для создания военной базы. Зачем? — Его вытянутое лицо передернулось от отвращения. — Рэк просто сумасшедший. Вы знаете это, и я это знаю. Если бы не он, я, возможно, остался бы здесь, кто знает, насколько? А, может, переехал бы в другую колонию, если бы увидел, что это выгодно. Но здесь мне нравится. Здесь есть цивилизация — все, что осталось от нее. Но... — Он снова откинулся на спинку. — Но всегда нужно брать то, что можно получить. Если обстоятельства против вас, следует забрать все, что можно, и вовремя уйти. Это я и собираюсь сделать. Я уйду. На планете, о которой я вам рассказал, есть большой остров. Тропический остров — съедобные фрукты, небольшие животные вроде диких свиней. Океан полон рыбы. Сила тяжести немножко меньше земной, прекрасная атмосфера. Я возьму с собой все, в чем мы будем нуждаться. Генераторы, всякие электроприборы, печи и все такое прочее. Этого хватит на всю вашу жизнь. И мою. — Он в упор посмотрел на Кадика. — Что вы хотели бы больше всего?

— И вы предлагаете мне полететь с вами? — медленно проговорил Кадик.

— Конечно, — кивнул Флинн. — Вам будет там хорошо, Кадик. Мои парни будут продолжать работать на меня, понимаете ли, и большинство остальных, кого я возьму с собой. Я хочу быть там боссом. Но вы и еще несколько человек — вам не придется ничего делать. Валяйтесь на песочке, ловите рыбу, делайте все, что захотите. Как вам это?

— Кажется, я не вполне понимаю, — сказал Кадик. — Почему вы выбрали меня?

Флинн положил сигару, помялся и раздраженно сказал:

— Потому что мне нужно с кем-то общаться. — Он пристально поглядел на Кадика. — Взгляните на меня. Мне пятьдесят лет, и я боролся со всем миром с раннего детства. Вы думаете, я могу просто отбросить все это и валяться в тенечке под пальмой? Да я через месяц сойду с ума! Я не занимаюсь самообманом, я знаю, кто я такой. Мне нужно научиться расслабляться и наслаждаться жизнью. Я этому никогда не учился, у меня не было на это времени. И когда я прилечу на тот остров, построю там все, что хочу, все организую, то мне не останется ничего иного, кроме как ле-

жать и думать о всех местах, где я бывал прежде, а также размышлять о себе самом. И задавать себе вопрос: «Зачем же все это?» Я знаю, что у меня нет на него ответа. Но все равно мне захочется начать все с начала, вести бизнес, нарушать законы, общаться с людьми. Вот я и хочу создать вокруг себя кружок собеседников. Они могут говорить о чем угодно, о жизни на острове, о том, что происходило с ними в Кварталах или о Земле. Обязательно нужно с кем-то общаться, иначе можно сойти с ума. — Он махнул рукой на стену, где висела картина Ройяльта. — Взгляните туда, — сказал он. — Я купил эту картину в 1961 году. Я смотрю на нее... дайте-ка вспомнить... двадцать три года. Первые лет пять я не мог понять, дурачат меня или нет. Но постепенно я полюбил ее, хотя все еще не знаю, какого черта она мне нравится. То же самое и со всем остальным. Я купил картину Коро, на которой просто чокнулся... Я смотрю на нее каждую ночь, прежде чем пойти спать. Это просто пейзаж, вроде тех, что прежде были в календарях, за исключением того, что картинки в календарях — барахло, а это искусство. Я чувствую это, глядя на нее. Но какая между ними разница? Понятия не имею. Теперь вы понимаете, что я хочу сказать? Это то, о чем я должен узнать. Искусство. Литература. Музыка. Философия. Мне все это нравится, но прежде у меня никогда не хватало на это времени и терпения. Теперь же придет их черед. С моим прежним образом жизни покончено. И я должен научиться жить по-другому. — Нахмурившись, он устоялся на свою сигару. — Это будет нелегко. Возможно, временами вы станете жалеть, что приняли мое предложение, Кадик. Но это пройдет. Я дам вам все, что вы пожелаете.

И он действительно дал, подумал Кадик. На секунду он задался вопросом: почему же я не могу принять все это? Он ясно представил себе райский остров Флинна: пальмы, отдельные домики с электрическим освещением, индукционными плитами, с горячей и холодной водой — песок, свет, долгие, ленивые дни, которые можно проводить в беседах на пляже. И никаких забот, никаких тревог, если все пойдет так, как задумал Флинн, только длинные, медленные сумерки, где нечего бояться, но не на что и надеяться: забвение, летаргия, потом и Лета, приятное изгнание, золоченая клетка.

— И вам не придется волноваться о парнях, которые работают на меня, — продолжал Флинн. — Когда все будет построено и налажено, они могут делать все, что захотят, если не будут создавать проблем. Там будет много женщин, так что они смогут создавать семьи и заводить детей. Но не будет никакого алкоголя, и я собираюсь держать оружие взаперти. А корабль... Я поломаю

его двигатель. как только мы приземлимся. Чтобы мы остались там навсегда.

Если бы не сам Флинн, подумал Кадик, то я уверен, что мог бы сделать это. Но Флинн собирается круглогодично стать достойным жалости. Это его личное наказание, его меньшее зло, которое выбрал он сам. Но вряд ли оно понравится ему. Даже если ничего не случится, будет не очень-то приятно смотреть, как Флинн страдает, день за днем, год за годом...

— Кажется, я все понял, — сказал он вслух. — Поверьте мне, мистер Флинн, я очень благодарен вам за это предложение, и мне очень хотелось бы принять его. Но... Наверное, я рискну остаться в Кварталах.

Флинн поглядел на него, затем пожал плечами.

— Не принимайте поспешных решений, — сказал он. — Как следует все обдумайте. Я не улечу еще несколько недель. И, Кадик, сделайте мне одолжение. Не рассказывайте об этом никому.

— Обещаю, — кивнул Кадик.

Флинн не поднялся с кресла, чтобы проводить его до двери.

Сеу ждал у дверей магазина Кадика.

— Ласло, давайте пройдем внутрь, — сказал он, — где мы сможем поговорить конфиденциально. — Пройдя за ширму в заднюю комнату и понизив голос, чтобы его не мог услышать Ник Паппаджордж, он продолжал: — Один из моих помощников увидел, как вы входили в казино Флинна. Он предлагал вам место на своем корабле?

— Да, — сказал Кадик, поднимая бровь. — А что за источник информации у вас на этот раз? Он сделал вам то же самое предложение?

— Нет, — Сеу торжественно прикрыл глаза. — Не думаю, что включен в его список. Вы же знаете, что я не нравлюсь Флинну. Но он предлагал это Луису и Кэти Берджессам... И Луис согласился.

— Вы в этом уверены? Откуда вы знаете?

— Один из парней Флинна — я уж не знаю, на исповеди или просто так, я не спрашивал, — рассказал об этом Астереосу, и Астереос немедленно послал за мной. Я вернулся от него лишь полчаса назад и тут же услышал о вас, поэтому и приехал сюда.

Они посмотрели друг на друга.

— Он не может лететь, — сказал, наконец, Кадик. — Берджесс не отвечает сейчас за свои поступки. Мы должны остановить его.

— Да, это было бы очень плохо. Не просто нехорошо, а *очень* плохо.

— Астереос пытался его переубедить?

– Да, конечно. Но вы же знаете Астереося, он слишком хороший слушатель, но плохой оратор.

Кадик кивнул и встал.

– Ник, вы сможете еще немного потерпеть без обеда? – крикнул он.

Ник обернулся на ширму.

– Конечно, мистер Кадик. А вы надолго?

– Надеюсь, не больше, чем на полчаса. Если задержусь дольше, то пошлю кого-нибудь подменить вас.

На фронтоне магазина Берджесса было написано по-английски, китайски и на языке *ниори* объявление о полной распродаже – все товары за полцены.

– Возможно, он уже разрезвонил всем в Квартале, – прокомментировал Сеу.

Прилавки в длинном, низком торговом зале были загромождены рулонами тканей ручной работы: шерстяной из Шотландии и Англии, шелков с Востока, хлопчатой с Севера и Южной Америки. Проходы между прилавками заполняли покупатели, большей частью люди. Два продавца Берджесса запаковывали покупки.

Берджесса они нашли сидящим за полуоткрытой дверью кабинета. При виде их он нервно вскочил на ноги.

– Какое удовольствие увидеть вас, Ласло и Мин. Я уже давно ни с кем не беседовал. Проходите, садитесь, сделайте одолжение.

– Можно, я закрою дверь? – спросил Сеу.

– Да-да, конечно. Могу я спросить...

– Мы насчет корабля Флинна, – сказал Кадик. – Мы слышали, что вы согласились полететь на нем. Мы хотели бы отговорить вас, Луис. Нам кажется, вы совершаете большую ошибку.

Берджесс нахмурился.

– Мне казалось, это предполагалось держать в тайне, – сказал он. – По крайней мере. Если вы сами, конечно, не летите. Но в противном случае, почему не должен лететь я? Я не понимаю...

– Флинн сделал такое же предложение Ласло, – спокойно сказал Сеу, – и он отказался. Остальное было не трудно понять по вашему объявлению на магазине. Мы были уверены, что вы не собирались улететь на корабле Рэка. Поэтому...

– А-а... – протянул Берджесс. – Да, наверное, это было очевидно. Но почему я не должен лететь? – он взглянул на них вызывающе и одновременно виновато. – Думаю, я не хуже остальных?

Кадик почувствовал слабую тошноту. Жалость живет в работе, отвлеченно подумал он. Мы всегда слишком обходительны, чтобы напрямик говорить о чувствах... Вместо этого мы просто говорим «глубочайшие чувства». Но жалость проявляется холодными, тяжелыми спазмами в желудке, так же, как и отчаяние, и ужас, когда с ними приходится жить постоянно, и сердце уже не обращает на них внимания.

Берджесс был хорошим человеком: умным, сильным, внимательным, с чувством юмора. И даже когда он начал замыкаться в скорлупе своих предубеждений, она не становилась слишком толстой и никогда такой не станет. Как и Флинн, Берджесс построил собственный мирок. И, как и Флинн, он не был в нем счастлив.

— Разумеется, вы не хуже остальных, Луис, — мягко сказал Кадик. — Напротив, вы лучше. Вы можете представить, что проведете всю оставшуюся жизнь с Флинном и его гангстерами? А, кроме того, вы думали о том, на что будет похожа жизнь Кэти в таком окружении?

Сильные пальцы Берджесса нервно зашевелились, замерли и зашевелились снова.

— Во всяком случае, мы будем в безопасности. — нахмурился он. — В безопасности от безумца Рэка и от парней Флинна тоже. Такой шанс нельзя упустить. По крайней мере, Кэти не боится лететь со мной. Я все обсудил с ней. Все полностью. Мы пришли к согласию. Мы хотим лететь.

— А вы подумали о том, что у Флинна не будет даже врачей, если он не сумеет убедить Московича или Перейру бросить Кварталы, в чем я сильно сомневаюсь? — Кадик повернулся к мэру. — Как вы думаете, Сеу, пойдет Флинн на то, чтобы забрать кого-нибудь из них силой?

— Об этом стоит подумать, — ответил Сеу. — Нам нужно принять меры предосторожности.

Берджесс покачал головой.

— Неважная попытка напугать меня, — сказал он. — Я хорошо понимаю, что вы имеете в виду, но остаюсь при своем мнении.

— Луис, — секунду спустя сказал Кадик, — а вам известно, что Флинн собирается уничтожить корабль после приземления? Если вы полетите с ними, то там и останетесь. И больше не увидите никого из нас.

Берджесс уставился на свои руки.

— Долгое время мы были друзьями, — почти неслышно сказал он. — Я не забыл все, что вы сделали для меня, Ласло. Конечно, и вы, Мин. Почти двадцать лет... Но вы не понимаете, чего мне

будет стоять остаться здесь, с вами. Среди этих *ниори*... этих жуков. Они ведь просто жуки, только говорящие. В отличие от меня, вы оба не возражаете жить с ними. Я уж не знаю, почему. А вот я категорически против. Жить здесь, зная, что мы, люди, превосходим их во всем, но их... их так ужасно много. Миллиарды против наших жалких двух тысяч. Вы же знаете, что они могут напасть на нас в любой момент. Хотя бы сейчас, если захотят. И какие бы у нас были шансы против них? А какое у нас здесь будущее? Чего с нетерпением может ждать от будущего Кэти? Нас становится все меньше с каждым годом. Когда Кэти достигнет моего возраста, она может оказаться последним человеком на этой планете. Нет. Я все обдумал, и Кэти согласна со мной. Не могу сказать, что мне очень уж нравится Флинн, но он человек. Понимаете, он человек! Это значит много... практически, все! — Он помолчал. — Вы оба можете делать то, что считаете лучшим для себя, но мне бы хотелось, чтобы вы полетели со мной. Не знаю, может, вам трудно обратиться самим к Флинну. Но я с радостью замолвлю за вас словечко, и я уверен, он согласится. — Он прикрыл глаза. — Можете делать то, что считаете лучше для себя.

— Мне очень жаль, Луис, — вставая, сказал Кадик. — Мы еще увидимся, прежде чем вы улетите?

— Конечно, конечно, — пробормотал Берджесс. — До свидания Ласло... Мин.

— Этот остров Флинна через пару лет станет для него адом, — уныло сказал Сеу.

Они уже полчаса сидели за кофе в заднем помещении магазина Кадика.

— Я в этом уверен, — ответил Кадик. — А если полетит Кэти, то я сократил бы этот срок до шести месяцев.

— Но если все так уж плохо, то я могу похитить их и держать взаперти, пока Флинн не улетит, — предложил Сеу.

— Нет, — покачал головой Кадик. — Вы уже пробовали это однажды с Харквеем.

Сеу сощурился на него.

— На этот раз я бы все сделал, как надо.

— Не поймите меня неправильно. Я хотел сказать, что это совершенно иной случай. С одной стороны, я думаю, что даже если мы узнаем дату отлета, Флинн может задержаться и начать искать Берджессов, пока не найдет. Или он может действовать более жестко. Он может взять заложников. Вы же знаете, на что способен Флинн.

— Да.

— И даже если ничего такого не произойдет, я думаю, что впоследствии вы потеряете свою должность.

— Я допускаю такую возможность. Однако, вы излишне пессимистичны. Все можно сделать более гладко, Ласло. Например, мы могли бы послать Флинну письмо с отказом, подделав почерк Луиса...

Кадик не стал его слушать и резко перебил:

— Кэти хочет улететь. Все ведь сводится к этому, не так ли? Если бы она по какой-то причине передумала, то убедила бы отца тоже остаться.

— Да. Вы что-то задумали, Ласло?

— У меня появилась дикая идея. Давайте-ка найдем Арнольда Московица.

Московиц проводил операцию, и прошло два часа до того, как они смогли встретиться с ним. Когда, наконец, он появился в маленьком, тесном кабинете, где они ждали, Кадик сказал:

— Арнольд, у нас есть проблема. Вы можете сфальсифицировать новую, неслыханную, очень заразную болезнь так, чтобы обмануть человека с некоторыми медицинскими познаниями?

Московиц устало поднял бровь.

— Надеюсь. И кто этот человек?

— Кэти Берджесс, — сказал Кадик.

Он объяснил, чего хочет, и в конце Московиц кивнул.

— Конечно, я могу это сделать, — сказал он. — Я могу сфальсифицировать лихорадку — это детские игрушки, — достаточно ввести немного цветного воска для создания прыщей и окрасить кожу яркими пятнами. Вы хотите именно этого, чего-то зрелищного?

— Да. И крайне неприятного, — сказал Кадик. А может, вы смогли бы использовать какое-то рвотное?

— Использовать-то я могу, но это будет слишком жестоко для пациентов. Вы уже присмотрели кого-то?

— Пациентами я вас обеспечу, — сказал Сеу. — Но, Ласло, мне все же кажется, что это очень шаткий план.

— А мне он вообще не нравится, — заявил Московиц. — Как я понимаю, я должен заставить Кэти поверить, что эта фальшивая болезнь может превратиться в эпидемию, которая охватит все Кварталы?.. И вы считаете, она убедит своего отца остаться из-за этого?

— Хотел бы я так не думать, — ответил Кадик. — Но, насколько я знаю Кэти, именно так она и поступит. Она не станет твердить себе, что должна остаться здесь, потому что здесь ее страдания только усилятся. Я думаю, она изобретет другие причины, даже

не сознавая, что это лишь оправдания. Вероятно, она захочет работать в больнице, если будет там нужна. Но мне кажется, она стремится к смерти, как мотылек — к огню.

— И именно поэтому она хочет теперь улететь с Флинном?

— Да. Она сама не сознает, но я убежден, что это и есть причина.

— Может, вы правы, — медленно промолвил Московиц. — Я знал ее не слишком хорошо, но есть в ней что-то нездоровое. Она слишком нетерпелива всякий раз, когда у нас возникает очередной кризис. Думаю, это происходит из честного желания помогать людям... или из желания умереть. Кроме того, я заметил еще одну вещь. Она лучшая медсестра, которая когда-либо работала у меня. У нее к этому прирожденный талант, она знает свое дело и трудится, как пчелка. И у нее много природного очарования. Но пациентам она никогда не нравилась.

— Да, — кивнул Кадик и встал, — все сходится. Так мы договорились, Арнольд? Вы сделаете это?

— Да, сделаю. Тем не менее, скажу вам по правде, Ласло, мне все это не нравится. Так легко можно заработать адский комплекс вины.

— Я готов отказаться от этой идеи, — сказал ему Кадик, — если вы так уж против.

— Ничего, — улыбнулся Московиц. — Ничего, я соглашаюсь с вами. Я говорю это лишь ради очистки своей совести, вернее, того, что от нее осталось. Если бы я действительно думал, что знаю все ответы, то отдал бы госпиталь под мясную лавку и покончил с собой.

— Он прав насчет чувства вины, — сказал Кадик Сеу, когда они ушли. — Если была бы расплата за предположения, у нас не осталось бы защиты. Мы не знаем наверняка, что Кэти или Луис пострададут здесь меньше, чем на планете Флинна. Какое же право мы имеем играть в Бога, Мин?

— Я задавал себе этот вопрос тысячи раз, — серьезно ответил мэр, — с тех пор, как мне исполнилось двадцать. Но если я когда-либо перестану его задавать, то буду знать, что больше не имею права вмешиваться в чужие дела.

V

В «АРМАГЕДДОНЕ» воняло, как и в любом старом корабле, который много времени провел в космосе. Он был изъеден ржавчиной, один из четырех пульсовых двигателей Макмичила не совпадал с остальными по фазе. Гаечный Ключ сделал, что мог, ругаясь и надрывая жилы, но этого было недостаточно. Когда

корабль вышел из прыжка в системе Торкас, в десяти днях пути от Новой Земли, он закачался и зазвенел, как медный гонг.

Страдающий от похмелья Де Грас выругался и ухватился за край штурманского столика. Аварийные звонки доносились снизу, напряжение опять сказалось на швах, и они начали пропускать воздух. Де Грас наплевал на сигналы тревоги и шум ног бегущих мимо навигаторской, и стал разглядывать изображения, выводимые на его экраны.

Они вышли в нормальное пространство в системе Торкаса, примерно в двадцати миллиардах миль от светила типа G и градусов на десять выше эклиптики. Де Грас взял свои вычисления и загрузил их в старенький компьютер, который потрещал-потрещал, но все же выдал ленту с расчетами.

— Жду ответов со всех постов, — слышался в интеркоме холодный голос Рэка.

— Проводим ремонтно-восстановительные работы по ликвидации утечек, — быстро ответила Мэй Вонг. — Нужно еще пять минут, Ларри.

— Машинное отделение, восстанавливаю напряжение. Две минуты, — прорывал голос Гаечного Ключа.

Де Грас нажал кнопку на своем пульте.

— Астрогатор, расчеты уже на ленте.

— Огневой контроль, включаем системы. Десять минут.

— Ультрарадия, сигнал с орбитальной станции Торкаса, командор.

Рэк ничего не ответил. Ради любопытства Де Грас переключил собственную рацию на частоту Спаркса. На экране появилась приземистая, иссиня-черная тварь — амфибoid. Послышались нечеловеческие звуки, и из динамика полилась речь на Стандартном Галактическом, но с таким чудовищным акцентом, что Де Грас сумел разобрать лишь несколько слов. По-видимому, тварь просила, чтобы они идентифицировали себя. Потом голос умолк, экран на секунду вспыхнул красным, раздался звонок, и снова заговорил тот же голос.

— Кто там включил ультрарадию? — рявкнул голос Рэка.

Де Грас поспешно выключил связь. Аварийные звонки корабля смолкали один за другим. Когда умолкли все, Де Грас услышал скрип шпангоутов, когда старый корабль уравнивал напряженность. Хронометр отщелкал минуту, затем вторую.

— Машинное отделение, зеленый.

— Принято.

Стрелка хронометра двигалась дальше. Делать Де Грасу было нечего, но нужно было сидеть на месте в состоянии полной го-

товности. На сто ярдов ниже него, на самом днище, Барнс с помощником стрелка потели в импровизированном бомбовом отсеке, готовя бомбы. У Де Граса мурашки бежали по коже, когда он думал о них, невидимых и неслышных, но все же оказывающих влияние. Он знал, что по всему кораблю команда находится на своих постах, прислушиваясь и ожидая. Они сами нанесли вред кораблю, переоборудовав древний отсек для борьбы с лесными пожарами в бомбовой, с самыми мощными бомбами.

Чтобы отвлечься от этих мыслей, Де Грас проверил показания приборов и включил аналогово-визуальный экран. У Крелла, светила Торкаса, было семь больших планет, четыре из них населенные. Торкас, главная планета, был теперь ближе всего, три остальные, колонии, находились дальше. Общая численность населения семьдесят восемь миллиардов, включая колонию людей на шестой планете, Триге, численностью примерно в двадцать тысяч человек. Де Грас взглянул на неподвижную красную точку, обозначающую Триг, и тут же отвел взгляд. Возле красной точки Торкаса мигала белая, указывающая, что орбитальная станция все еще посылала к ним сигналы. Через секунду возникла вторая подмигивающая белая точка, не привязанная ни к какой планете, и одновременно датчики Де Граса отметили массу меньше планетарной, идущую прямо к ним по экстремальной траектории.

– Сообщение по ультрарации. Сигнал идет от галактического корабля в двух и трех десятых парсека от нас.

Рэк молчал.

– Ремонтно-восстановительные работы завершены. Утечки ликвидированы.

– Принято.

Де Грас взял ленту с расчетами и скормил ее своему компьютеру.

Галактический корабль летел к ним со скоростью ниже световой. Расчетное время прибытия показывало, что он слишком далеко, чтобы помешать им.

– Бомбовой отсек огневого контроля готов.

– Прекрасно, – решительно произнес Рэк, сонливость исчезла из его голоса, он стал ярким, нетерпеливым, почти что радостным. – Всему экипажу пристегнуть ремни. Начиная обратный отсчет. Пять! Четыре! Три! Два! Один! Пошел!

Корабль покачнулся и на секунду ушел из-под ног Де Граса. На аналоговом экране красные точки, обозначавшие планеты, внезапно поплыли в глубь от наблюдателей, в то время как золотая звезда в центре стала медленно расширяться. Де Грас не-

вольно схватился за подлокотники, напрягая все мускулы. Секунды бежали все быстрее, последняя красная точка проплыла мимо и исчезла. Золотая звезда продолжала расширяться, в то время как приборы показывали, что они летят прямо к ней на ужасной, невообразимой скорости: осталось десять миллиардов миль... семь миллиардов... пять...

— Бомба отделилась, — раздался в интеркоме голос Барнса.

— Принято! — ответил Рэк. — Изменить курс!

На экране Де Грас увидел синюю стрелку, обозначающую «Армагеддон», возле которой появилась синяя точка. Это была бомба. Приборы показали, что она ужасно близко от корабля, всего в пяти метрах. Потом показания приборов резко изменились, синяя стрелка сменила направление и синяя точка начала отходить от нее. Золотая звезда, замерев на секунду, стала сжиматься, и красные точки снова возникли на экране и поплыли к ней. Синяя точка летела быстрее, чем они и уже мигала на самом пределе досягаемости.

— Астрогатор, отчет! — рявкнул Рэк.

Де Грас трясушимися пальцами вырвал ленту из компьютера.

— Курс на столкновение, капитан! — сказал он.

На экране система Торкаса сжалась и стала просто еще одной звездой на черном полотнище, усыпанном звездами. Де Грас попытался представить ее, как реальное солнце, окруженное планетами с разумными существами, которые живут и работают, а также летают с планеты на планету, но не смог. Он переключил экран с аналоговой на обычную оптику, но продолжал держать ультралуч на обреченном солнце Торкаса. Прошло две минуты, три, четыре, а затем точка, в которую уже превратилось светило Торкаса, засверкала белым.

— Хорошая работа, все молодцы, — сказал Рэк.

Корабль перешел в подпространство и стал удаляться от системы Торкаса, где уже нечего было делать. Де Грас достал бутылку и сидел с ней в штурманской рубке, глядя в стенку.

Открылась дверь и в ней появился Рэк.

— Что такой мрачный? — спросил он.

Де Грас поднял взгляд.

— Я в порядке, капитан.

— Ставишь себя на их место?

— Кого?

Рэк кивнул в сторону кормы, не потрудившись ответить.

Де Грас повернулся к штурманскому столику и, с застывшим взглядом, положил на него одну руку ладонью вниз и сжал пальцы, царапая ногтями гладкий металл.

– Черт побери! – глухо сказал он. – На одной из тех планет была человеческая колония, капитан. Не жуки. Люди!

– Ты думаешь, я этого не знаю? – спокойно сказал Рэк, окончательно вошел в рубку и закрыл дверь. – Мы предупреждали их, Том. У них был шанс выйти из Лиги Малых Народов, отречься от предателей и прилететь к нам.

Пальцы Де Граса нашарили пачку папиросной бумаги. Он взял листок, смял его и принялся скатывать в нить.

– Я знаю, – пробормотал он.

– Том, это и есть война, о которой мы говорили.

Рэк наклонился и ткнул кулаком переключая экран. На нем появилась диаграмма центрального сектора Галактики.

– Вот здесь Торкас, – он ударил пальцем по экрану. – А здесь Руд-ури, Джерзион, Альфахал, Шерго. Пять самых больших кораблестроительных центров. Мы не просто убиваем жуков, Том, остановить их – вот наша задача. Мы – люди, а люди всегда должны побеждать. И не забывай о чудовищных размерах того, с чем мы должны бороться. Нужно давить их, и изолировать – только тогда мы сможем их уничтожить, даже если на это потребуется столетие. – Он замолчал и выключил экран. – И не совершая ошибок. Это продлится... это должно продлиться очень долго. Но когда мы завершим свое дело, Галактика будет принадлежать только людям, Том.

– Я это знаю, – сказал Де Грас, поворачиваясь к нему. – Простите, капитан. Я просто...

– Я все понимаю, – сказал Рэк, положив руку ему на плечо. Затем он открыл дверь и ушел.

Позже, лежа в своей койке, Де Грас услышал бормотание голосов Рэка и Мэй Вонг, и на него нахлынула такая волна одиночества, что пришлось отвернуться и впиться зубами в подушку, чтобы удержаться от крика.

Через шесть дней после Торкаса они совершили посадку на планете, известной ее обитателям под названием Юриз, но команда «Армагеддона» знала ее как Отдых Зуба. Хуб был сельскохозяйственным миром, где разрешили построить фермы несколькими сотням человек. Лидером их был косматый, немый гигант по имени Хуб Макаллистер, имевший три жены, таких же крупных и грязных, как он сам, а также бесчисленную орду вопящих детей.

Вокруг поселка Хуба расстилались поля с земными растениями, но они были запущены и заросли «земляными каштанами и сорняками», как называл их Хуб. Бизнес Хуба процветал на торговле опиумом и марихуаной, а также местной «белой мол-

нией». Он также устраивал для людей игры в покер, очко, петушинные бои и девочек. Занимался Хуб и перепродажей краденых товаров на соседний пересыльный пункт на Уль-Роуха. Он мог достать почти все, что угодно, установить что-то или избавиться от чего-либо. Разумеется, не бесплатно.

Хуб встретил их, растянувшись на веранде ветхого бара и магазинчика. Худые дети с дикими глазами столпились за ним, с любопытством глядя, как к дому идет Рэк со своей командой. На стене висела шкура с грязно-зеленым мехом какого-то местного хищника. Воздух был горячий и душный. Из окна верхнего этажа высунулась какая-то неряшливая женщина, похабными криками приветствуя Сильнейшего Удара и остальную банду.

— Командор, я чертовски рад снова увидеть вас!

Хуб протянул ему руку, которую Рэк, казалось, и не заметил. Упершись руками в бедра, командор смотрел на скопление полужаброшенных строений на пыльной улице, и ряды хилых растений за ними.

— Тут ничего не изменилось! — взревел Хуб, задыхаясь от смеха. — И вы тоже, командор — все такой же старомодный! Очевидно, Бог любит вас. Проходите, проходите же!

Он пошел впереди в тусклый бар, примыкающий к магазинчику. Де Грас и остальная команда расположились у стойки бюара, где небритый бармен Хуба, не дожидаясь заказов, принялся им наливать. Хуб и капитан расположились за столиком.

— Только запомните, космические обезьяны, — сказал Сильнейший Удар экипажу. — Два стопки или кварта пива — не больше. Мы улетаем не позже, чем в восемнадцать часов, и любой сукин сын, который напьется вдрызг, останется здесь. — Он взял стоящую перед ним стопку и опрокинул ее содержимое в горло, словно в кувшин.

Глядя на свою порцию, Де Грас слышал грохочущий голос Хуба за спиной, перемежаемый четкими, холодными фразами капитана. Они обменивались новостями и слухами, а также мнениями об общих знакомых — начало тщательно продуманного ритуала деловых переговоров с Хубом. Де Грас повернулся к стойке боком и стал лучше слышать. На столике стояла бутылка особого дымчатого ликера Рэка. Хуб пил пиво из огромной глиняной кружки.

— ...несколько опалов с Дрона, — говорил Рэк. — Не знаю, интересует ли это вас.

— Торговля драгоценными камнями идет теперь плохо, прогрохотал Хуб. — Их приходится везти через половину проклятой Галактики — транспортировка обходится дороже, чем они стоят.

Тем не менее, я взял бы их на пробу, если это все, что у вас есть. Хотя заплачу не очень.

— В любом случае, только бартером, — ответил Рэк. — Меня не интересует галактическая валюта.

— Да, я уже слышал. — Хуб вытер нос толстым, похожим на колбасу пальцем, глядя на собеседника маленькими пронизательными глазками. — Что-то о том, что вы берете всех желающих на вашу Новую Землю. Вы что, командор, оборудовали в трюме дополнительные жилые каюты?

— Хотите улететь? — спросил Рэк, празднично покачивая стакан с ликером. — Я мог бы примерно через месяц прислать за вами транспорт.

— Я подумаю, — ответил Хуб. — Ну, а тем временем, черт побери, человек должен как-то жить! У меня есть несколько поврежденных сердечников галактического топлива, которые я мог бы уступить по дешевке...

В баре Сильнейший Удар обхватил за талию толстую женщину в красном платье с громадным вырезом, и приветствовал ее громким криком:

— Роуз, старая шлюха!

Два-три человека уже отбыли в комнаты наверху.

Через несколько минут Хуб принялся обсуждать тему запчастей к корабельным механизмам, а Рэк изыщно намекнул, что они всегда пригодятся. Еще через десять минут они обнаружили, что Хубу нужен Гаечный Ключ, чтобы починить пульсионный двигатель, а также сошлись в цене на опалы, которые Рэк высыпал на стол из мешочка, что носил на шее.

Три часа спустя, когда «Армагеддон» уже выходил из атмосферы, на экранах появилась какая-то точка. Это был один из редких кораблей Галактической Полиции, идущий на посадочную орбиту.

— Сигнал по ультрарадии с галактического корабля, капитан, — сообщил Спаркс. — Они требуют, чтобы мы заглушили двигатели и вышли на орбиту.

На мгновение воцарилась тишина.

Де Грас нажал кнопку на своем пульте и мрачно сказал:

— Капитан, это все Хуб. Он продал нас!

— Он бы не посмел, — прорычал голос Сильнейшего Удара. — Я бы тогда изрубил его на кусочки, и это хорошо известно ему.

Игнорируя его, Рэк решительно спросил:

— Астрогатор, какая у них скорость?

Де Грас глянул на приборы и тут же ответил:

— Немного больше трех «ж», капитан, но больше ускорение не растёт. Наверное, их быстроходные корабли уже выдали все, что могут выдержать экипажи.

— Какие это жуки, Спаркс? — спросил Рэк.

— *Ниммоки*, капитан... те твари, что похожи на обезьян имбирного цвета. Но я слышал, они могут выдерживать ускорение до пятидесяти «ж».

В интеркоме снова стало тихо. Зернышко на экране быстро росло.

— Гаечный Ключ! Мы можем войти в подпространство вблизи планеты?

— Да, но при этом из нас вылезут все кишки, капитан.

— Слушай, Ключ! — проревел голос Сильнейшего Удара. — Ты говорил что-нибудь в баре Хуба о наших пушках?

— Я нет! Может, это ты проболтался той бабе, с которой ушел?

— Довольно! — рявкнул Рэк.

— Протараним их! — снова раздался голос Сильнейшего Удара.

— Это всего лишь один кораблик. Протараним их! Разнесем в щепки!

— Отрицательно, — сказал Рэк, затем сделал паузу. — Отоприте шлюз и допустите их на борт.

Недоверчивая тишина в интеркоме была красноречивее любых слов. Даже Сильнейший Удар не издал ни звука. Рост зернышка стал замедляться, корабль тормозил, приноравливаясь к курсу и скорости «Армагеддона». Теперь он был уже в пределах прямой видимости — обтекаемое, напоминающее пулю судно раза в два меньше земного крейсера.

Галактический пилот подводил его все ближе, показывая превосходную сноровку, пока люки обоих кораблей не совпали. Лязг прокатился по всему кораблю, когда магнитная прокладка переходника ударила по корпусу.

«Армагеддон» был взят без единого выстрела.

Рэк вместе с Сильнейшим Ударом прошел в арсенал и вернулся оттуда с пустыми руками. Когда они подошли к сходному трапу, Сильнейший Удар лишь хмуро покачал головой в ответ на вопросительные взгляды команды.

Через некоторое время давление в обоих шлюзах было выравнено, и открылся люк «Армагеддона». Команда с враждебным молчанием смотрела, как входят три приземистых существа. Они были в скафандрах со шлемами, но через лицевые пластины были видны похожие на обезьяньи головы, покрытые плотным мехом расцветки пекинеса.

Одна из фигур в скафандрах огляделась и коротко сказала на Галактическом:

– Капитан хотеть знать, кто тут главный?

Рэк безразлично кивнул. Спаркс кивнул на него *ниммоку*, который снова заговорил:

– Он хотеть знать, являться ли вы человеческим кораблем, которое замечено в системе Торкаса перед катастрофой с их солнцем?

Кто-то из экипажа нервно хихикнул.

– Скажите ему, нет, – ответил Рэк, пристально глядя куда-то вдаль, мимо троих чужаков.

Спаркс и *ниммок* обменялись несколькими фразами.

– Он хочет взглянуть на наши регистрационные галактические документы, капитан, – сказал затем Спаркс, а затем хочет, чтобы мы отправились с ним на Галактические Верфи на Шерго.

Гаечный Ключ, стоявший рядом с Де Грасом, тихонько присвистнул.

– Это означает, что они конфискуют корабль, – сказал он.

– Скажите ему, что мы будем сотрудничать, – сказал Рэк, – но сначала мы должны вернуться на Отдых Хуба. Там есть свидетели, которые докажут нашу непричастность.

Спаркс и *ниммок* довольно долго перебрасывались непонятными фразами.

– Он говорит, – сказал, наконец, Спаркс, – что хотел бы позволить это в качестве любезности, но не практично совершать посадку сразу на обоих кораблях.

– Скажите, чтобы нас освободили, и мы встретим его после посадки.

В команде возникло какое-то движение.

– Он говорит, ему очень жаль, – передал Спаркс, – но люди иногда говорят неправду. Он говорит, что нужно взять заложника на его корабль. Тогда он выполнит вашу просьбу.

Настала тишина. Все члены экипажа стали глядеть друг на друга. Им не нужно было говорить, что это значит: корабль улетит, но заложник будет потерян.

– Я сам пойду, – сказал Рэк, надевая перчатки.

Раздались протестующие голоса.

– Тихо! – резко сказал Рэк. – Это приказ! Сильнейший Удар, ты знаешь, что делать.

Он шагнул к *ниммоку* и остановился в ожидании.

Ниммок снова переговорил со Спарксом на Галактическом.

– Капитан, он говорит, что вы не сможете дышать их атмосферой. Все время, проведенное на борту его корабля, вы должны быть в скафандре.

– Отлично. Удар, принеси мне скафандр.

Мэй Вонг, с бегущими по щекам слезами, подошла к Рэку и сказала:

– Капитан, ради Бога, пошлите меня! Что будет, если что-нибудь...

– Обещаю тебе, я вернусь, – сказал ей Рэк. – Понимаешь? Я даю тебе слово, что вернусь.

Он шагнул в приготовленный Сильнейшим Ударом скафандр и застегнул его. Скафандр выглядел больше обычного с каким-то нештатным устройством, пристегнутым к его поясу. Сильнейший Удар помог Рэку со шлемом, проверил кислородные баллоны, рацию и прочее оборудование. Ошеломленная команда смотрела, как Рэк поднял руку, давая знак, что готов. Три *ниммока* провели его в воздушный шлюз. Люк за ними закрылся.

– По местам! – рявкнул Сильнейший Удар, бросаясь к рубке управления. Экипаж разбежался.

Через несколько минут после этого снова раздался лязг, когда был отсоединен переходник. Де Грас увидел на экране, как корабль, похожий на пулю, медленно отплыл от них.

– Дай мне расчеты на посадку, – раздался в интеркоме хриплый голос Удара.

Де Грас стал нажимать клавиши вычислителя. Он представить себе не мог, какой план был у Рэка или как «Армагеддон» сумеет убежать после посадки на Отдыхе Хуба, но выдал Сильнейшему Удару ленту с расчетами, которые тот запросил. Через мгновение ожили дюзы корабля. Далекий шарик Юриза начал проваливаться вниз, затем остановился и стал равнодушно расти, вращаясь, казалось, в противоположном направлении. Галактический корабль на экране шел параллельно их курсу.

Внезапно в интеркоме раздался крик. Одновременно Де Грас увидел струю пара, бьющую из корпуса галактического корабля. Было похоже, что она выходит где-то из области воздушного шлюза.

– Ему удалось это! – проревел счастливый голос Сильнейшего Удара. – Христос милостив к нам или что?

– Что-то я ничего не понимаю, Удар, – пробормотал сбитый с толку и полуоглушенный Де Грас. – Что случилось? Что он сделал?

– Ты просто чурбан! Он взял с собой фугасную бомбу с взрывателем, реагирующим на тепло, и оставил ее в воздушном шлюзе.

Как только они вылезли из скафандров – бамм! – и выбило оба люка.

Они медленно подлетели к галактическому кораблю. Склонившийся над экраном Де Грас увидел, как в люке появилась крошечная фигурка. Это был Рэк. Космонавт в скафандре открыл люк «Армагеддона», бросил ему тросик и благополучно втянул в корабль, пока тот еще не вошел в атмосферу Юриза.

А галактический корабль пронзил атмосферу и, упав, разлетелся на куски прямо посреди единственной улицы Отдыха Хуба.

«Армагеддон» повис на орбите наряду с остальными одиннадцатью кораблями флота Рэка, находившегося в эмбриональной стадии. Команда спустилась в катере, оставив на борту дежурного. В поселке Новой Земли не было ни единого строения выше одноэтажных сараев, в которых разместили колонистов. На всякий случай, было нужно замаскироваться. Сараи из рифленой стали покрасили так, чтобы они сливались с пыльно-коричневым пейзажем, и они были разбросаны в полном беспорядке. Что касается кораблей, то они могли притвориться естественными спутниками планеты.

Если какой-нибудь галактический корабль приблизится к планете – что само по себе было маловероятно, – то он не увидит ничего, что указывало бы, что этот невзрачный, пустынный мир не такой безжизненный, как всегда.

Сама по себе планета была подобно земной по силе тяжести, так что люди могли на ней существовать, но она была безжизненной, лишенной воды, и на ней не было ничего, что могло бы привлечь внимание галактов.

Было три утра по местному времени, когда приземлилась шлюпка, но колония бодрствовала и была весьма активной – стучали клепальщики, сооружая новые сараи для растущего населения, горели огни в оружейном сарае, где собирались смертоносные шпиндели для бомб. На Рэка в три смены работали ученые, создавая запасы оружия.

Де Грас взял себе в столовой стейк, но обнаружил, что кусок в горло не лезет. Когда он вышел наружу, мимо прошли охранники, волоча невысокого человека с коричневой кожей, у которого было ошеломленное выражение лица. В свете из двери столовой Де Грас узнал его, это был Виллануэва. За ними, с криками и свистами, бежали несколько мальчишек. Должно быть, его держали под стражей до возвращения Рэка. Это значит, что обвинялся он в «измене». А под «изменой» здесь понималось

что угодно от прямого саботажа до небрежности в работе. На Новой Земле не было места для тех, кто не мог или не хотел в полную силу тянуть свою тяжелую лямку.

Де Грас прошел мимо ядовито-желтых огней оружейного сарая. Позади раздался нестройный залп. Конец Виллануэве... Де Грас зашел в бар, подошел к стойке и стал ждать свою порцию выпивки, но шум пьяных голосов, среди которых выделялся голос Сильнейшего Удара, выгнал его наружу. Проходя мимо учебного сарая, он услышал топот бегущих ног. Мимо пробежали несколько подростков, кто-то крикнул:

— Быстрее в кинотеатр! Там привезли новые фильмы!

Де Грас шел дальше, мимо жилых сараев с затемненными окнами, мимо последних строений колонии, за которыми расстилась ночная пустыня. Было темно, как в гробу, но, если поднять глаза, можно было увидеть морозное сияние звезд. Он никак не мог поверить в то, что его пригласили сюда лишь несколько дней назад. Это было настоящее чудо, но Де Грас никогда не верил в чудеса. Тренированным взглядом он машинально нашел светило Пэлу, и тут же подумал о Кэти.

Стоя в темноте, Де Грас чувствовал, как из глаз текут гневные слезы. Это было несправедливо — все, что обещала ему жизнь, никогда не сбывалось. Так он провел всю юность, столь же далекую и нереальную, как звезды. Все это счастье и радость постоянно ускользали от него, как только он на секунду отводил взгляд.

Он услышал свое имя, произнесенное очень тихо, и, повернувшись, увидел на фоне огней поселка какую-то темную фигуру.

— Кто здесь? — резко спросил он.

Фигура подошла ближе и оказалась женщиной. Теперь он узнал ее по огрубевшему от виски голосу.

— Томми, — печально сказала она, — что вы здесь делаете совершенно один?

Это была Эдди Беннон, когда-то красивая женщина, а теперь безнадежная пьянчужка, шатающаяся по поселку и выполнявшая случайную работу, а большую часть времени проводившая у себя дома — в настоящей лачуге. Когда-то она была женщиной Сильнейшего Удара, пока тот не выгнал ее, взяв себе девушку помладше.

— Откуда вы узнали, что я здесь? — спросил Де Грас.

— Шла за тобой, красавчик, — фыркнула она. — Ты стоял в темноте, такой одинокий. — Она подошла поближе, огни поселка у нее за спиной создавали вокруг ее фигуры светящееся гало. — Хочешь выпить, милый?

В нос Де Грасу ударил резкий запах виски.

Постояв секунду, он взял у нее бутылку, сунул горлышко в губы и сделал большой глоток. Горячий комок прошел по горлу, и в животе начало теплеть. Он сделал еще один большой глоток.

— Эй, оставь и мне, — тихонько сказала она.

Он повернулся и отдал ей бутылку.

— Вы добрая девушка, Эдди, — сказал он, чувствуя, пока говорил, что она действительно не так уж плоха, в конце концов, она пришла сюда, чтобы успокоить его.

— Ничего-ничего, плотните, — сказала она, снова протягивая ему бутылку. — Дома у меня есть еще. Допивайте. Давайте, прикончите эту бутылку.

Он посмотрел на бутылку напротив огней поселка и увидел, что там осталось с полдюйма янтарной жидкости на самом донышке — как раз на один глоток. Откинув голову назад, Де Грас допил бутылку, пошатнулся и, чтобы удержаться на ногах, схватился за Эдди: она была голой под тонким платьем.

— Правильно, милый, — сказала она. — Пойдем с Эдди, пойдем, выпьем еще немного.

Он крепко обнял ее за талию.

— Почему бы и нет? — сказал он и пошел.

VI

В КВАРТАЛАХ было странное ощущение, что все вокруг застыло. Торговля почти замерла. Очень немного *ниори* и еще меньше представителей других галактических рас появлялись на узких улочках, и Кадик уже больше недели ничего не мог продать.

Людей тоже не было видно. Почти двести жителей гетто улетели в одну ночь, когда разошелся слух, что прилетел транспорт с Новой Земли. Виллануэва улетел вместе со всей семьей, а также и Мартин Пас. Флинн отбыл еще раньше со всеми своими людьми. Берджессы с ними не отправились...

Сегодня, две недели спустя, Кадиду прибыл груз еженедельным челноком с Рид-тура, и он отправился на космодром, чтобы проследить, как груз проходит таможеню. Он вышел вскоре после заката. Широкие, кривые улицы города блестели под синим ярким светом луны Худ-Шеры, только что взошедшей на востоке. Кадик вышел из Кварталов и направился на север, мимо офиса и фабрики-ульев городского центра Лур, потом по транспортному центру Нью и позволил себя засовать в синюю, адскую

транспортную трубу вместе с толпой *ниори*, направляющейся на работу.

Труба выплюнула его в Центральном Орэе, огромной площади на возвышении, вокруг которого группировались торговые улья города. Кадик провел минут двадцать, совершая покупки, заблудился, спросил о направлении у Руководителя Любезности, и, наконец, нашел нужный улей, где купил кое-какие шелка *олэди*.

От Орэя он пошел на север, мимо ульев законодательных властей *ниори*, привлекая любопытные взгляды пешеходов. Кадик уже начал жалеть об этом своем походе, как всегда, когда покидал Кварталы. Видя себя глазами *ниори*, он не мог не чувствовать сожаление и даже раскаяние за свою гротескную, отвратительно волосатую внешность. На подстанции возле ульев снов он сел на аэрокар, дорогой, но ему было просто необходимо побыть в одиночестве. До космопорта он добрался вовремя, забрал свои пакеты и взял еще один аэрокар, который отвез его в Кварталы.

В самом начале Кванг-Чоу-Авеню он встретился с выходящим из своего офиса Орана Зидха.

— Приветствую вас, мистер Кадик, — формалистично сказал *ниори*. — Я только что видел священника, отца Эксаркоса. Он ищет вас.

— Приветствую и вас, — ответил Кадик. — Вы знаете, где он сейчас?

— Полагаю, он у себя дома. Удовлетворения вам, мистер Кадик.

— И вам удовлетворения, — славенно произнес Кадик и пошел дальше.

Специальный Уполномоченный чужаков использовал форму обращения, которая в его языке обычно употреблялась при разговоре с незнакомцами. Это было самое тяжкое оскорбление, которое только возможно для *ниори*. Даже этот народ, с тоской подумал Кадик, способен научиться признавать существование зла. Для этого им потребовалось двадцать лет, но теперь они научатся.

Он вспомнил трех обезьянок, которые стояли на каминной доске в доме отца: «Не вижу зла», «Не слышу зла», «Не говорю о зле». *Ниори* походили на них. Для святого окружающее свято. Пусть вор ловит вора. Но даже терпение святых, подумал Кадик, может иссякнуть. И глухонемых можно научить говорить.

Подавленный, он прошел по Бразилии к дому, где жил Эксаркос. Набрав комбинацию, отпирающую уличную дверь, Кадик прошел через дворик и постучал. Священник отозвался на стук.

— Вы искали меня, Астереос?

Низенький человек улыбнулся, затем, увидев выражение лица Кадика, принял заинтересованный вид.

– Да, друг мой, – сказал он, – но это мелочи. Ничего серьезного не произошло. Мне очень жаль, что вы взволновались. – Он указал на шахматную доску перед окном, стоящую на столике между двумя удобными креслами. – Я только подумал, что, возможно, вы не отказались бы поиграть.

– Не откажусь, – ответил Кадик и улыбнулся. – В последнее время, всякий раз, когда я кого-нибудь встречаю, мне все кажется, что он собирается рассказать мне дурные новости.

Они сели, Эксаркос протянул две пешки, зажатые в кулаках. Кадиду досталась черная.

– Как и все мы, – сказал священник. – Сеу ужасно волнуется. Я никогда еще не видел его таким. Мне кажется, он что-то знает, о чем пока не говорит.

– Скоро мы все узнаем, – промолвил Кадик и сделал ход в ответ на гамбит Эксаркоса.

Через пять ходов он потерял пешку, а через семь священник вытеснил его с середины доски.

– Вы сейчас где-то не здесь, – сказал Эксаркос.

– Да, вы правы, АстерEOS. Если не возражаете, давайте отложим игру до следующего раза.

Священник встал и принес два бокала и бутылку белого вина.

– Давайте тогда побеседуем, – сказал он, наполняя бокалы, затем подержал бутылку на весу. – Это вино с виноградников Агриниона, где я провел детство.

– Вы вернетесь туда, АстерEOS, если нам придется убраться отсюда?

Священник с улыбкой пожал плечами.

– Я пойду, куда меня пошлют, – сказал он. – Это не имеет значения. Я городской житель, Ласло, как и вы. Все дикие места кажутся мне одинаковыми.

Они поглядели друг на друга. Священник протяжно вздохнул.

– Ладно, – сказал он, – давайте выскажем, что у нас на уме. Как вы думаете, сколько вреда сумеют нанести активисты, прежде чем их остановят?

– Простите, но я этого не знаю, – медленно проговорил Кадик. – У них не могут быть большие силы – лишь несколько суденышек, остатки земного флота, вероятно, переоснащенные, чтобы летать на галактическом топливе. Может быть, они похитили несколько галактических кораблей, но те, наверняка, были не вооружены. Не знаю, сколько у них вообще может быть боеприпасов. Вероятно, не очень много. Может быть, им известно, где

использовать их, чтобы причинить побольше вреда — например, чтобы прервать коммуникации или разрушить промышленные центры, от которых зависит много планет. Но Галактика слишком велика. Так что любые их усилия будут просто смехотворно малы. А против любого флота они не продержатся и недели.

— А вы не думаете, что они могли создать какое-нибудь новое оружие?

— У них было всего двадцать лет, — мрачно ответил Кадик. — И единственное оружие — если это вообще можно назвать оружием, — только то, чем владеет Галактика. Я больше боюсь, что они за это время могли понаклепать земного оружия, например, конверсионных бомб.

— Ну, ладно, — священник поднял руки, — возможно, ничего и не случится. Во всяком случае, нам остается лишь сидеть и ждать. — Он улыбнулся. — А знаете что, у меня иногда появляется еретическая мысль, что если бы другие расы были так же воинственны, как мы, все было бы в порядке. Они бы завоевали космос задолго до нас. И к тому времени, как мы вышли на сцену, все самые жестокие войны между планетами были бы в далеком прошлом. Несомненно, они достигли бы какого-нибудь равновесия, пусть даже вооруженного перемирия. И теперь бы они жалостливо глядели на нас и говорили: «Следите за своими манерами, маленькие земляне, если не хотите, чтобы вам поджарили штанишки».

Кадик улыбнулся и покачал головой.

— Вы можете представить себе Европу двадцатого века, увеличенную до размеров Галактики?

— О-о... — протянул священник, делая широкий жест. — Конечно, это было бы очень ужасно. Можно было бы ежедневно слышать о том, как какая-то планета была взорвана в результате ссоры соседей. Но для нас это было бы не хуже, это был бы мир, к которому мы уже привыкли заранее. И прежде всего, нам бы не приходилось испытывать чувство вины. — Глаза его сощурились, словно от удовольствия. — Но, — продолжал он, — это еретические мысли. Из-за них мне приходится накладывать на себя эпитимии.

Кадик рассмеялся.

— Вот и прекрасно, — сказал Эксаркос. — Вы перестали быть мрачным. Знаете, когда вы мрачны, то любая беседа ни к чему не ведет, и, зная это, вы делаетесь еще мрачнее. Когда же вы смеетесь, то понимаете, что в тщетности споров кроется причина, почему вообще можно спорить. Если бы было иначе, мы не получали бы никакого удовольствия от них.

Кадик снова рассмеялся, поудобнее устраиваясь в кресле.

– Ладно, Санта Клаус, – сказал он, – я больше не буду своим карканьем призывать бедствия. Но позвольте мне спросить, как вы можете вести легкие разговоры на такую смертельно опасную тему, как Рэк?

– Рэк, – быстро сказал Эксаркос, – просто любитель. А любители, друг мой, были проклятием нашего рода с самого начала времен. Я не имею в виду учеников, которые еще не научились своему ремеслу. К сожалению, есть люди, которые являются любителями по самой своей природе, и никогда не становятся профессионалами, даже если у них есть семьдесят лет опыта. Я приведу в пример вас, – он направил указательный палец на Кадика, – как писателя. Вы начинаете маленьким мальчиком. Вы читаете книги какого-то автора. Вы восхищены ими, вы поражены, вы твердите себе – это то, чем я буду заниматься всю жизнь. И вы сами начинаете писать. Получается плохо, но этого вы не замечаете. Вы продолжаете писать, вы немножко учитесь, но все равно выходит плохо. Вас одолевают сомнения, но вы все равно продолжаете писать. И наступает поворотный момент. Внезапно до вас доходит, что изучили вы уже достаточно, чтобы видеть суть вещей, которые так очаровывали вас в чужих книгах. И с этим знанием вы пишете снова, и теперь это уже, хотя и не гениально, но не совсем безнадежно. Но одновременно меняется ваше отношение. Вы становитесь циником. Вы сознательно работаете на эффекты. Вы занимаетесь самокритикой. И когда вы перечитываете книги, которые вдохновили вас в детстве, то думаете: «Ну что ж, в конце концов, тогда я еще был слишком молод!». И это означает, друг мой, что вы стали профессионалом. Так было с вами, но есть и другие, с которыми это никогда не произойдет. Есть авторы, которые никогда не оправятся от страха, охватившего их, когда они создали своих первых идолов. Есть революционеры, которые никогда не перестанут испытывать чистое, лишенное самокритики чувство своего первого преобразования в Творца. Есть жрецы, которые никогда не выйдут за рамки своей Веры. Все это плохие писатели, плохие революционеры и плохие жрецы. Я действительно полагаю, что девять десятых мирового зла совершается именно ими, любителями, и лишь редко – профессионалами. Любители-политики, любители-генералы, любители-психологи, любители-экономисты... можете ли вы представить себе, какой они создают хаос?

– Браво, – сказал Кадик.

– Вам понравилось? – спросил священник, наливая еще вина. – Я ждал кого-то, кто пришел бы и сказал мне, что Рэк опасен, по-

тому что он кадровый военный. Но нет, таких не появилось. Вот поэтому я и изложил вам свою теорию о Любителях.

Через несколько минут Кадик поднялся, готовясь уйти, когда в дверь Эксаркоса постучал кто-то из прихожан. В дверях он кивнул и поздоровался с пришедшим. Это был Сперос Мулайос, подбострастный, с испуганными глазами на сером лице. Оба его сына решили полететь на Новую Землю Рэка, когда появился его крейсер, но сам Мулайос был слишком робок, чтобы лететь. А теперь, без сомнения, он боялся здесь оставаться.

Конечно, Эксаркос успокоит его и, может быть, даже заставит смеяться — так же, как заставил он Кадика. Тут было мало что можно сделать, — это все равно что мертвому припарки, — но Кадик был глубоко благодарен, что в Кварталах есть кто-то, кто может сделать хотя бы это.

В нас очень мало осталось, подумал он, не считая двух-трех мелких добродетелей, на которых нет пятен крови. Доброта, юмор, возможно, чувство братства... Может быть, если бы мы придерживались их, то не считали бы достоинством военные подвиги, никогда не стремились бы стать благородными или великолепными. Был ли когда-нибудь поворотный момент? Может, когда поля Карфагена засеяли солью, или когда Павел основал церковь... или когда первый пещерный человек заострил конец палки и использовал ее для убийства? Если так, то позади у нас длинный путь, засеянный мертвыми и кладбищами, пылью и пеплом.

Мы взяли все лучшее, что было за три тысячелетия тоски и борьбы за справедливость, подумал он, и превратили это в Инквизицию, концлагеря и НКВД. Каждое наше поколение растило своих сыновей на убой. И все же мы не являемся чистым Злом. Астереос прав: если бы все остальные расы были похожи на нас, то было бы терпимо. Или если бы мы сами были существами чистого Зла, бессовестной, торжествующей жестокости, то... тогда, возможно, мы вели бы войну с Галактикой радостно, и если бы потерпели неудачу, то, по крайней мере, в нашем поражении было бы какое-то величие.

Олаф Степлдон как-то сказал, вспомнил вдруг Кадик, что есть мастерство в чистом, незамутненном Зле, что это был бы личный способ реального выражения Веры, как и чистое Добро.

Трагедия людей состоит в том, что они вполне трагичны. Смешанные, пестрые сосуды противоречий, ангелы с ослиными ушами... Как там звучит цитата из Амброуза Бирса? *Лучше всего не быть змеей...*

Что-то из окружающего встревожило его. Кадик поднял голову и огляделся. Он стоял на углу Кванг-Чоу и Вашингтона, в трех кварталах от дома Эскаркоса.

Через несколько дверей слева был дом Чона Юина. Возможно, Кадик машинально шел именно туда. Но сейчас он видел, что двери закрыты. На улице стояли семь-восемь китайцев и, как заметил Кадик, по лестнице из жилых помещений в кафе-кондитерскую спускался Сеу Мин. Когда он вышел на улицу, китайцы собрались вокруг него, но тут же начали расходиться.

Кадик пошел ему навстречу. Лицо мэра выглядело напряженным, вокруг глаз появились новые, глубокие морщины.

– Что случилось, Мин? – спросил Кадик.

Сеу оперся на его руку, и они медленно пошли по улице.

– Примерно час назад Чон покончил с собой, – ответил китаец.

Сколько же раз мы виделись за последнее время, оцепенело подумал Кадик. Наверное, раз шесть за последние два месяца.

Он не знал, хорошо ли знал Чона. Старик был из Северного Китая, совершенно не ориентированного на Запад, и говорил только на своем языке. Теперь же, думая о нем, Кадик не знал, кто был близким другом Чона, если у него вообще были друзья. Он всегда был одним и тем же – согбенная фигурка в тубетейке и неприметной одежде. У него была семья: жена, редко появлявшаяся на людях, и шестеро детей.

– У вас дома есть виски? – внезапно спросил Сеу.

– Да, конечно.

– Давайте пойдем и выпьем, – сказал Сеу. – Я очень устал.

Кадик вдруг пришел в голову, что он никогда не слышал такого от Сеу. Они свернули на Афины и поднялись по лестнице в квартиру. Сеу со вздохом опустился в кресло, пока Кадик пошел за бутылкой и стаканами.

– Чистый или с водой? – спросил он.

– Чистый, пожалуйста...

Сеу все круче наклонял стакан, пока пил, рука его дрожала. Кадик молча смотрел на него.

Впервые за час с лишним Кадик вспомнил о своей встрече с Ораном Зидхом и о том, как неприветливо повел вдруг себя Специальный Уполномоченный. Теперь же, глядя на усталое лицо Сеу, он вдруг понял, что услышит сейчас что-то неприятное.

Сеу был единственным в Кварталах обладателем коммуникатора *ниори*: сложного устройства, воспроизводящего звук, трехмерное изображение, ароматы изменения температуры и кое-что еще, что могут улавливать только *ниори*. Ограничения на их продажу не было, они были относительно дешевы, но передачи

ниори были такие унылые и непостижимые для людей, точно так же, как земные кулинарные шоу были бы для ниори. Сеу использовал его в качестве источника галактических новостей. И Кадик предположил, что сегодняшние новости были очень плохими...

– Это Рэк, не так ли? – спросил он, наконец.

Сеу взглянул на него и кивнул.

– Да, это Рэк. Я никому больше еще не говорил об этом. Кварталы и так теперь постоянно в истерике. Но, если вы не возражаете, вам я расскажу.

– Давайте, – ответил Кадик.

– Положение еще хуже, чем мы ожидали, – Сеу сделал еще один глоток и скривил лицо. – У него есть конверсионные бомбы.

– Я боялся этого.

– Но они не используют их на планетах, – продолжал Сеу, словно не слышал. – Они бомбят солнца, Ласло.

Пару секунд до Кадика не доходил смысл, затем он почувствовал, как мышцы брюшного пресса свело, точно судорогой.

– Это невозможно, – хрипло сказал он. – Бомба сгорит, еще не достигнув внешнего слоя...

– А если она движется быстрее скорости света? – спросил Сеу. – Я проделал кое-какие расчеты. Со скоростью в тысячу световых бомбе потребуется две и шесть тысячных секунды, чтобы долететь с поверхности до центра звезды средней величины класса «Ж». Мне кажется, это уже достаточно короткий интервал. Но возможно, они нашли какой-то способ увеличить на короткий промежуток времени эффективность стандартного галактического двигателя. Но так или иначе, какая разница? – Он снова взглянул на Кадика. – Я видел видеозапись. Я знаю, что произошло.

В горле Кадика пересохло.

– Какая звезда? – спросил он.

– Торкас. Руд-тур. Еще солнце олэйди. И Джерсион. Пока что лишь три.

Пальцы Кадика нервно огладили гладкий металл наручных часов. Внезапно он опустил взгляд, вспомнив, что их сделали олэйди. И теперь их нет, всех, кроме колоний и путешественников на других планетах, а также летящих в то время в космосе. Нет больше этого паукообразного, педантичного народа со своей миллионлетней культурой и городами, вырезанными из опалов. Их всех прихлопнули, как человек прихлопнул бы муху.

Сеу сделал еще один глоток. Лицо его покраснело, на лбу и щеках выступили капли пота.

– Теперь им придется научиться убивать. Альтернативы нет. Они перехватили один из кораблей новой Земли и заключили его в стасисное поле. Но это не сработало, корабль вырвался. Им придется научиться убивать... Вы понимаете, что это значит?

– Да.

Сеу снова сделал глоток. Лицо его стало теперь огненно-красным, он тяжело дышал.

– Не могу напиться, – мрачно сказал он. – Аллергическая реакция. Думал, что получится в этот раз, но все бесполезно. Послушайте, Ласло, мне сейчас станет плохо.

Кадик проводил его до туалета. Когда китаец вышел, лицо его было бледно-восковым. Кадик попытался убедить его лечь в кровать, но Сеу отказался.

– Я должен вернуться в офис, – сказал он. – Я и так уже потратил слишком много времени. Поможете мне спуститься по лестнице, Ласло?

Кадик довел его до угла Бразилии и Вашингтона, где два молодых сотрудника Сеу приняли его со словами благодарности. Кадик смотрел, пока они не скрылись в здании администрации, затем вернулся к себе.

Он чувствовал лишь упадок сил и депрессию. Даже ужас от известия о массовых убийствах Рэка, даже его жалость к Сеу притупилась и была сознательно подавлена. Кадик вспомнил, что в «Житие святых» говорилось о «безграничном сострадании» и «бесконечной жалости», но у обычного человека был ограниченный запас этих чувств. Когда они бывали израсходованы, человек становился опустошенным, лишенным всех сил, отрицательной величиной в человеческом уравнении.

Наполовину инстинктивно, наполовину сознательно, Кадик выбрал себе в друзья самых сильных, самых терпеливых, самых мудрых и циничных из оставшихся в живых. Но теперь он понял, что слишком уж полагался на их силу. Он видел, как Сеу сломался, и чувствовал, словно какая-то опора сломалась под весом его, Кадика.

Кто-то позвал его по имени. Кадик повернулся и увидел, что к нему идет Кэти Берджесс. Она выглядела неестественно обновленной и счастливой, и Кадик потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что она ничего не знает о взорванных солнцах, и никто в Кварталах не знает об этом. Кроме него и Сеу.

– Вы сегодня в хорошем расположении духа, – сказал он, изо всех сил стараясь не выглядеть слишком мрачным.

– Да, – улыбнулась она. – У меня замечательная новая работа, мистер Кадик. Я помогаю *ниори* – его зовут Сеф Эшон.

– Помогаете *ниори*, – повторил Кадик. – А чем он занимается?

– Ну... – Ее улыбка на миг потускнела. – Он психолог. По правде говоря, я всего лишь подопытный кролик, но он говорит, что я прекрасная помощница. Он задает мне вопросы, а я отвечаю на них, как могу, а затем он погружает меня в нечто вроде сна и опять задает вопросы. При этом он использует препарат, который есть у них в больнице... н-ну, препарат *ниори*... Вроде пентотала натрия, только гораздо лучше. Он замечательный человек, мистер Кадик...

– А что думает об этом ваш отец? – спросил Кадик.

Она немного нахмурилась.

– Я еще не говорила ему. Я получила эту работу только нынче утром. На меня обратили внимание в их медицинском улье, и нынче утром я получила приглашение от Эшона. Я не сказала отцу сразу, потому что не была уверена, что получу эту работу...

– Она заколебалась. – Я знаю, ему это не понравится. Но вы представить себе не можете, что значит для меня получить такую работу, мистер Кадик. Это дает мне такое замечательное чувство полезности, и в то же время свободы – мест, куда я могу пойти из Кварталов.

– Да, – кивнул Кадик. – Я думаю, мы все хотели бы иметь это.

Он проводил ее до двери ее дома и пошел к себе, думая о том, почему он так уверен, что хотя бы на этот раз Кэти не подчинится отцу? Она бросила Де Граса по его приказу, так почему же она должна отказаться бросить работу? Может быть, потому что брак мог принести ей счастье?

Этим вечером он открыл ставни и смотрел на небо. Знакомые созвездия были неизменны. Свету самой близкой звезды нужно три года, чтобы достигнуть Пэлу. Но мысленно он видел, как одна сияющая точка внезапно взорвалась, развернулась ужасным, сияющим цветком, за ней другая, а там и третья. Он видел почерневшие трупы планет, где все было сожжено и уничтожено в этой вспышке невероятно высокой температуры.

Целую ночь он думал о черной пустыне и о Рэке, неподвижно стоящем посреди нее, задумавшимся, с холодным отрешенным лицом, обращенным к звездам.

Это был день рождения Кадика. Он никому в Кварталах не говорил об этой дате и почти что забыл о ней сам. Нынче утром, почувствовав вдруг желание узнать, какое время года на Земле, он достал календарь, которым последний раз пользовался пятнадцать лет назад. Календарь переводил систему *ниори* в григо-

рианские годы, месяцы, дни. В результате оказалось, что сейчас 18-ого февраля, и ему, Кадику, стукнуло пятьдесят шесть лет.

Теперь он вынужден был подумать над вопросом, было ли это его действие столь случайно, каким казалось? Возможно ли, что у него не было подсознательного желания разобраться в календаре? Или ему вдруг захотелось узнать, когда очередной день рождения? А если так, то почему он вдруг почувствовал необходимость напомнить себе об этом таким окольным путем?

Возвращение к истокам? Тоска по семье, торту ко дню рождения со свечами и ежегодно повторяющемуся празднику? Возможно, так все и было. Слегка улыбаясь, Кадик подумал о временах года, меняющихся медленно, но неуклонно, и ставящих людей перед фактом, что все когда-то умрут. Большинство людей пугала эта мысль. Время было, как раскачивающийся отточенный маятник из рассказа Эдгара По, с каждым взмахом приближающий смерть. Однако, даже если вы проклинали жару единственного, не сменяющегося сезона на Пэлу, время продолжало менять времена года внутри вас.

Кадику исполнилось пятьдесят шесть лет. Когда ему исполнилось пятьдесят пять, он думал о себе, как о человеке средних лет, все еще сильным, все еще способном к активной жизни. Теперь же он был стариком.

То же произошло и с Сеу: он пришел в себя после первого шока от новостей о Рэке и уже больше трех недель ходил по Кварталам, спокойный и уверенный в себе, как всегда, с одной лишь разницей. Из его голоса исчезли полускрытые юмористические нотки, а голос и походка сделались тяжелыми.

То же самое было со всеми ними, старыми переселенцами. Днем раньше Кадик впервые за несколько недель встретил на улице Берджесса и был потрясен. Его волосы стали белыми, кожа морщинистой, а походка неуверенной.

Даже в Эксаркосе появились перемены. Волосы его все сильнее седели, а полумесяцы мешков под глазами все темнели, становясь почти черными.

Глядя на него сейчас, когда они сидели и слушали Сеу, Кадик сказал себе, что священник всегда был самым сильным из них и самым понимающим. Лицо его было напряжено, но глаза на этой морщинистой, умной маске были ясными, как и всегда. Было к Эксаркосе какое-то глубокое внутреннее спокойствие в противоположность Кэти Берджесс: это было спокойствие жизни, а не смерти.

Кадик вспомнил, что сказал священник когда-то давно, когда Флинн спросил его о верё. *Мы ходим на бесплодных мутан-*

тов — мы несем в себе семена исполнения величайшего плана, но они умрут вместе с нашими телами. Для себя, по крайней мере. Эксаркос высказал простую истину.

В иные времена, подумал Кадик, в этом человеке могло бы проявиться величие. Но он слишком поздно стал змеем. Семя, которое он несет, никогда не прорастет. Он уйдет во тьму, как и все мы. И мне кажется, он понимает это, но не испытывает к себе никакой жалости. Человек может представляться какой угодно трагической фигурой, однако, наедине с собой он остается всего лишь человеком.

— Эти проблемы нужно решать, — говорил Сеу, — но это породило бы еще больше проблем, если бы я высказал их на очередном заседании Совета. Начнутся многочасовые споры, которые, в конечном итоге, ни к чему не приведут. — Он чуть поднял руку и тут же вновь положил ее на стол. — Может, это было бы к лучшему. Я признаю, что не способен решить эти проблемы, и хочу, чтобы вы помогли мне.

Они сидели втроем в зале для приемов в ратуше. В конце его к стене была прислонена трибуна для выступлений с расколотым основанием: последнее собрание две недели назад закончилось ссорой и дракой, последствия которой еще не были до конца ликвидированы. Когда все же просочились новости о войне в Галактике, потому что невозможно ничего долго держать в тайне, первой реакцией была ошеломленная апатия, которая чуть позднее опасно близко подошла к массовой истерии. Нравы в Кварталах были простые, настроение — непредсказуемое. Произошло несколько драк, — в основном в русском секторе, и с полдюжину самоубийств. А бомбежки продолжались. К настоящему времени уже больше тридцати светил завершили свой путь смертоносными вспышками.

— Не думаю, — устало сказал мэр, — что кто-то станет сомневаться, что, если мы не станем ничего делать, то произойдут изменения в политике *ниори* по отношению к нам. Было достаточно плохо, когда мы единственные совершали преступления — в Кварталах и подобных гетто на других планетах. Но теперь уже не отдельные представители, такие, как Оран Зидх, обеспокоены нами и считают нас отвратительными. Все *ниори* на планете теперь изменили свои мнения и думают о нас точно так же. И, насколько я понимаю, единственное, что мы можем сделать — это полностью изменить нашу собственную политику. Мы должны признаться, что здесь, в Кварталах, иногда совершали убийства, что мы предоставляли кров активистам и лгали об этом — и объяснить причины, почему мы так поступали. После этого, поло-

жившись на их милосердие, мы должны добровольно предложить свою помощь в борьбе с Рэком. Вопрос в том, принесет ли это нам больше пользы, чем вреда. — Он по очереди взглянул на сидящих. — Не думаю, что кто-то из нас может утверждать, что полностью понимает *ниори*, но, возможно, кто-то из вас сумел добраться до сути, что ускользнула от меня. Что вы думаете?

— Это очень опасно, — секунду подумав, сказал Эксаркос. — Мы имеем здесь дело с существами, которые не понимают, что такое грех. И теперь мы вынуждены заставить их понять это. Боюсь, я не уверен, что они расценят это наше признание, как раскаяние — потому что, видите ли, раскаяние не существует без греха. Мне кажется, они вообще не понимают, что такое раскаяние. Мне кажется, что, вынужденные после такого нашего заявления понять, что мы можем лгать, они, скорее всего, придут к заключению, что само это заявление — тоже ложь. Я понятия не имею, что тогда они сделают. Это для них совершенно новая, беспрецедентная ситуация. А что скажете вы, Ласло?

— Я согласен с вами, — медленно проговорил Кадик, — но думаю, что можно все-таки попробовать план Сеу. Сам я думаю, что мы будем высланы отсюда независимо от того, что мы сделаем. У меня нет надежды, что Кварталы оставят в покое. Но мне кажется, нужно попробовать сделать то, что возможно.

Как только он закончил, на улице кто-то закричал. Хлопнула дверь, на лестнице послышались бегущие шаги.

Сеу встал и пошел к окну. Но прежде чем он дошел, дверь распахнулась и в зал сунул голову Ли Фэр.

— Мисс Берджесс! — крикнул он. — Она идет по улицам без одежды!

Сеу замер на половине шага, затем пошел дальше и открыл ближайшее окно. Кадик и священник подбежали к нему.

Они увидели с высоты третьего этажа, как по залитой солнечным светом улице идет прямо посередине стройная фигурка цвета слоновой кости. Она уже миновала ратушу и направилась к Россия-Стрит, прямо к русскому сектору. Шла она медленно, опустив руки и не глядя по сторонам.

Позади нее уже начала собираться толпа, два юнца подошли к ней и заговорили, протягивая руки, чтобы дотронуться до нее. Трое молодых людей Сеу стояли на тротуаре и глядели на окна ратуши, ожидая распоряжений.

— Мисс Берджесс! — крикнул Сеу.

Она не повернулась и не остановилась.

— Ласло, — сказал мэр, — ее нужно остановить. — И когда Кадик уже двинулся к дверям, он услышал, как Сеу крикнул из окна своим людям: — Быстро бегите за доктором!

Кадик бегом спустился по лестнице и окунулся в яркий солнечный свет. Кэти уже почти дошла до конца квартала. Толпа росла. Когда Кадик подошел к ней, то увидел, что губы ее крепко сжаты, а лицо пылает гневом, хотя она по-прежнему глядела только вперед.

Тело ее было незрелым: тонкие, почти детские бедра, груди величиной с кулачок. Кожа чистая и на вид мягкая, как у ребенка. Девственная, подумал Кадик, тут же вспомнив, что это слово было синонимом «обольстительная». Он встал перед ней и взял ее за руку.

— Пожалуйста, пойдемте со мной, Кэти, — сказал он.

Она вырвала руку быстрым, гибким движением.

— Почему вы не оставите меня в покое? — сказала она.

Она глядела прямо на него, но Кадик понял, что она его не видит. Глаза у нее были остекленевшие, а зрачки так расширились, что закрывали всю радужную оболочку.

Кадик попытался снова преградить ей дорогу, но ему помешал один из двух юнцов. Теперь он увидел, что это Ред Горсиак. Сын виноторговца. Ему было не больше шестнадцати, но он был таким же высоким, как Кадик, и почти таким же широкоплечим. Лицо у него было раскрасневшимся, губы пухлыми, уши порозовели.

— Конечно, оставьте ее, мистер Кадик, — заявил он хриплым голосом. — Она не хочет, чтобы вы лезли к ней.

— Не вмешивайся, Ред, — сказал Кадик и попытался пройти, но Ред перегородил ему дорогу, став между Кадиком и девушкой, и бросил через плечо:

— Хватай ее. Стэн!

Вторым юнцом был Стэнли Элефтерис. Естественно. Кадик перенес вес на левую ногу, блокировал уже поднятую руку Горсиака и нанес ему удар в челюсть. Горсиак полетел на землю и не спешил подняться.

Элефтерис стоял за Горсиаком, в двух шагах от Кэти: тонкий, с негабаритным носом и оттопыренными ушами, и бледным юношеским пушком на щеках. Он перевел взгляд с Горсиака на Кадика, и челюсть его отвисла. Когда Кадик шагнул к нему, он быстро отскочил.

— А я что? Я ничего не сделал! Почему вы хотите избить меня? — залепетал он.

Толпа собралась вокруг них полукругом: несколько русских и поляков, несколько греков, пара китайцев. Кадик понял, что ситуация грозит перерасти в полномасштабную драку, но у него не было другого выбора. Он должен был сбить Горсиака с ног, иначе эта парочка юнцов оказалась бы у него за спиной, когда он попытался бы увести Кэти. Даже теперь могли бы возникнуть проблемы.

– Девушка больна, – сказал он, тщательно выговаривая слова. – Кто-нибудь помог бы мне увести ее, потому что я не хочу причинять ей боль.

– Я не больна, я в порядке! – яростно выкрикнула Кэти. – Почему вы не оставите меня в покое?

Кадик шагнул вперед и схватил ее правую руку за запястье и локоть. В ее тонком теле была сила ярости. Кадик с трудом удерживал ее, в то время как она била его по лицу и груди, пинала по ногам и даже пыталась укусить. Это продолжалось секунд шесть, затем вышел вперед какой-то грек средних лет и схватил ее за вторую руку.

Кэти стояла, дрожа, между ними, по щекам ее текли слезы.

– Неужели мне никто не поможет? – жалобно выкрикнула она. – О! Зачем вы так?

Потом она испустила пронзительный вопль и опять начала отбиваться, выгнулась, откинув назад голову и корчась, как в муках.

Сквозь толпу, тяжело дыша, пробился доктор Москович. Он бросил на тротуар свой чемоданчик, открыл его и достал шприц для подкожных инъекций. Прижав тупой конец шприца к левому плечу Кэти, он нажал курок. Через несколько секунд ее напряженное тело расслабилось, и она упала бы, если бы Кадик и грек не поддержали ее.

Подошли двое санитаров и положили Кэти на носилки. Она дышала спокойно, полураскрыв губы, скрестив руки на груди. Влажные пряди волос закрывали ей глаза.

Больница находилась в узком трехэтажном здании на Бразилия-Стрит, почти точно в центре Кварталов. В подвале был морг; на первом этаже приемная, поликлиника и хирургия, а наверху – больничные палаты. Здесь всегда стоял запах, который совершенно не походил на больничные запахи, которые Кадик знал на Земле. Были в нем знакомые элементы, но их заглушали чуждые ароматы: галактические лекарства и антисептики, сказавшие новое слово в человеческой фармакологии.

Московиц сидел за маленьким столом, загроможденным незаполненными бланками и историями болезни. Большую часть стола занимала подставка с бутылочками, на которых были наклеены ярлыки. Московиц выглядел очень усталым. Глаза его были внимательными и сосредоточенными, но вокруг них собрались морщинки.

— Насколько я выяснил, — сказал он, — она просто шла домой с работы, и вдруг принялась раздеваться прямо посреди Вашингтон-авеню.

— Верно, — сказал Сеу, — там мы и нашли ее одежду. Насколько я понял, она ни с кем не желала говорить, просто шла прямо вперед. Как сказал Ласло, она выглядела разъяренной, когда он остановил ее.

— Да, — кивнул Московиц, приподнял один конец карандаша и тут же уронил. — Мне бы помогло, если бы мы сумели узнать, что послужило этому причиной. Вы что-нибудь узнали, когда попытались найти *ниори*, на которого она работала?

— К сожалению, никто не помнит его имени.

— Селф... и что-то еще, — сказал Кадик. — Она назвала его мне в прошлом месяце, когда только что получила работу. Но это все, что я могу вспомнить.

— Я послал сообщение Орану Зидху, — сказал Сеу. — Думаю, он найдет этого *ниори*.

Московиц поднял бровь.

— Но это ведь против нашей политики, не так ли?

— Думаю, — пожал плечами Сеу, — мы не должны волноваться о том, что *ниори* узнают, что кто-то из нас сошел с ума. Я лишь сожалею, что мы не нашли способа скрыть тот факт, что все мы безумны.

Московиц криво усмехнулся.

— Вы верны себе, мистер Сеу, — кивнул он. — Не знаю, насколько серьезно вы это сказали, но я должен вам кое-что сказать. Причина, по которой мы так и не научились лечить психические заболевания дома, на Земле, кроется в том, что у нас никогда не было эталонной психики, на которую мы могли бы указать и заявить: «Вот это здоровый ум. Мы все должны равняться на него». Мы ходим на тех людей, что переделывают у себя в гараже старенькие «форды», пытаясь сделать из них новые «кадиллаки». Но это же невозможно. Лучшее, что у нас получится, это машина, способная хоть как-то ездить. Но и это не всегда получается.

— Арнольд, а вы что-нибудь узнали о психиатрии *ниори*? — с любопытством спросил Кадик.

Московиц печально покачал головой.

– Нет. Такой просто не существует. Галактические расы просто никогда не съезжают с катушек. Ну, я, конечно, слегка преувеличиваю, но это случается крайне редко. Возможно, несколько раз в столетие. Но когда это происходит, они просто не знают, что с этим делать.

– Выходит, у нас слишком много сумасшедших, а у них слишком мало, – прокомментировал его слова Кадик.

– Так и есть. И это понятно. Существуют болезни, которые никогда не описывались, потому что были лишь единичные случаи их появления. Чтобы найти способ лечения скоротечного загнивания ногтей на пальцах ног, нужно найти ряд больных этим, чтобы их изучать. Но если вы не найдете таких больных, то ничего и не выйдет. С другой стороны, если этой болезнью страдают все, то вы не знаете, болезнь ли это вообще, и в чем тогда заключается здоровая норма. В этом случае можно лишь действовать наугад – чистой воды эмпиризм. Иногда это срабатывает.

– Из всего этого я понял, – сказал Сеу, – что вы не можете сделать прогноз об излечении мисс Берджесс.

– Нет, – покачал головой Московиц, – если не увижу сегодня ночью вещий сон, составлю гороскоп или что-нибудь в этом роде. Я нажму на все кнопки, какие знаю, но все находится в ее руках. Она может через месяц избавиться от этой болезни, или на это потребуются пять лет, а может, она вообще никогда не выздоровеет. Конечно, я не скажу это Берджессу, – добавил он. – У него своих проблем по горло. Между прочим, вы оставили кого-нибудь присматривать за ним?

– Я оставил с ним одного из своих помощников, – ответил Сеу. – Он очень встревожен. Хочет увидеть дочь и, боюсь, он добьется своего.

Кадик поднялся.

– Я загляну к нему по пути домой, – сказал он. – Может, пойдете с нами, Арнольд?

Прежде чем Московиц успело ответить, открылась дверь. Повернувшись, Кадик увидел, что в кабинет вошли два *ниори*. Одного Кадик узнал по отличительным знакам на плоской броне головы – это был Оран Зидх. Другой был ему незнаком.

Оран приветствовал их официально на своем языке и сказал:

– Это ученый Сеф Эшон. Сеф Эшон, представляю вам мистера Кадика, доктора Московица и мэра Сеу.

После того, как они обменялись приветствиями, Московиц сказал *ниори*:

– Это вы наняли Кэти Берджесс?

– Это я. Мне сказали, что она больна. Я приехал дать то, что смогу, чтобы помочь. Надеюсь, болезнь не опасна.

– У нее болен разум, – сказал ему Московец.

Ниори издал резкий скрежещущий звук, выражающий удивление.

– В таком случае, я не могу оказать помощь. Она не была душевно больной, по моему восприятию, когда уходила от меня.

Он провел многочленной «рукой» по светящему полупрозрачному гребню у себя на голове – все равно как лысый человек, потирающий свою лысину. Кадик счел это жестом, выражающим смесь веселого изумления и отчаяния. Если только верно, что они почти что являлись людьми и вообще могли испытывать подобные эмоции.

– Ученый Эшон, – спросил Московец, – она подвергалась какому-нибудь необычному эмоциональному напряжению во время последней вашей сессии?

Этот вопрос было трудно перевести на язык *ниори*, и он несколько раз споткнулся.

Сеф Эшон, казалось, не понял его. Московец попробовал спросить еще раз в другой форме. Наконец, ученый *ниори* сказал:

– Я не уверен, что правильно вас понял, доктор Московец. Конечно, она испытывала чувства ко мне, но ведь это не вредно для вашей расы?

Черты лица Московца внезапно напряглись. Запинаясь, он сказал:

– Иногда, когда одни эмоции входят в противоречие с другими, или когда появляются эмоции, не подходящие к объекту, на который были направлены, они могут служить фактором инициации психического заболевания.

Сеф Эшон колебался, повернулся и быстро обменялся несколькими словами на языке *ниори* с Ораном Зидхом. Кадик понял, что они сказали примерно так: «Вы понимаете, о чем он сказал?» и «Не уверен, что они сами понимают себя».

Затем ученый обратился к Московцу:

– Эмоциями, которые Кэти Берджесс испытывала ко мне, являлись восхищением, уважением и любовью. В моем понимании, эти эмоции не могут никому навредить.

– Она выразила эти эмоции словами во время вашей последней встречи? – спросил Московец.

– Она так сделала.

– Вы можете вспомнить, какие она использовала слова?

Ниори на мгновение задумался, затем, почти идеально подражая высокому, чистому голосу Кэти, почти без акцента сказал по-английски:

– Вы такой замечательный. Я никогда не встречала такого, как вы. Кажется, я люблю вас, Сеф Эшон. – Затем он добавил уже своим голосом: – Она произнесла эти слова на своем языке, затем перевела их. – И он повторил те же предложения на языке *ниори*.

Московиц искоса взглянул на Сеу и Кадика, затем осторожно сказал:

– Спасибо. Вы были очень любезны, Сеф Эшон.

– Затем она погладила пальцами мою верхнюю левую конечность, – добавил ученый. – Я пытался восстановить все подробности, которые могут быть полезными, хотя все еще не понимаю, что вы имели в виду, сказав об «объекте» эмоций.

– Это трудно объяснить... – сказал Московиц, снова искоса взглянув на своих товарищей.

– Возможно, я сумею внести ясность, – сказал *ниори* Сеу. – Давайте, я попытаюсь. Слово любовь означает у нас не только беспредметную привязанность, но и к особенно сильному чувству, которое один человек испытывает к другому, к тому, с кем хочет спариваться. По самим словам и интонации, с которой Кэти говорила с вами, вполне ясно, что именно такую любовь она и имела в виду. Она уже дважды потерпела неудачу в выборе своей пары среди нас, поэтому обратилась к вам, отчаянно пытаясь вступить в нормальные отношения. Но в то же время она прекрасно знала, что союз одной расы с другой невозможен, и этот конфликт эмоций с реальностью, как сказал доктор Московиц, сделал ее безумной.

Оба *ниори* застыли на месте, как показалось Кадику, на целую минуту. Затем Сеф Эшон произнес официальным тоном:

– Рад был помочь. Удовлетворения всем вам.

И повернулся к двери.

Оран Зидх задержался, чтобы сказать Сеу:

– Мне хочется переговорить с вами позже, неофициально.

– Я прибуду в ваш офис через полчаса, – ответил Сеу.

– Вы очень добры. Удовлетворения вам.

И он вышел вслед за другим *ниори*.

– Вы потрясли их, – через секунду сказал Московиц. – Вы должны были позволить мне скрыть это.

– Мы скрывали это больше двадцати лет, – устало ответил Сеу. – Не думаю, что теперь мы причиним больший вред, говоря правду.

КЛАДБИЩЕ КВАРТАЛОВ занимало почти акр земли, окруженный деревьями, в предместьях Города. Там у мертвых было достаточно места, чуть ли не больше, чем когда они были еще живы. *Ниори* выделили этот участок, хотя он уродовал таким образом план Города, и привезли надгробные плиты из синтетического камня, по которому легко было резать и который позже твердел настолько, что не поддавался уже ни инструментам, ни действию непогоды. За кладбищем плохо ухаживали, но у каменных плит, розовых или цвета прозрачного жемчуга, была определенная красота. Для *ниори* сама идея кладбища заключалась лишь в этой красоте. Они не могли понять болезненное стремление человечества к собственной падали.

Кадик пошел на похороны Берджесса, которыми заправлял притворно-сердечный протестантский пастор Келлин, и по пути рассматривал изображения на надгробных камнях, аккуратно поделенных на православных, протестантов, буддистов, даосов и неверующих. Именно такие символы изображались на них. Сам же Кадик представлял себе только один подходящий к месту символ: большой земной шар в бесконечности космоса, крошечная искорка, на которой когда-то жил творческий разум, ставший теперь лишь бледными надгробиями за темным занавесом смерти.

Он ничего не чувствовал, стоя у могилы Берджесса и глядя, как падают в нее комки дерна. Что можно сказать о человеке, когда он уже мертв? Слова пастора были фальшивы, как бывают фальшивы все такие слова. Они были неуместны – ведь человек уже мертв. От него ничего не осталось, кроме распадающихся молекул тела и обрывочных, искаженных воспоминаний в умах людей, которые окружали его. Он был просто именем, начертанным на воде.

Это был уже не Берджесс, думал Кадик, как и имена, вырезанные на этих кладбищенских плитах не являются реальными мужчинами и женщинами. Кладбище – просто символ, символ зияющей пустоты.

Когда Кадик глядел на звезды, они искрились холодным блеском смерти, и он чувствовал ледяную неподвижность пустоты между ними.

Человек всегда обращает лицо к некоей смутно ощущаемой цели, было ли это изображение солнца, напоминающее о теплых деньках детства и юности, или яркое, твердое, как сталь, звучное имя, символизировавшее в его далеком детстве мужественность – социалистическое Мировое Государство, Закон о причине и

следствии, Царство Божие, — или громадное небытие, чистая трансцендентальность, которая ломает человека и вовлекает его в темноту, когда он стареет.

Кадик подумал обо всех словах, о миллиардах слов, которые казались такими важными, когда их произносили. Можно было жить словами, жить в ослеплении, что ничего не существует, помимо слов, ткать неустанно из них яркие, сложные структуры, которые потом всегда разрушались и заменялись другими. И лишь в конце, когда вы приближаетесь к темной завесе, их гипнотический гул затихает у вас в ушах, а дальше — тишина!

Величественность этой тишины лишает вас дара речи, вы видите Вселенную, как никогда прежде, и чувствуете все то, чего раньше не замечали.

И еще одним был поглощен Кадик: он часто думал о Земле, представлял, как тьма наползает на земной шар, как черные континенты расплываются в сером океане, и лишь несколько точек городов светятся в вечной ночи. Или, если он думал о городах, то представлял их потонувшими в темноте: башни и арки растворяются в ночи, слабый лунный свет лишь делает тени твердыми, как камень, а камни иллюзорными, словно туман.

Земля также стала символом смерти.

После того, как Берджесс отравился, больше не было ни самоубийств, ни бунтов. Кадик казалось, словно Кварталы стоят, залитые жидкостью более тяжелой, чем воздух. Движения все стали замедленными, звуки приглушенными и не отдавались эхом. Люди разговаривали с ним, и он отвечал, но машинально, словно их на самом деле и не было.

Даже новости о поражении Рэка заставили его очнуться лишь на мгновение, и Кадик по лицу Сеу понял, что китаец не удовлетворен этой новостью, даже когда передавал ее. Галактический флот, значительно расширившийся, встретил силы активистов с новым оружием, — которое все же не убивало, но все равно было позорным для граждан Галактики. Это оружие замораживало часть функций мозга, делая жертву неспособной к последовательному мышлению: она не могла сложить два и два, зажечь сигарету или пустить торпеду. После этого было захвачено одиннадцать кораблей Новой Земли, и считалось, что это все боевые корабли активистов, так как с тех пор больше не было никаких нападений.

Кадик не думал, что может произойти что-то еще, что пробудит его от апатии. Но он забыл про одну возможность. Сеу приехал к нему в «Чон Юинь», где место отца занимал теперь старший сын Юиня Фу, и сказал:

– Рэк не захвачен. Он здесь.

Кадик сидел с чашкой, замершей на полпути от стола к губам, и долгую-долгую секунду смотрел, как яростно дрожит его рука. Затем он поставил чашку.

– Где? – спросил он.

– В «Малой Медведице». Туда уже направилось полгорода. Вы хотите пойти?

Кадик медленно поднялся.

– Да, – сказал он. – Я полагаю, да.

Он чувствовал, как напрягается все его тело, как это напряжение растекается по спине, плечам и рукам.

Когда они добрались до угла Церковнословенской и Вашингтона, то увидели рассеянные группки людей, спешащих перед ними. У дверей «Малой Медведицы» собралась густая толпа, и они испытали затруднение, пытаясь пройти. Люди охотно расступались перед Сеу, вот только расступаться почти не было места.

Внутри было еще хуже. Лестница была забита, и подняться по ней не представлялось никакой возможности.

– Есть еще задняя лестница, – пропыхтел Сеу и принялся пробиваться к служебным помещениям, таща за собой Кадика, пока они не увидели бармена.

Давка была здесь не такой большой, и они смогли добраться до него.

– Вы можете провести нас в обход? – спросил Сеу.

Русский кивнул, нахмурился и приложил палец к губам. Следуя за ним, они прошли через двери на шарнирах в темную кухню и к узкому запасному выходу. Бармен отпер дверь наверху и помог им открыть ее, несмотря на давление прижатых к ней с той стороны людей.

Длинный зал был полон табачным дымом, запахом пота и спертого воздуха. Потные лица собравшихся блестели в ярком желтом свете ламп под потолком. Единственным свободным квадратом был стол у стены справа от Кадика, на котором стоял Рэк.

Кадик ясно видел его через головы стоящих впереди. Рэк стоял, расставив ноги для упора и раскинув руки. Кожаная куртка была, как всегда, накинута на плечи, словно плащ.

Он был один. С ним не было ни Сильнейшего Удара, ни Гаечного Ключа, ни Тома Де Граса.

Рэк говорил негромким, отчетливым голосом. Обрывок предложения был Кадиду непонятен, затем он услышал:

– После этого мы получили его. Они сами отдали его нам. – Рэк сжал кулаки, но они тут же разжались. – Они перехватили нас через три минуты после того, как мы вышли из подпростран-

ства на орбите у Новой Земли. Двенадцать боевых кораблей, весь флот. Мы выстроились в линию после того, как затормозили, и скорость стала ниже световой. «Фермопилы», «Тур», «Ватерлоо», «Замок Тьер», «Дюнкерк», «Ленинград», «Акр», «Вэлли Фордж», «Хиросима», «Сан-Франциско» и, разумеется, флагман «Армагеддон». Мы не знали, что они ждут нас там – они были за пределами наших датчиков. Мы были для них легкой добычей. Мы узнали об их присутствии, когда связь с передовым кораблем, «Фермопилами», прервалась вдруг на середине фразы. Через пять секунд то же самое произошло со связью со следующим кораблем. Нам потребовалось бы две минуты, чтобы набрать скорость и уйти в подпространство, но мы знали, что не успеем. Они захватывали корабль за кораблем каждые шесть-восемь секунд. Люди ждали от меня приказаний, но мне нечего было им приказать. Внезапно Де Грас обернулся и поглядел на Сильнейшего Удара и Гаечного Ключа. Те кивнули и подскочили ко мне. Я не знаю, что было дальше. Может, я ударился головой о палубу при падении, а может, меня поразило это дьявольское оружие... – Он снова стиснул и разжал кулаки. – Когда я пришел в себя, то лежал в кресле индивидуальной спасательной шлюпки, летевшей с ускорением в десять «ж». Возможно, меня сунули в нее и пульнули в пространство перед тем, как «Армагеддон» накрыло. Я сориентировался, взялся за управление и вернулся. Я успел увидеть свой флот, который конвоировали галакты, буксируя корабли в направлении Альтаира. Они еще не вошли в подпространство. Я прокрался к ним – там было больше сотни таких же маленьких шлюпок и разведчиков, и пролетел в тот же люк, из которого была пущена моя шлюпка, потом вышел и направился в рубку управления. Команда все еще была там, они все были живы. Но это были уже не люди. Они лежали на палубе, не реагируя ни на что. Рты у них были открыты, они пускали слюни. – Рэк словно с трудом повертел головой, глядя по сторонам. – Полные идиоты, – сказал он. – Они не могли сами есть, встать или сесть. Но они спасли меня. Я сел за управление, но не торопился убегать. А вот когда они начали входить в подпространство, я просто выбрал другой курс. Я был уже на семьдесят световых лет от них, прежде чем они поняли, что происходит. У меня был корабль, неповрежденный корабль, но не было команды. Я мог управлять кораблем вручную, но не мог одновременно вести бой. Я прилетел сюда, оставил «Армагеддон» на низкой орбите и спустился на шлюпке. Я хочу вернуться и узнать, как эти пожиратели слизи сотворили с нами такое, и отплатить им той же монетой. Мне нужно двадцать человек.

Наступила тишина.

– Вы будете сражаться за род человеческий? – спросил Рэк, понизив голос.

– А что вы сделали с остальной командой? – прокричал чей-то голос.

– Я устроил им воинские похороны в космосе, – ответил Рэк.

Тишина прервалась, по толпе понесся тихий ропот.

– Я с удовольствием отдал бы жизнь за этих людей, – резко сказал Рэк, – как они сделали это для меня. Но они были уже мертвы. Может, и существует способ восстановить разум человека после того, как с ним сотворили такое, но лишь паразиты знают его. Меня бы тоже похоронили в космосе, как я похоронил их.

– Вы что же, Бог, а, Рэк? – раздался тихий голос.

– Я не Бог, – быстро ответил Рэк. – А вот вы – человек?

Снова раздался ропот, быстро затихший, когда в дальнем конце зала возникло движение: кто-то пробирался к Рэку. И в тишине еще один тонкий голос сказал:

– Мой Деметриос... Мой Александер...

Это был Мулиос, выкрикивающий имена двоих своих погибших сыновей.

К краю стола, на котором стоял Рэк, протиснулся живописец Векшин, побагровевший, с упавшим на лоб локоном темных волос.

– Да, я человек! – прокричал он. – А вот как называть вас – убийца? Вы прилетаете сюда, по уши измазанный кровью, словно ласка из курятника, и мы что, должны пожалеть вас, потому что вам больше не позволяют безнаказанно убивать? Ну, как же! Рэк превыше Бога!..

Рэк не шевельнулся.

– Я убивал ваших врагов, – спокойно сказал он, – пока вы сидели по домам и пили чай.

– Врагов? – взревел Векшин. – Это вы враг, Рэк!

Он схватился за край стола и с усилием поднялся на него.

Рэк не шевельнулся. Он подождал, пока русский залезет на стол, затем шагнул вперед так плавно, что это могло показаться случайным движением. Мелькнули два кулака. Один поразил Векшина в живот, другой – в челюсть. Упали пятеро стоявших перед столом, когда на них рухнуло тело художника.

Рэк шагнул назад.

– У меня очень маленький запас терпения, – сказал он, – но если здесь кто-то еще недоволен, путь идет сюда.

Двое мужчин двинулись к столу, собираясь взобраться на него. Рэк положил руку на пояс, где висел пистолет, и они остановились.

Рэк глядел на толпу. Внезапно он показался утомленным, и Кадик подумал, что, должно быть, он уже долго обходился без сна.

— Даю вам последнюю возможность, — сказал Рэк. — Я не пытаюсь вас обмануть. Я не обещаю вам ничего: ни славы, ни жизни, ни даже того, что ваша жизнь будет потрачена не зря. Но если здесь есть человек, который пойдет служить на «Армагеддон», в последний бой за человечество — пусть поднимет руку!

Долгую секунду стояла тишина. Рэк резко повернулся и сказал людям, стоявшим впереди Кадика:

— Назад!

Тишина держалась еще мгновение, пока люди у стола пытались расступиться, затем шум хлынул лавиной. Когда Рэк спрыгнул со стола, толпа двинулась на него, уже не как аудитория, а как неуправляемая толпа. Кадик почувствовал, как ему давят в спину, мелькнуло лицо Рэка, затем раздался оглушительный выстрел.

Больше выстрелов не последовало. Кадик был стиснут в самом центре бурлящей массы. На расстоянии в несколько футов он увидел Сеу. Рот мэра был открыт, он что-то кричал, но его слова заглушал рев толпы.

Внезапно опять появился Рэк, идя прямо на Кадика и расшвыривая людей. Низ его лица был залит кровью, куртка и фуражка исчезли, рубашка порвана.

Кадик почувствовал, как ему стискивают горло, освободил одну руку и ударил Рэка в лицо.

Мельком он увидел бледные глаза Рэка, уставившиеся на него со странным выражением: глаза Цезаря или Христа, грустные, укуоризненные. Затем толпа снова наперла, дверь на заднюю лестницу распахнулась, и Рэк исчез.

Кадика с полдюжиной других человек выдавило из двери. Он увидел, как Рэк прыгает по ступенькам, кулаками пробивая себе дорогу.

Глубоко вздохнув и даже не удивляясь тому, что собирается сделать, Кадик схватился руками за перила и перепрыгнул через них. За секунду дикого, ошеломляющего полета он увидел перемещающееся под ним тело Рэка, затем почувствовал удар.

Ошеломленный и оцепеневший, Кадик смотрел, как Вселенная качается перед ним, словно гигантский маятник. Появлялись

и исчезали чьи-то лица, неразборчиво звучали слабые голоса, потом кто-то отодвинул его.

Какое-то время спустя в голове прояснилось, и наступила тишина. Он лежал у подножия лестницы, левая рука на нижней ступеньке. Рэка не было. Не было вообще никого.

Кадик осторожно шевельнулся и был награжден целым букетом самых разнообразных болей. Но, очевидно, кости сломаны не были. Он чувствовал себя слабым, каким-то пустым и боялся, что его может вырвать. Он медленно приподнялся и сел на ступеньке, затем опустил голову на трясущиеся колени.

Услышав шаркающие по бетонному полу шаги, Кадик поднял голову. Это был Сеу.

Китаец с тревогой смотрел на него.

— Вы в порядке?

— Да. Мне так кажется. Бывало и лучше.

— Хотите встать? Вы спрыгнули или упали?

Кадик наклонился, пробуя, хватит ли силы бедер, чтобы подняться, и Сеу подставил плечо, чтобы помочь.

— Я спрыгнул, — сказал Кадик. — Что было потом?

— Толпа тащила меня за собой, и я не мог остановиться, чтобы узнать, как вы. Они вынесли Рэка на улицу. Может, он был без сознания, а, может, и мертв.

— И?..

— Они разорвали его на куски, — сказал Сеу. — Я видел много плохого за двадцать лет жизни здесь, но с этим ничто не сравнится. Я думаю, на полчаса мы все обезумели.

Они пошли к выходу из кухни, Сеу поддерживал Кадика.

— Не знаю, почувствовали ли это вы, — натянуто сказал мэр, — но мне показалось, что Рэк внезапно стал олицетворять все — не только бомбежки, но и Кварталы, Галактику, Землю, — все, что мы возненавидели. Это было чувство освобождения, своего рода экстаз... Осторожно, не споткнитесь — порог.

— Козел отпущения, — невнятно проговорил Кадик.

— Да... Знаете ли, Оран Зидх видел все это. Он был там, когда толпа вывалила на улицу. И видел все это. Кварталам конец, Ласло. После такого отсрочек больше не будет.

Кадик мельком взглянул на пухлые пальцы Сеу. Кожу покрывала тонкая пленка крови, и темные линии очерчивали каждый ноготь.

Кадик стоял на вершине пологого холма у начала Вашингтон-Авеню и глядел вниз на Кварталы. Только-только погас закат, и уличные фонари бросали на тротуары одинокие круги света.

Улицы были пусты. В Кварталах никого не осталось, кроме одного работника на электростанции. Когда настанет срок, он щелкнет выключателями и уйдет. Тогда Кварталы будут окончательно мертвы.

Указ *ниори* поступил в среду утром, после смерти Рэка. Им дали четыре дня, чтобы собраться, упаковать вещи и завершить все дела. Товаров у Кадика было немного, а личных вещей и того меньше. Он был готов уже два дня назад.

Свежий вечерний ветерок облепил брюками голени Кадика и взерошил волосы на голове. На востоке Кадик увидел несколько бледных звезд.

Несколько сотен человек уже улетели аэрокарами на космодром. Кадик, Сеу, Эксаркос и еще несколько человек, по безмолвному соглашению, заняли места в конце очереди, решив улететь последними.

Кадик взглянул на Сеу. Маленький китаец стоял, сунув руки в карманы, ссутулив плечи, и тупо глядел на Кварталы. Через секунду он отвернулся, улыбнулся с несчастным видом и пожал плечами.

— Абсурдно испытывать тоску по дому, не так ли? — сказал он. — Это было всего лишь гетто, у нас там не было корней. Оно было ограничено невидимыми заборами, в нем воняло, и там мы боролись друг с другом еще более злобно, чем на Земле. Но двадцать лет...

— По крайней мере, мы могли притворяться, что у нас есть корни, — ответил Кадик. — У нас теперь вообще нет родины. Возможно, в конечном итоге, мы будем счастливее, если примем эту позицию.

— Я очень в этом сомневаюсь.

— Да я тоже.

Справа от Кадика сидел на своем чемодане отец Эксаркос, положив руки на бедра.

— Если бы я был верующим, Астереос, — сказал Кадик, — думаю, мне стало бы лучше, если бы я исповедовался вам и получил прощение.

— Разве у вас такие ужасные грехи, Ласло? — сухо, но дружелюбно ответил священник.

— Я убил человека, — сказал Кадик, — хотя и не совсем своими руками. Я перепрыгнул через перила лестницы и остановил Рэка. Если бы не я, он мог бы быть сейчас далеко. Не знаю, правильно ли я поступил. Возможно, он больше никому не причинил бы вреда, потому что остался один. Во всяком случае, его рано или поздно схватил бы галактический патруль. И если бы

он ушел, мы не дали бы *ниори* еще одну соломинку, которая переполнила чашу наших прегрешений. В свете этого, нас выслали отсюда из-за меня.

— Нет, Ласло, — сказал Сеу.

— Вам не из-за чего упрекать себя, — добавил Эксаркос. — Вы были лишь орудием истории, друг мой, причем очень незначительным орудием. И скажу вам от своего имени, а не от имени церкви, Рэк заработал право умереть.

По крайней мере, это было так иронично, что соответствовало всему остальному, подумал Кадик. Кадик, человек бездействия, прыгает с лестницы, чтобы убить убийцу. И жителей Кварталов выселяют, причем не за то, что представитель их расы убил больше миллиарда галактов, но потому, что они убили именно этого человека.

Это было одним маленьким знаком, хорошим аспектом всей ситуации. И было еще кое-что: по крайней мере, толпа выплеснула давно копившееся напряжение. Теперь худшее, что могло произойти, произошло. Нить судьбы была перерезана. Проблема, вызывающая напряжение, была разрешена, и новых пока не предвиделось.

Земля была на расстоянии двух месяцев пути. Кадик ничего не ожидал и ни на что не надеялся. *Ниори* согласились высадить каждого человека в том месте земного шара, которое выберет он сам. Каждый, по крайней мере, мог выбрать свое чистилище. Экипажи захваченных кораблей и жителей Новой Земли тоже выслали на Землю. Поразившее их оружие не нанесло непоправимого ущерба. Их только предстояло обучить всему заново, им предстояло учиться и учиться, словно они опять стали детьми.

Сеу выбрал Северную Америку, где, как он надеялся, толстому космополиту будет легче выжить, чем в Европе или в Азии. Москovic в свое время улетел из Нью-Йорка, туда же и возвращался. Кэти Берджесс летела в Англию, откуда, как предположил Кадик, она была родом. Эксаркос для начала должен был отправиться в Стамбул за новым назначением. Он понятия не имел, куда его пошлют после этого. Сам Кадик еще не решил. У него была мысль пойти со священником. Но ничего не было бы страшного, если бы он передумал после приземления. Одна дикая местность, как когда-то сказал Эксаркос, ничем не хуже другой.

Все будет разочарованием, подумал Кадик, и, возможно, вообще все на Земле окажется одним бесконечным разочарованием.

Сейчас, в этот момент, мы проходим переломный этап, подобный смерти, а что будет позже, уже не имеет большого значения.

Интересно, подумал он, а как это будет — снова почувствовать себя землянином? Репатриационный корабль будет последним галактическим кораблем, который опустится на Земле. А вокруг планеты будет установлен постоянный кордон. *Ниори* учились, запоздало, но все же учились. Если Человечество когда-нибудь достигнет высот развития, чтобы снова дотянуться своими кровавыми пальцами до звезд, то граждане Галактики будут готовы к этому.

Сеу оглянулся назад и сказал:

— Все уже улетели. Следующий аэрокар будет нашим.

Кадик взглянул на часы. Служащий электростанции, должно быть, был сентиментальным: он ждал до последней секунды.

Кадик услышал за спиной мягкий гул аэрокара, обернулся и увидел, как тот опускается на подстриженную лужайку. Оставшиеся пассажиры двинулись к нему. Эксаркос встал и подхватил свой чемодан. Кадик бросил последний взгляд на Кварталы. Теперь в них царила полная темнота, и он увидел лишь неясные очертания на фоне светящихся за ними зданий *ниори*, и одинокие желтые звездочки еще горящих уличных фонарей.

Потом погасли и они.

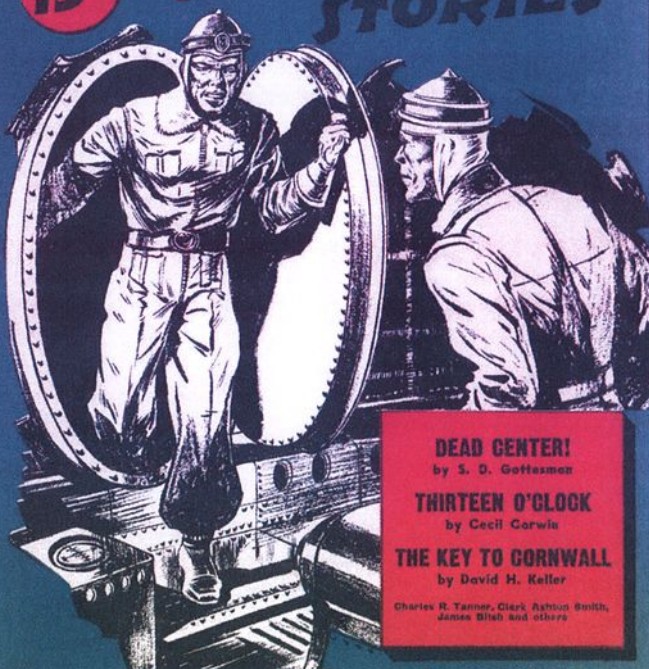
THE SUN SABOTEURS

Copyright ©, 1961, by Damon Knight

STIRRING SCIENCE STORIES

FEB. 19

15¢

DEAD CENTER!

by S. D. Gottesman

THIRTEEN O'CLOCK

by Cecil Corwin

THE KEY TO CORNWALL

by David H. Keller

Charles R. Tanner, Clark Ashton Smith,
James Blish and others

SCIENCE-FICTION and FANTASY

УПРУГОСТЬ

– А ВОТ ЗДЕСЬ был последний оплот Маленьких Людей, – сказал гид экскурсионного автобуса туристам, скучающе глядящим на каменные развалины. Они зевали, вытягивали шеи или просто таращили глаза, как и все туристы в мире.

– Мощные снаряды причиняли им кое-какой ущерб, – монотонно продолжал гид, – так что армия завоевателей под командованием генерала Дрлнака была окружена, и их попросту уморили голодом. Их невероятные тела можно увидеть в Музее Тзино.

Он зевнул.

– ЕЩЕ ЧЕГО! – рявкнул генерал Маленьких Людей, хмуро глядя на своих адъютантов, антенны его отчаянно дрожали. – Сейчас не время для сантиментов! Неважно, что этот мир населен, мы захватим его для нашей размножающейся расы! Кроме того, – продолжал он, глядя на одинокий сарай, возле которого стояла Маленькая Армия, – эта постройка убеждает меня, что мы имеем дело с очень низким уровнем разума. Мы не можем ожидать большого сопротивления. – Он повернулся. – Вперед... марш!

Металлические шлемы заблестели над верхушками одуванчиков, когда Маленькие Люди двинулись вперед.

– ОЙ, СМОТРИ! – воскликнула девочка, взволнованно тыча рукой вперед, где дорогу перед их машиной переходило что-то в блестящих шлемах. – Джим, что это? Да их здесь сотни!

– А? Где? – пробормотал Джин, вытирая помаду с щеки. – О-о!.. Ну... будь... я... проклят!

– Кто же это? – снова спросила девочка.

– Эльфы или... гномы... Ну, что-то в таком духе, – изумленно ответил он. – Но ведь ни тех, ни других не существует... Я хочу сказать, мы, наверное, спим или что-то в этом роде.

– Маленькие, просто крошечные люди в небесно-голубых мундирах, – продолжала девочка. – Они словно из сказки! Гляди, у них даже есть антенны на головах! Джим, я боюсь! – здраво-мысляще закончила она.

– Кого ты боишься... их? – рассмеялся Джим.

– Но они наводят что-то на нас, – сказала девочка.

Так оно и было. Первый ряд Маленьких Людей направил на парочку крошечные, блестящие трубы.

Затем они резко повернулись и пошли дальше.

– Мне они кажутся забавными, – сказал Джим, когда прошли последние ряды колонны. – Они выглядят такими... такими серьезными и решительными. Давай поедem за ними.

Он нажал на стартер.

Вот тут-то все и случилось. Вместо сильного, довольного урчания, которое обычно слышалось после нажатия кнопки, раздался громкий лязг, завершившийся какими-то ударами под капотом машины.

Мальчик и девочка посмотрели друг на друга.

– Что... начала было девочка.

Но тут автомобиль содрогнулся, накренился и устало замер.

– Землетрясение! – завопил Джим, делая поспешные выводы. – Быстрее наружу!

Он открыл дверцу и выпрыгнул, таща девочку за собой.

Потом он резко остановился и с озадаченным видом уставился на свою руку. В руке была пластиковая ручка от дверцы машины. Остальная дверца превратилась в грудy ржавой пыли, лежащей между ним и машиной.

Ошеломленно они смотрели, как металлический корпус автомобиля растекся ручейками, оставив в грудe такой же пыли обивку, пластиковые стекла и прочие детали.

Потом они молча уставились друг на друга.

– БОЖЕ. ПОМОГИ мне, – пробормотал офицер дорожного патруля Кэхлер, пробираясь между застрявших в пробке машин. – если это какая-нибудь из взбалмошных баб, вздумавших начать на перекрестке разворот, клянусь, я сорву свой значок, потом вытащу ее из машины за волосы и надаю пинков... И пусть я получу за это лет двадцать, оно того стоит!

Затем он резко остановился и молча уставился перед собой. Между двумя машинами он увидел причину пробки. Ряды маленьких людей в лазурных мундирах и металлических шлемах водили крошечными трубами, направляя их на машины и окружающие здания.

Передовые из Маленьких Людей нацелились на офицера Кэхлера, затем пошли дальше. Кэхлер вздрогнул и, нагнувшись, схватил одного из них.

Когда его пальцы сомкнулись на крошечном теле, он с ужасом почувствовал, как то мнется и прогибается внутрь, словно резиновое. Он тут же отпустил его и ошеломленно глядел, как вмятый живот Маленького Человека выпирает обратно, тоже как резиновый. Человек пошел к остальным, как ни в чем не бывало.

А через несколько секунд офицер Кэхлер почувствовал, как исчезли металлические пряжки его подтяжек, и увидел, как полная улица автомобилей и окружающие дома рухнули одновременно с его упавшими брюками.

— ЭТО ДЕЛАЮТ они? — недоверчиво спросил один из солдат, глядя из кустов на колонну Маленьких Людей.

— Да, — прошептал ему другой. — У них есть какие-то лучи, которые заставляют твоё оружие рассыпаться в пыль. Именно поэтому мы должны напасть на них из засады.

— Готовься! — постулила команда. — Целься!.. Пли!

Разом взлаяли винтовки.

— Черт подери! — громко воскликнул один из солдат. — Мы попали лишь в пятерых!

— Они чертовки маленькие, — отозвался другой. — Попробуй попади в таких!

Маленькие Люди стремительно рассеялись и стали водить по кустам своими трубами. Второй залп не задел ни одного из них.

Когда оружие солдат рассыпалось в прах, и Маленькие Люди промаршировали мимо них, один из солдат с отвращением сказал:

— Черт, да тут впору использовать мухобойки!

— НАСКОЛЬКО Я понимаю, — сказал профессор Феррин, — эти.... ах!.. захватчики используют какие-то лучи, создающие так называемую «усталость металла», заставляя молекулы металла отцепляться друг от друга. Если бы не это, наше ополчение, без сомнения, смогло бы перебить их из засады, но, видите ли, вся трудность в том, что они слишком маленькие, и в них... ах!.. чрезвычайно трудно попасть. Пулеметы тоже бесполезны, так как эти захватчики могут спрятаться в любую дырочку в земле. Но у них практически нет разрушительного оружия, так что должно быть довольно просто их... ух!.. устранить, — закончил он. — Именно поэтому собрали добровольцев из нас, гражданских лиц.

— Создали из нас народное ополчение? — спросил Хемингуэй, торговец табачными изделиями. — Почему же они не могли справиться сами?

— Ну, как я понимаю, — сказал профессор, — на армейских, знаете ли, столько повешено металла — кнопки, пряжки ремней и все прочее, — что проще передать это дело в руки... эх!.. — гражданских лиц, чем переодевать армию. И вообще, никакой настоящей опасности тут нет.

– Ну, да, – с сомнением проворчал Хемингуэй.

– Они идут! – пронеслось по шеренге.

Маленькие Люди появились в поле зрения, уже рассеявшись, с лучевыми трубами наизготовку.

– Вперед!

Вооруженные бейсбольными битами, колями и дубинками, гражданские добровольцы устремились на Маленьких Людей.

– Получай! – задыхаясь, выкрикнул профессор Феррин, ударив передового своей дубинкой.

Затем он остановился и посмотрел. Но там, где он ожидал увидеть кровавую лепешку или, по крайней мере, безжизненное тело, был целый и невредимый Маленький Человек, спокойно идущий дальше.

Перехватив дубинку покрепче, профессор бросился за ним и ударил еще раз. На сей раз он отчетливо увидел, как на Маленьком Человеке появилась и тут же выправилась вмятина.

– Поразительно! – выдохнул он с горящими научным любопытством глазами.

Еще раз ударил он Маленького Человека, на сей раз горизонтально. И снова тот повел себя, как резиновый мяч – изогнулся от удара, но тут же распрямился. Поднялся на ноги, явно совершенно невредимый, и пошел дальше, даже не оглянувшись.

– Поразительно, – повторил профессор.

Маленькие Люди маршем шагали вперед.

(Stirring Science Stories, 1941 № 2)

IMAGINATION

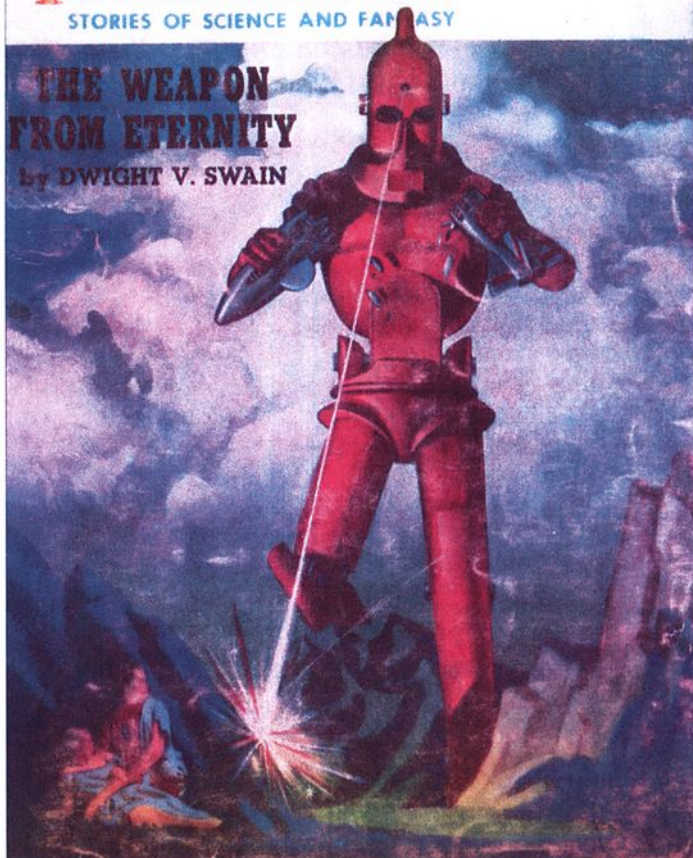
SEPTEMBER 1952

35¢

STORIES OF SCIENCE AND FANTASY

THE WEAPON FROM ETERNITY

by DWIGHT V. SWAIN

ЭТО МОЖТ СВУЧИТЬСЯ С ТОПОЙ!

ГЕНРИ ДЮРАНТ застонал и положил газету на прилавок. Он прочитал половину колонки о кино, когда текст вдруг превратился в сплошную тарабарщину. У него было такое чувство, словно в голове кто-то сооружает сад камней.

— Еще ириску? — спросила рыженькая официантка.

Генри в замешательстве поглядел на чашку, полную наполовину кофе, который уже остыл. Яичница с беконом тоже прилагала все усилия остыть, но еще не совсем добилась успеха.

— Нет, спасибо, Марион. Дашь мне счет?

— Конечно. — Она положила счет рядом с тарелкой и смотрела, как Генри полез в карман брюк. — Голова с утра чем-то занята? — спросила она.

— Да, чем-то занята, — саркастически отозвался Генри и пошел к кассе.

На улице он сгорбился, потому что спину пронзил холодный ветерок, и замигал от яркого утреннего солнца. Вокруг спешили люди, солнце ярко блестело на чистых тротуарах, яблоки и апельсины горели всеми оттенками под тентом на другой стороне улицы. Таким утром ноги Генри обычно начинали жаждать теннисных кроссовок, но сегодня он чувствовал, что более подходящей для них была бы грелка.

Наверное, я заболел, подумал он. Он в жизни никогда не болел, — если не считать свинку и корь, — да и голова никогда не страдала от нескольких рюмочек на ночь.

Он взглянул на большие часы возле банка. Восемь пятьдесят восемь. Генри сделал глубокий вдох и пошел быстрее.

По пути он смотрел на ноги идущих впереди. Стройные ножки в туфельках на шпильках промелькнули в противоположном направлении, но Генри был слишком удручен и даже не обернулся. Следом за ними появились две большие голые ноги фиолетового цвета.

Генри застыл на месте, поднял голову и осторожно завертел ею по сторонам. Тут же кто-то врезался в него.

— Простите, — сказал Генри и продолжал смотреть в толпу, где только что исчезла широкая фиолетовая спина.

Затем он обнаружил, что внезапно вспотел, хотя и не мог понять, почему. Раздражающий вопрос носился у него в голове:

Существуют ли фиолетовые люди? Существуют ли фиолетовые люди? Существуют ли...

ОН ПОВЕРНУЛСЯ и пошел дальше. В Соединенных Штатах живут сто пятьдесят миллионов человек, сказал он себе. Откуда мне знать, может один из них и уродился фиолетовым, или даже парочка? Он никогда не ездил дальше пары сотен миль от Картерсбурга.

Но даже если предположить, что существует фиолетовый человек, то с чего бы ему вдруг ходить в одной набедренной повязке? И эти ноги... Генри на мгновение зажмурился, чтобы вспомнить получше. Пальцы ног были такими же, как и у Генри, но между ними находились перепонки.

— Кто-то что-то рекламирует, — вслух сказал Генри, но не поверил сам себе.

Он подошел к перекрестку как раз, когда зажегся красный свет. Пришлось ждать, и пока Генри ждал, мимо прошел маленький фиолетовый человек в белой набедренной повязке. У него

была голова как у лягушки, огромный живот и длинные, тонкие руки и ноги. Руки и ноги с перепонками. Он шел, уставившись громадными глазами прямо вперед и ни на что не обращая внимания. Под мышкой он нес что-то похожее на большой магнит из зеленого стекла.

Генри смотрел на него, пока он не скрылся из виду. Затем ткнул рукой в ту сторону.

— Вы это видели? — спросил он у человека, стоящего слева.

У него была жесткая панاما, жесткий белый воротничок и между ними жесткое лицо.

— Чито? — бросил он.

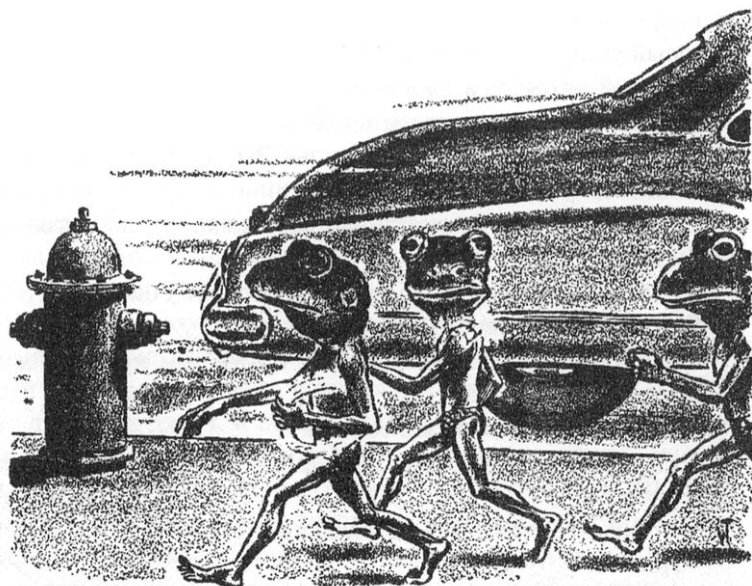
Генри поперхнулся. Потому что еще один фиолетовый человек прошел в том же направлении, что и первый. Покатые плечи у этого были обмотаны какой-то тесьмой, а в руке он держал серебряный обруч с привязанными красными и синими лентами.

— Еще один, — сказал Генри. — Вы его видите?

— Не знаю, о чем вы толкуете! — раздраженно заявил жесткий человек.

Загорелся зеленый, и он пошел через дорогу.

Генри постоял еще с минуту, затем подошел к ограждению и сел на него. Стрелки часов на банке показывали 9:03. Десять

минут спустя он опоздал на работу уже на тринадцать минут и за это время увидел еще восемь фиолетовых людей. Один шел с большим, тускло-серебряным яйцом, прижатым к груди, остальные, уставившись в пустоту, несли целый ассортимент незнакомых предметов.

Кроме Генри никто не обращал на них внимания. Но никто и не наткнулся на них.

Генри понял, что существует лишь два решения: или все сошли с ума, или только он.

ОН ПОНЯЛ, что это проблема, но не был уверен, что хочет ее решить. Через какое-то время он встал с ограждения и медленно пошел по улице.

Перед гриль-баром Берни стоял без дела толстый человек с безучастным красным лицом и тусклыми глазами. Прямо напротив него на другой стороне улицы сидел у дверей магазинчика фиолетовый человек. Генри ходил этой дорогой каждый день в течение шести лет, и всегда магазинчик был пуст и закрыт. Теперь же над ним торчала какая-то вывеска, на которой яркими буквами было написано что-то похожее на смесь греческого и арабского языков.

Генри нерешительно остановился перед бездельничающим, который глянул на него без всякого выражения. В баре играл музыкальный автомат, и Генри также слышал, как разговаривали несколько человек, то и дело закатываясь смехом.

– Послушайте, – сказал он. – Вы можете сделать мне одолжение?

Толстяк вынул зубочистку из рта, машинально взглянул на нее и опять сунул в рот.

– Што вы хтите, – неразборчиво проговорил он.

Генри взглянул через дорогу.

– Вы видите магазинчик между магазином пряжи и холодными закусками?

– Да, – осторожно сказал толстяк.

– Прекрасно, – продолжал Генри. – Вы видите там что-то странное?

Толстяк взглянул в том направлении.

– Нет.

Генри вздрогнул и уставился на него.

— Послушайте, — сказал он, дико тыча рукой в том направлении. — Вы хотите сказать, что не видите никого, сидящего у дверей... вон там?

— Конечно, вижу, — удивленно ответил толстяк. — Криита.

Генри подался вперед.

— Что? — пораженно спросил он.

— Криита, парень, криита. Что за *марена вичу*? — Толстяк медленно выпрямился и вынул руку из кармана. — Ты чокнутый? Убирайся отсюда, пока я не задал тебе трепку.

— Минутку, — отчаянно взмолился Генри и выхватил свой бумажник. — Вот, держите доллар. Я только хочу, чтобы вы рассказали мне все о криитах. Ладно?

Толстяк взял доллар и сунул его в карман джинсов.

— А что ты хочешь знать, *канчу*? Они фиолетовые. Выглядят как лягушки. Ну... все.

— А что они делают?

— Откуда, черт побери, мне знать?

— Ладно... Откуда они появились?

— Послушайте, — сказал толстяк, сжимая кулаки и шагнув к Генри, — Если вы хотите узнать все подробно, почему *нхоо* в библиотеку? Кто вы *такой*, чтобы торчать тут и *ботхерин* меня? — Он глубоко вздохнул. — Вы чокнутый! Вы — сумасшедший *инна*! Убирайтесь отсюда, или мне придется вас треснуть!

ГЕНРИ УШЕЛ, чувствуя головокружение. Библиотека была в соседнем квартале от меблированных комнат, где он жил. Он пошел туда, кивнул библиотекарю и провел дрожащим пальцем по собранию Британской энциклопедии, ища том на «Кр». Нужный том оказался под номером тринадцать.

И на странице четыреста девяносто девять, сразу после «Кракена», было написано:

«КРИИТЫ — разумные (*sudorana sabienz*), овихарос, двубольные млекопитающие, являющиеся одновременно родственниками людей и лягушек, то не ту, с которыми тоже связаны. Они образуют дугу не в джагт, и перегружают ту в любое другое земное животное, и из полагают, что они боявились от других мягких. Эта вера из основана на факте, что у колтуре кречт, как показывают трут трех тысячетные записи, ассоциатиш с *homo sabienz*, из неспособно мигнглинг ш нами. То крссчт есть всегда кубкратед с людьми, если к ним не относиться враждебно».

Генри с растущим замешательством читал эту тарабарщину, к тому же словно написанную кем-то, страдающим сильным насморком. Он взвесил книгу на ладони, осмотрел корешок, затем титульный лист. Неужели все это может быть тщательно продуманным розыгрышем?

И на корешке, и на титульном листе было написано: «Британская эциклобедия».

Генри поставил книгу на полку и перешел к газетному столу. Взял газету, которую читали сегодня утром за завтраком. Одного взгляда было достаточно, что написана она на том же искаженном, с трудом узнаваемом английском, как и «энциклобедия».

Тогда он заставил себя вернуться к энциклопедии и прочитать статью до конца. Она занимала две страницы и описывала историю криитов до современности (древние египтяне, – было там написано, – почитали криитов, как богов). В статье говорилось о достижениях криитов в науке, искусстве и литературе, и во всех областях они, казалось, превосходили людей. Также там говорилось о влиянии языка криитов на древние и современные языки людей. И везде постоянно подчеркивалась мирная, доброжелательная натура криитов.

Насколько знал Генри, во всем этом не было ни слова правды, потому что до нынешнего утра никаких криитов не существовало во всем мире.

Он сидел на каменных ступенях библиотеки, глядя на белку, которая выжидающе глядела на него.

– Уходи, – сказал Генри. – Арахиса нет.

Потом он вспомнил слова своего учителя по физике в средней школе, когда Генри начал обсуждать с ним роман Уэллса «Война миров» и марсианское вторжение вообще. Как там было?..

– Если к нам когда-либо вторгнутся из космоса, – сказал учитель, – легко предположить, что мы вообще не узнаем об этом.

– Почему? – спросил Генри.

– Потому что, если вы можете представить себе цивилизацию, способную перелететь через громадные космические расстояния и напасть на другую планету, то можете пойти еще дальше и предположить, что они смогут истребить нас прежде, чем мы вообще узнаем о них.

Генри принялся с этим спорить – он был ярым сторонником тепловых лучей... Но какой мрачной реальностью это казалось сейчас. Вчера вечером не было никаких криитов. Утром же их

было всюду полным-полно, к тому же все вокруг Генри были убеждены, что они всегда жили здесь. Все документы и книги в мире были заменены на подделки, это коснулось даже газет. Вероятно, теперь во всем мире писали «б» вместо «п» и коверкали многие слова до неузнаваемости. И все верили, что так было всегда.

Было лишь одно упущение: по неизвестным причинам это не сработало с Генри.

ОТ ТАКИХ мыслей сердце Генри бешено заколотилось, а ладони вспотели. Он встал и быстро направился в центр. Одно было бесспорно – отбившиеся от стада овцы не могут рассчитывать на долгую и счастливую жизнь. Он как можно быстрее должен вернуться к своим обычным делам, сидеть тихо, как мышь и не подавать ни малейших признаков, что ему слишком многое известно.

Больше нельзя было задавать прямых вопросов, это было бы самоубийством. Нужно было ждать, наблюдать и стараться узнать как можно больше, не выдавая себя. Возможно, были еще люди, избежавшие вмешательства в свой ум – в конечном итоге, он может найти их, и они вместе сумеют придумать, как изгнать криитов.

Генри шел быстро, не глядя по сторонам.

– Привет, Генри! – раздался вдруг девичий голос.

Он повернулся.

– Привет, криит... я хотел сказать, привет, Кэти.

– Забавная ошибка, – рассмеялась она. – Генри, почему ты не на работе?

– Да... я неважно почувствовал себя нынче утром. Но сейчас уже все прошло.

– Ага. Ну, пока.

Она направилась через дорогу, ее светлые волосы блестели на солнце. Вспотев, Генри направился дальше. Но на углу не мог удержаться и обернулся.

Кэти стояла в дверях магазина канцелярских товаров, задумчиво глядя на него. Затем улыбнулась и помахала рукой.

Оплошность, сказал он себе. Больше нельзя так делать. Нельзя проявлять интереса к криитам, нужно не обращать на них внимания, как все остальные.

Босс стоял за прилавков, продавая кому-то теннисные ракетки. Когда покупатель ушел, Генри сказал:

— Прошу прощения, криит, нынче утром я проспал... — В горле у него что-то всхлипнуло. — Я хотел сказать, Кит, — быстро добавил он и внезапно зарыдал.

— Кир, я хотел сказать, Кит! — всхлипывал он.

Затем он оказался на полу, хватал босса за колени и слышал собственный голос, что-то бормочущий, невнятный, умоляющий о милосердии. Он попытался остановиться, но не смог. Слова сами лились у него из горла. Он хотел замолчать, прилагал все силы, но ничего не помогало.

Затем босс отвел его в заднее помещение, где он сел и заплакал. Затем, долгое время спустя, кто-то вошел и сказал:

— Вы помните меня, Генри?

Он поднял голову. Глаза были полны слез, но он узнал вошедшего.

— Вы доктор Фелпс, — сказал Генри. — Психиатр.

— Правильно. Мы встречались прошлым летом на похоронах вашего отца. Ну, Генри, как вы думаете, вы можете мне рассказать, что случилось?

Что же делать? Во всяком случае, ему придется сказать часть правды, чтобы выйти сухим из воды.

— Это все крииты, — сказал он и услышал, как дрожит его голос. — Они пугают меня.

— Почему?

— Я... я не знаю. Просто пугают. Я не могу объяснить это. Это случилось внезапно нынче утром.

Доктор наклонился поближе к нему.

— Послушайте, Генри, — сказал он, понизив голос, — пожалуйста, доверьтесь мне. Вы ведь никогда не слышали о криитах до сегодняшнего утра, не так ли?

Генри уставился на него.

— Нет, — прошептал он. — Значит, вы тоже знаете?..

— Я хочу помочь вам. Расскажите все, что вы сделали сегодня... что вы сделали после того, как узнали?

И Генри рассказал ему все.

КОГДА ОН закончил, доктор сказал:

— Послушайте, Генри, сейчас вы расстроены, но я знаю, что вы умный человек. Поэтому я хочу кое-что с вами прояснить. Есть определенные вещи, которые вы должны понять, и для вас будет лучше, если вы поймете это прямо сейчас. Во-первых, вы знаете, что крииты гораздо более разумны, чем мы, не так ли?

– Они хотят, чтобы мы так думали...
– Но ведь это должно быть правдой.
– Наверное, – пробормотал Генри. – Да..
– Прекрасно. Пойдем теперь дальше. Вы когда-нибудь слышали о Бритве Оккама?

– Нет. К чему сейчас...

– Подождите. Послушайте. Бритва Оккама, это название теста для проверки любых теорий, гипотез и предположений. Все очень просто. Если у какого-то явления или предположения существуют два или больше объяснений, то самое простое из них и есть правильное. Вам это понятно?

– Наверное.

– Отлично! Тогда вот одно объяснение болезненного состояния, в котором вы сейчас находитесь. Нынче утром к нам вторглись эти земноводные, которые загипнотизировали всех живущих на Земле людей – всех, кроме вас, – а кроме того, изменили всю печатную продукцию на планете, чтобы иметь доказательства, будто они живут тут уже тысячи лет. А вот другое объяснение...

Он имел успех. Генри с ужасом слушал его.

– Нет! – закричал он, наконец. – Вам не одурочить меня! Вы такой же, как все остальные...

Дверь открылась, и заглянул полицейский, а за ним маячил еще кто-то.

– Давайте, – сказал доктор Фелпс.

Они вытащили Генри, который кричал, пинался и отбивался.

– Боже, я не хочу это видеть, – сказал Кит Морган. – Он хороший парень. Один из лучших.

– Иногда это случается и с лучшими, – ответил доктор. – По крайней мере, с самыми чувствительными. Это происходит из-за того, что на нашей планете живет раса, которые по сравнению с нами просто боги. У нас развился расовый комплекс неполноценности. Иногда «эго» не выдерживает его, и человек ломается, пытаясь притворяться, будто никогда не слышал о криитах. Иногда случается нечто противоположное – больной просто не видит криитов, не слышит и ничего не знает о них. В некоторых случаях человек фантазирует, пытаясь объяснить, почему он ничего не помнит о них. Странно, что это явление весьма распространено.

Доктор вздохнул и прислушался к сирене «скорой помощи», воющей вдалеке, нарушая тишину. Недостатком выдумки Генри являлось то, что вторжение и последовавшие за ним изменения должны были произойти в один неуловимый миг. Как раз перед

тем, когда Генри закончил завтрак, точнее – когда он читал газету, текст которой «внезапно превратился в тарабарщину».

Изменения в современном английском под влиянием языка криитов должны быть составной частью этих перемен – это было слишком очевидно. Вот почему, когда мышление Генри нарушилось, он внезапно обнаружил, что не может продолжать читать газету, хотя он тут же нашел причину этому – из-за похмелья. Такое, подумал доктор, может произойти с кем угодно. Фактически...

Это может свучиться с топой.

(Imagination, 1952 № 9)

AN TODAY'S SCIENCE FICTION — TOMORROW'S FACT

• FEB. 25c

STARTLING *stories*

A THRILLING PUBLICATION

featuring **TROUBLED STAR** a novel by George O. Smith

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Человек, имя существительное. Пятиугольный, двуполюсый, доминантный моноплан, разум 96, уроженец Района 10039817. Непоглощенный.

ВСЕМ ИЗВЕСТНО, что человек может привыкнуть почти ко всему. Эскимос, лежа на брюхе на ледяной равнине, простирающейся до самого смыкающегося с небом горизонта, вероятно, мало отводит времени размышлениям о необъятности и загадочности Вселенной... Он думает, что бы пожрать. И Чарльз Самсон, спустя семьсот лет, глядел на такую же величественную сцену – нашу Галактику, видимую с летящего космического корабля, – с подобными же мыслями.

Было почти шестнадцать часов по галактическому времени – даже больше, как подсказывал Самсону желудок. Прошло уже полтора часа с тех пор, как он поиграл с женой в жестокую игру гандбол, и был уже очень голоден.

Эскимос, терпеливый человек, возможно, подумал бы, что неразумно именно в этот момент думать об еде. Самсон, отмеченный той же добродетелью, сказал себе, что жена могла бы выбрать и более подходящее время для кулинарных экспериментов. Мидж задумала суфле, никогда прежде никем невиданное, и, соответственно, его приготовление заняло у автоповара лишних восемьдесят пять минут.

Если она поторопится, суфле, – которое должно стать триумфом, несмотря на семнадцать отдельных просчетов, – будет готово еще через двадцать минут. Самсон же предпочел бы сейчас простой кусок стейка.

Вот эти ничтожные мысли и занимали мозг, который был обучен и тренирован, снабжен невероятным количеством знаний и, наконец, послан, с еще одним человеческим мозгом за компанию, чтобы патрулировать гегемонию, в десять миллиардов раз более обширную, чем империя Цезаря.

Однако, в настоящее время ничего из того, что потрясло бы мир, делать не предстояло. Чарльз и Мидж, как и тысяча других команд специалистов-ремонтников, патрулирующих объем пространства, известный под названием Сектор 103, зарабатывали на жизнь интенсивной, трудной, иногда опасной работой, которая занимала в среднем три месяца в году. остальное же время тратилось на путешествие от одного пункта до другого, или просто дрейфом в ожидании вызова.

Два дня назад, например, они неспешно летели по дуге между системой Хилькерт и поселком при обсерватории на Де Бройле II, когда из Штаб-квартиры на Слайке связались с ними и велели изменить курс и лететь на Кенилворт IV – изолированный наблюдательный пост, находящийся на внешней границе Слайка. Завтра, скорее всего, они получат другое сообщение, где будет сказано, что проблема решена и без них. И тогда они пойдут по другому маршруту, и еще, по крайней мере, шесть дней не ступят на твердую землю. Тем же временем они развлекались, как могли...

ЧТО КАСАЕТСЯ звезд, тянувшихся в бесконечные дали за окном на смотровой площадке корабля со стеклом толщиной в дюйм, то проблема состояла в том, что они всегда были одними и теми же. У любого туриста впервые увиденный Тадж-Махал вызывал невыразимое восхищение и изумление. Но на следующий день это было всего лишь красивое здание. Потому что он уже видел его.

Самсон пробыл в космосе более половины жизни. Поэтому, когда ожил коммуникатор, его сигнал не нарушил размышлений об отношениях Человека с Природой. Напротив, у Самсона, когда он встал и направился в кают-компанию, в голове был лишь образ бутерброда с ветчиной, с горчицей и прочими приправами.

– Слушаю, – сказал он.

– Харлоу вызывает Самсона, – раздался из коммуникатора тихий мужской голос. – Надеюсь, вы не спите?

Из противоположных дверей кают-компании появилась Мидж, откидывая прядь темных волос со лба.

– Мы вас слышим, Харлоу, – ответил Самсон. – Продолжайте.

Светильник под потолком, горевший розовым пока говорил Харлоу, снова стал белым, когда ответил Самсон, показывая, что коммуникатор готов принять сообщение.

– Что-то случилось? – спросила Мидж, делая шаг вперед.

Самсон махнул ей рукой ладонью вниз, жестом, означающим «Молчи и слушай». Тут же снова послышался голос Харлоу:

– Я расскажу вам все по порядку, в любом случае, вы можете прослушать запись, если не слышите меня сейчас. Ребята, эта проблема на Кенилворте стала гораздо важнее, чем два дня назад. И я думаю, что теперь она стала еще важнее, так что не пришлось бы нам рыть норы для укрытия. Все в ваших руках – у меня нет больше никого в радиусе двух недель пути от этого места. Так что слушайте. – Пауза и щелчок, который Самсон

определил как щелчок зубами Харлоу, сунувшего в рот свою вездесущую трубку, затем прозвучало: – Вот сообщение, которое я получил от Джексона, наблюдателя на Кенилворте. Оно было послано три дня назад. Не думаю, что я что-то в нем упустил, но предоставляю решить это вам самим. Оно поступило в три часа пять минут по галактическому времени.

Раздался молодой, взволнованный голос:

– Джексон, Кенилворт IV, вызывает Харлоу из Штаб-квартиры Сектора 103. Срочно, важно. Харлоу, можете рвать на себе волосы. К нам вернулись кассиды.

Сонный голос Харлоу ответил:

– Можете рвать свои. Кто такие кассиды, и что с того, что они вернулись? Я даже не знал, что они уходили.

– Кто такие кассиды! Самые большие знахари и лекари в Секторах 42, 43, 102 и 103! Откройте свой справочник, страница 9581! Они приземлились на Кенилворте IV десять дней назад, и я сейчас получил от них сообщение. Кажется, местные жители рассказали им обо мне сразу, как только преодолели трудности с языком, и они хотят со мной встретиться. Сейчас я иду туда. Свяжусь с вами часов через шесть.

– Передай им от меня большой, крепкий поцелуй, – сказал Харлоу. – Конец связи.

Запись кончилась, и Харлоу продолжал:

– Вы можете найти статью о кассидах в справочнике, как сделал я. Они – легенда, точнее, целая мифология пятнадцати тысячелетней давности. Я лично считаю, что какая-то группа провинциальных мессий выдает себя за кассидов в надежде на выгоду и славу. А может, местные жители просто так подшутили над Джексонном. Так что я повернулся на другой бок и продолжал спать. Вот только Джексон больше не вышел на связь. Я прождал двадцать четыре часа, потом вызвал вас. Это все еще не выглядело таким важным. Возможно, Джексон потерпел аварию где-нибудь при посадке и сломал ногу. Он мог также дорваться до какой-нибудь коллекции местного антиквариата, и, как истый коллекционер, забыть об еде, сне и даже о том, что должен связаться со мной. Но вот несколько часов назад произошло нечто иное. Со мной связался начальник экспедиции по испытанию экспериментального органического оборудования на Лобличе VII.

ВКЛЮЧИЛАСЬ ЗАПИСЬ, и Самсон услышал высокий, раздраженный голос, жаловавшийся, что какой-то маньяк по имени Джексон приземлился на станции, «произнес нечто вроде про-

поведи» и улетел вместе с семнадцатью из двадцати двух членов экспедиции. Группа теперь безнадежно разукomплектована, восьмилетняя работа пойдет коту под хвост, если Штаб-квартира срочно не отправит замену.

Харлоу затребовал более подробной информации. В чем точно заключалась «проповедь» Джексона?

— Он говорил о Любви, — раздраженно пояснил начальник экспедиции. — О Мире и сообщении для Вселенной. О чем-то вроде этого. Если вы спросите меня, то это просто псих ненормальный. Если захотите узнать, почему тогда три четверти сотрудников экспедиции бросили работу и свалили вместе с ним, только не спрашивайте меня. Когда нам придет замена?

Долгая пауза, прерываемая лишь стуком зубов по трубке. Затем Харлоу сказал:

— Все это начинает скверно пахнуть. Если посмотрите на карты, то увидите, что Лоблич — самый близкий населенный пункт от Кенилворта, но все равно Джексон должен был нестись на максимальной скорости, чтобы оказаться там через два с половиной дня. А от Лоблича на расстоянии одного прыжка находятся уже три населенных системы. Так что я раскопал в записях сигнальные образцы корабля Джексона и послал радиопередачу с предупреждением всем патрульным центрам в Секторе 103, а также смежных Секторах. Так же я стал вызывать Джексона по связи с двадцатиминутными интервалами. Но он до сих пор не ответил. Пятнадцать минут назад поступила новая информация. Джексон вышел на снижающуюся орбиту у Ксавьера III. Местный патруль направил на него луч и попросил не снижаться. Но вместо того, чтобы занять стационарную орбиту и ждать дальнейших распоряжений, Джексон полным ходом направился в открытый космос. Патрулю не оставалось ничего другого, как сжечь его. От его корабля не осталось вообще ничего. — На этот раз пауза была длиннее. — Если бы он приземлился, — продолжал, наконец, надтреснутый голос Харлоу, — и если бы он проделал такую же штуку среди большой толпы, то эту эпидемию было бы уже не остановить. Я все время твержу себе это. — Самсон услышал, как заскрипели его зубы, вгрызаясь в трубку. — Ладно... Это все, что я знаю. Приземлитесь на Кенилворте IV, найдите этих кассидов, поговорите с ними и узнайте, что все это значит, и как они это делают. Из Клейнмюллера уже вылетели два крейсера и линкор, если окажется, что они нужны, то они будут на месте через пятнадцать дней. Но к тому времени у нас должно быть больше информации. И, просто на всякий случай, не позволяйте им сотворить с вами то же, что они сделали с Джексонном.

Если сможете. Я не могу гарантировать вам, что вы не закончите, как он. — Послышался стук, означающий, что Харлоу выбивает погасшую трубку. — Примите все меры предосторожности, какие только сумеете придумать, — сказал он напоследок. — После приземления поддерживайте непрерывную связь.

— Понятно, папочка, — ответил Самсон. — Конец связи.

Самсон, высокий, упитанный, белокурый, поглядел на Мидж, хрупкую и темноволосую, свернувшуюся в клубок на диванных подушках на другом конце кают-компания.

— Ты знала Джексона? — спросил он.

— Она резко кивнула.

— Хороший был парень, — коротко сказала она.

— Гм-м... Где у нас справочник?

— Вот он. — Она сунула кубик в читальную машину на столике перед собой и стала листать страницы в поисках 9581-ой.

Самсон подошел и сел рядом с ней.

Кассиды были также известны под названиями акасса, криты, карсисы, красситы, карсы и кратисы. У всех древних рас в этой части Галактики существовали легенды о них. И неудивительно, что Харлоу пришлось искать о них сведения. Они были всего лишь одним мифом среди спутанного клубка мифов и легенд, собранных из тысяч населенных миров.

НИКТО, как следовало из справочника, не знает, были ли кассиды действительно существовавшим когда-то народом или всего лишь широко распространенным мифом. Они были фокусниками, полубогами или, как выразился Джексон, знахарями. Они были более чистыми и благородными, чем все остальные народы, они обладали великими знаниями, могли по желанию менять свою форму, и так далее. Факт, что более чем у пятисот планет были одинаковые или очень похожие легенды, сам по себе ничего не доказывал, потому что все эти расы, теперь давно отсталые, обладали ограниченными межзвездными путешествиями за тысячелетия до появления Человека. В большинстве легенд говорилось, что кассиды ушли, среди плача и стонов меньших народов, примерно пятнадцать тысяч лет назад.

И вот теперь они вернулись — и что-то сделали с Джексоном, что заставило его покинуть свой пост, а он, в свою очередь, заставил еще семнадцать человек бросить работу и, практически, привел их к гибели.

— Не могу сказать, что мне нравится все это, — сказала Мидж.

— У тебя есть какие-нибудь идеи?

– Сперва информация, – поучительным голосом ответил Самсон, – а идеи потом. – И добавил, обращаясь уже не к Мидж. – Послать сообщение.

Светильники под потолком загорелись розовым.

– Чарльз Самсон к главному Библиотекарю. Лубянка, Центральные Архивы. Срочно. Прошу переслать мне все доступные материалы по кассидам. КАССИДАМ. Не надо их систематизировать. Пошлите прямо, как есть. До связи.

Он сунул свежий кубик в приемник в центре кают-компаний. Через двадцать минут послышался женский голос:

– Посылаю запрошенную информацию.

Зажегся индикатор записи. Самсон включил читалку и проглядел первую страницу, появившуюся на экране.

– Записал. Спасибо. Конец связи, – наконец, сказал он.

– Повар, кофе, – грустно распорядилась Мидж. – И два бутерброда с ветчиной. – Она подошла и села возле Самсона. – Не убирай страницу, пока я не прочитаю.

Самсон был человеком без всяких предубеждений, и это помогло ему иметь дело со странными и дикими обитателями многих планет Сектора 103. Но теперь ему пришло в голову, что будет ой как не просто выполнить нынешнее задание. Однако, он оставил свои предчувствия при себе и, при помощи многочисленных дымящихся чашек кофе, сделанных корабельным автоповаром, решительно преодолел двадцать записанных кубиков предположений, догадок и слухов, накопившихся в Архивах Лубянки. Мидж, у которой был комплекс женского превосходства, просто сидела рядом и передавала ему кубик за кубиком.

КОГДА ОНИ закончили, Мидж не преминула заметить ему, что они не узнали почти ничего нового, по сравнению с тем, что было в справочнике Сектора 103.

– Общая сумма в минусах, не так ли? – спросила она.

– Ты права. Это было предосторожности ради – вдруг бы там оказалось что-то, что упустили в справочнике. Но если в одно прекрасное воскресенье не пойдет дождь, ты же не перестанешь вообще носить плащ?

На лице Мидж было написано, что этот вопрос не заслуживает никакого ответа.

– Теперь у тебя есть вся информация... А возникли какие-нибудь идеи?

– Н-ну, – задумчиво протянул Самсон, – Харлоу кажется думает, что тут имеет место какое-то воздействие, может, даже гипноз. И мне кажется, мы не должны исключать такую веро-

ятность, даже учитывая, что подобные контакты между инопланетными разумами всегда считались невозможными. Но у меня есть догадка, что никакой это не гипноз. Мне кажется, они просто поговорили с Джексоном — и убедили его... А он сделал то же самое с семнадцатью людьми, последовавшими за ним.

— Своим жалким умишком, — сказала Мидж, — я доперла до этого еще три часа назад. Но если это воздействие, то почему оно сработало только семнадцать раз из двадцати двух? И я обратила бы внимание на один маленький технический вопрос — почему Джексон не воспользовался коммуникатором.

— Все достаточно просто, — ответил Самсон. — Если бы вы получили вызов от какого-то неизвестного, и тот начал извергать псевдорелигиозную пропаганду, то стали бы вы слушать ее до конца или отключили его и пожаловались в Комиссию по Личной Жизни? А если бы он назвал кого-то, кто его знал — тебя, например, или Харлоу, — то мы бы почувствовали, что здесь чем-то пахнет. Возможно, Джексон уже попробовал это до вылета в Кенилсворт, и его отключили. А дальше он не хотел рисковать.

— Если ты не возражаешь, — спокойно сказала Мидж, — то я хотела бы получить ответ на свой вопрос: у тебя есть какие-нибудь идеи о том, что мы собираемся делать?

— Конечно. Я пойду туда, накачавшись до бровей допингом. Хочу использовать...

— Стоп, — сказала Мидж. — Пожалуйста. Ты сказал: я пойду...

— Ну, да. Пойду я, а ты останешься в корабле на связи. Будешь слушать, но громкость связи поставишь на минимум. Таким образом, ты услышишь, что говорю я, но не окружающие. Другими словами, я свешиваюсь с утеса, а ты держишь меня за ноги. Улавливаешь смысл?

Мидж ничего не ответила.

— Как я уже сказал, — продолжал Самсон, — я использую что-нибудь против гипноза. Ты могла бы вкатить мне еще и хорошую дозу лекарства против внушения, но нужно действовать наверняка. Так что я испробую армофрен.

— Амофрен! — уставилась на него Мидж.

— Конечно. При большой дозе он не даст вам сложить даже два плюс два. Можно слушать любые аргументы и даже разумно отвечать на вопросы, но будет невозможно на чем-нибудь сосредоточиться, чтобы получить все целиком. Другими словами, если они и убедят меня в чем-то, то не сложнее «ваш нос находится на фасаде вашего лица...» Разумеется, потом я буду болеть, как собака, и не смогу вспомнить большую часть того, чем меня там напичкают. Но ты сможешь вытянуть из меня информацию под

гипнозом. Только не забудь об осторожности, когда станешь задавать вопросы. Нам нужно узнать, кто они и какие у них планы, а не что они думают о Великом Духе.

Мидж продолжала мрачно глядеть на него.

– Мне это не нравится, – заявила она.

– Мне тоже не нравится. И Харлоу не понравится, если ему придется сжечь меня дотла, прежде чем я начну спасать души... Хотя, если подумать, я способен сыграть более умно, чем Джексон. Послать фальшивый ответ, скрыться где-нибудь с полпути между этой планетой и Штаб-квартирой, а затем отсидеться на необитаемой планете. Возможно, потом захватить другой корабль, приклеить фальшивую бороду... – Он вздохнул. – Но сначала подумай о том, как поступил Харлоу, – он посмотрел на Мидж. – Что ты сделаешь, если меня все же какими-то образом изменят прежде, чем ты успеешь выдернуть меня оттуда?

Ее глаза были более спокойными, чем у мужа.

– Спущусь за тобой и куплю себе бубен, – ответила она. – А ты как думаешь?

МАЛЕНЬКИЕ РУКИ Мидж лежали на краю пульта управления. На экране перед ней, с прекрасной четкостью, несмотря на то, что передатчик был размером с арахис, было то, что видел Самсон в настоящее время: интерьер бронзово-зеленой комнаты и два пухлых, приземистых, на ножках-щупальцах, туземца Кенилворта IV. Она видела руки Самсона всякий раз, когда он поднимал их, но не могла видеть его лицо.

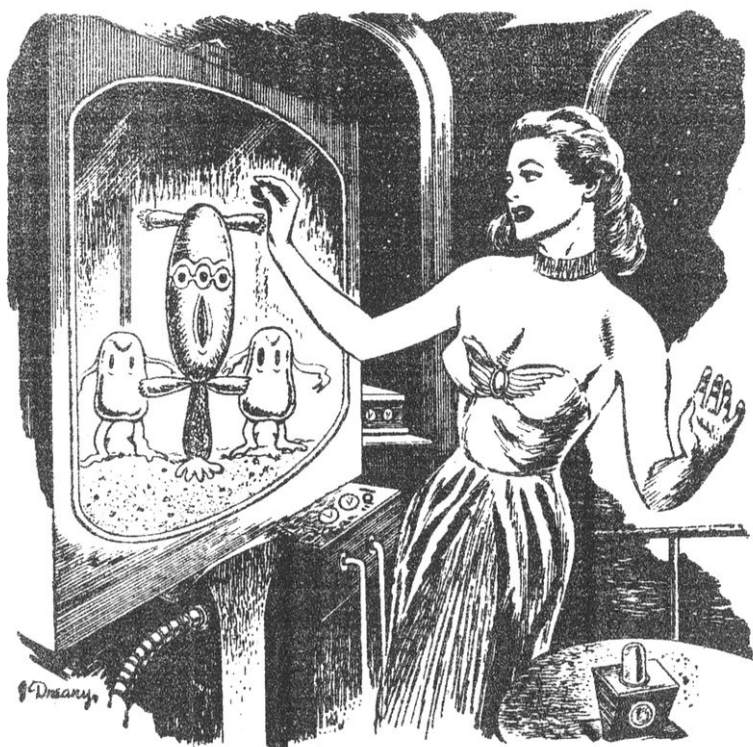
На маленьком экране слева было то, что снимала камера в корпусе корабля – травянистая равнина, вид сверху, огромный черный корабль в форме ромба и группа небольших аэромобилей с Кенилворта IV.

– Они говорят, что кассид сейчас придет, – раздался голос Самсона.

Мидж хотела сказать что-нибудь ободряющее и нежное, но горло у нее перехватило.

Через секунду раскрылась дверь в конце комнаты, и что-то прыгнуло внутрь. Мидж начала описывать появившегося специально для Харлоу из Штаб-квартиры:

– Метра полтора высотой... очевидно, кислорододышащий, так как я не вижу маски... и – одноногий. Передвигается частично прыжками, частично сокращением ноги. Довольно массивное туловище и четыре конечности, помимо ноги, две наверху, а две в месте соединения ноги и туловища. Много длинных пальцев..., трудно сказать, сколько именно. Три глаза на

горизонтальной линии, вертикальный рот под ними. Никакой одежды. Кожа тускло-коричневая, с темными раз...

Она прервалась, поскольку Самсон начал говорить. Очевидно, отвечал на приветственные слова кассида.

— Я очень счастлив прибыть сюда. Мои люди услышали слова вашего ученика, Дэвида Джексона.

Наступила длинная пауза, во время которой Мидж продолжала:

— Темные разводы, случайные, без всякого определенного рисунка. Я бы предположила, что это существо недавно перешло из подводной стадии, а хвост превратился в ногу. Не знаю, есть ли какие-нибудь органы с противоположной стороны... Стоп! Оно как раз повернулось. Никаких органов. Так... Туземцы уходят...

— Именно поэтому я и прилетел, — сказал Самсон.

Пауза, затем снова его голос:

— Да, спасибо.

Тут же подбежал на многочисленных мелькающих ножках туземец, поставил низкий табурет и снова скрылся. Беседа продол-

жалась, бессмысленная череда коротких вопросов и комментариев Самсона, после которых наступала долгая тишина.

– Да...

– Конечно, это правда...

– Понятно...

– Теперь мне все ясно...

– Но в случае войны...

Через какое-то время речь Самсона стала более невнятной, он с трудом подбирал слова, запинаясь, хотя тут же приходил в себя.

Затем Самсон сказал:

– Слово будет распространено. Мое правительство захочет узнать о ваших потребностях и вашей истории, чтобы мы могли принять вас должным образом. Вы покажете мне свой корабль и расскажете о себе?

Изображение на экране двинулось к дверям, затем появился длинный коридор.

Мидж включила двухстороннюю связь между собой и Самсоном.

– Чарли, с тобой все в порядке? – прошептала она.

Если он уже под воздействием, мрачно сказала она себе, то это была великолепная работа. Кроме нечеткости речи, в его словах было что-то еще... страх и тихая радость.

– Все хорошо, Мидж, – раздался спокойный, естественный голос Самсона. – Не волнуйся.

Длинная череда помещений: рубка управления, силовая установка, сад с какими-то незнакомыми растениями, карты звездного неба, прозрачные резервуары, полные темной жидкости... Рука Самсона, в нее кладут какую-то узкую полоску. На полоске непонятные точки. Голос Самсона: «Что это значит?» Снова коридоры, снова помещения. Наконец, голос Самсона, слабый и глухой:

– Я плохо себя чувствую, Мидж. Ухожу.

– КАК ОН сейчас? – спросил голос Харлоу.

«Сейчас» – это была ирония, поскольку даже на скорости второго порядка нужно четырнадцать минут, чтобы сигнал дошел до них, и еще четырнадцать минут для ответа.

– Я готов говорить, папочка, – сказал Самсон, очень бледный, в оранжевой пижаме, глядя в потолок. – Не думайте, что мне нужен гипноз. Большую часть я помню. Нечетко, как во сне, но думаю, что помню почти все.

– Ты уже был у меня под гипнозом, – спокойно сказала Мидж.
– Как только вернулся в корабль.

Самсон повернул голову и поглядел на нее.

– Вот как? Зачем?

– Я хотела узнать, спасли ли тебе твою душу.

Самсон слабо усмехнулся.

– Ну, и как, похоже? Харлоу, поймите... Кассиды не захватчики в обычном значении этого слова. У них нет психолучей или коварных гипнотических способностей, и они не хотят никого захватывать. Это во-первых. Во-вторых, они не раса и не империя. На борту их корабля я видел, по меньшей мере, двадцать различных форм жизни, и изучил их достаточно, чтобы понять, что все они кассиды. Кажется, именно из-за этого появились легенды об их способности изменять свою форму. Помните, местные парни то же самое думали вначале о нас, потому что у нас два пола. Жду ответа.

– Интересная задача, – прокомментировал Харлоу четырнадцать минут спустя. – Они не раса и не империя. Так что же они такое?

– Они – идея, – мрачно сказал Самсон. – Довольно сложная идея, и, к счастью, я не думаю, что все понял в ней. Думаю, амофрен снизил мой IQ на сорок-пятьдесят пунктов. Но могу вам сказать, в чем она состоит: это абсолютно убедительная аргументация – на эмоциональных и логических уровнях, почему мы не должны нарушать мир и прекращать любить ближнего своего. Если вы думаете, что мы уже слышали подобные аргументы, то все равно остаемся компанией грабителей, насильников и убийц, то вы ошибаетесь. Такого мы еще не слышали. Говорю вам, я понял лишь частичку ее, и от этого мне захотелось зарыдать. Как только вы услышите ее – и если вам хватит разума понять ее полностью, – то вы уже не забудете ее и не найдете в ней лазеек. Вы не отступите от веры и уже не сможете быть верующим только по воскресеньям. Скорее, вы перережете себе горло.

– Все так и есть, – спокойно добавила Мидж.

Самсон улыбнулся ей и стал ждать ответа Харлоу.

– Пожалуй, я верю вам, – ответил Харлоу после неизбежного перерыва. – Это было бы трудно переварить, если бы не Джексон. Хочу задать два вопроса. Во-первых, как вы думаете, что ожидает гомо сапиенс, если распространится такое душевное состояние? Во-вторых, как вы думаете, что мы можем поделать с этим?

– Ответ на первый вопрос – ничего хорошего, – быстро ответил Самсон. – Как только вы услышите Слово и поймете его,

у вас не будет ничего важнее, чем поведать его другим людям. Мы стали бы кассидами — в смысле, что Слово будет для нас превыше всего, и, в свою очередь, подразумевая, что мы перестали бы быть властными однодневками, правящими половиной Галактики. Мы даже не могли бы остаться самими собой. Практически, произошло бы много изменений, как больших, так и маленьких, но в целом это бы означало, что род человеческий, каким мы его знаем, прекратил бы свое существование... Но ведь мы этого не хотим, не так ли? Вселенной должны править лишь ангелы, но мы-то люди. Можете не верить, но говорю вам все это не для того, чтобы вы перестали думать о Джексоне. За последние шестьсот лет у нас никогда не было серьезной оппозиции, с какой мы бы не справились. Теперь она есть. Это дети, которые могут прикончить нас, даже если им связать руки за спиной. — Он помолчал. — Давным-давно, когда я еще был студентом, мне пришлось в голову, что если что и могло бы победить нас, то не армия монстров, дышащих фтором и посылающих лучи смерти из каждого щупальца... Нет, это была бы идея. Монстров можно убить, но нельзя убить идею. За всю историю Земли, от Чингисхана до Гитлера, не было ни одного настоящего завоевателя — все это были лишь парни, которые просто хотели завладеть тем, что видит глаз. Но Римская империя была идеей. Идеей был ислам и христианство, коммунизм и антицентризм. Ответ на второй вопрос: я не знаю, что с этим можно поделать. Могу вам лишь сказать, что мы не сможем сделать. Мы не сможем вести войну с кассидами. Если бы мы только начали ее, то все, чем мы владеем в этом Секторе, от кораблестроительных верфей до жилых домов, было бы во мгновение ока сожжено воюющими толпами туземцев. Я не думаю, что мы сможем навсегда изолировать их... или нас самих. Им ничего не нужно, кроме как нести Слово, так что я не вижу, как мы могли бы заключить с ними любые соглашения. — Он глубоко вздохнул. — Сейчас я скажу вам еще кое-что, что я узнал, и, возможно, вы поймете. Я уже говорил, что идея эта очень сложная. Возможно, потому что этика развивается вместе с разумом. Именно поэтому расы, которые мы до сих пор встречали, помнят кассидов, но сами кассидами не являются. Они не столь умны. Это объясняет вопрос, над которым мы мучаемся уже шестьсот лет: почему мы оказались единственной расой в нашей части галактики, показатели которой выше двенадцатилетнего ребенка, по нашим меркам. Нет никакой корреляции между полами и уровнем разума, что бы там ни утверждали моя жена и большинство феминисток. Просто развитые расы, которые понимали идею — становились

кассидами. В конечном итоге, кассиды обратили в свою веру всех, кого смогли. Это было примерно пятнадцать тысяч лет назад. Возможно, тогда они не нашли нас, а скорее всего, мы тогда мало чем еще отличались от обезьян, иначе они одержали бы полную победу над всей Галактикой. И знаете, что произошло затем? Знаете, куда они делись? – Он опять сделал паузу, чтобы перевести дыхание. – Они улетели в соседнюю Галактику – Магелланово Облако, где и провели все это время. Я уверен, что некоторые существа, которых я видел на их корабле – именно оттуда. Там произошло то же самое – они поглотили все достаточно развитые расы. Поэтому они вернулись, надеясь, что в нашей Галактике выросли и развились новые разумные расы – и встретили нас. – Он глубоко вздохнул.

– Звучит довольно зловеще, – раздался голос Харлоу после неизбежной паузы. – Есть что-то еще?

– Еще одно, – сказал Самсон. – Они вручили мне в качестве сувенира пластиковую полоску. И дали словесный перевод, который я запомнил дословно. Это статья из энциклопедии: «Человек, имя существительное. Пятиугольный, дипольный, доминантный моноплан, разум 96, если взять для сравнения уровень средней расы кассидов за 100, уроженец Района 10039817...» И так далее. По их меркам, наш уровень разума 96. Впервые за последнюю тысячу двести или тысячу четыреста лет они обнаружили расу, с уровнем больше 75. – Он нахмурился. – Когда я вернулся, и Мидж нейтрализовала введенные мне препараты, я подумал о ней, и мне показалось, что я нашел ответ. Любое определение характеризует определяющего так же хорошо, как и определяемый объект. Эта мысль показалась мне лучом света во мгле, но я все еще никак не могу найти ей применения... – Он несчастно поморщился. – Мне только кажется, что у них очень поверхностная и упрощенная схема классификации, это означает, что им не важна физическая структура... и я предположил, что того кассида, который разговаривал со мной, выбрали потому, что им казалось, будто с ним я буду чувствовать себя уверенней. У него было пять конечностей и ни одной головы, зато у него была вершина и основание, и стоял он вертикально. Следовательно, они считали, что он выглядит, как человек.

– Забавно, – задумчиво перебила его Мидж. – Если уж они так заботились о геометрических очертаниях, то почему не выбрали диполое существо?

– Можно было бы... – расхохотался было Самсон, но тут же резко замолчал с пораженным выражением лица. – Минутку, –

сказал он. — Дайте подумать. Все молчите, особенно вы, Харлоу. Крошка сказала кое-что умное...

Мидж попыталась выразить возмущение, но ей помешала гордость за себя.

— Харлоу, Мидж, — через некоторое время медленно проговорил Самсон. — Есть кое-что в жизни Галактики, что озадачивало нас все шестьсот лет межзвездных полетов. Теперь нам известно, что это не имеет никакого отношения к уровню разума, но мы не знаем, почему все остальные расы, кроме нас, размножаются простым делением, опылением, спорами или грибницей — и живут куда дольше, чем мы, достаточно долго, чтобы восполнить низкий уровень своего умственного развития. Но предположим, что Земля — действительно странная планета. Предположим, что даже кассиды никогда не сталкивались прежде с двуполыми организмами. Я не упоминал им об этом и, готов держать пари, что Джексон тоже. Вы знаете, как трудно это объяснить чужим расам... обычно требуется дней десять, чтобы убедить их, что вы их не разыгрываете. И слушайте, Харлоу... предположим, что я снова пойду туда и возьму с собой Мидж...

КОГДА ОНИ вернулись к себе на корабль, голос Харлоу устало звучал из динамика, повторяя:

— Чарльз, Мидж, где вы? Отвечайте же, черт побери!..

Супруги поглядели друг на друга пустыми глазами.

— Через минуту, Харлоу, — с трудом прохрипел Самсон, покачнулся и побрел следом за Мидж в медотсек.

Оба они были до бровей накачены амофреном — Самсон получил вторичную дозу в течение двух часов, а Мидж дал усиленную.

Они вкатили себе нейтрализаторы и, какое-то время спустя рухнули на кушетки в кают-компании.

— Никогда больше... — слабо простонала Мидж.

Самсон облизнул пересохшие губы.

— Сработало, папочка, — сказал он. — Они проглотили это. Я впрыснул Мидж усиленную дозу, чтобы снизить ее интеллект, по крайней мере, вдвое. Пошел к ним с вытянутым лицом и заявил, что, пока меня не было на корабле, началось изменение. Разумеется, они тут же захотели узнать, что за изменение. Я показал Мидж, и мы разделись перед ними. Может, их и не интересуют физические формы, но они не могли не заметить различий между нами двоими. Они созвали конференцию, исследовали нас, даже просветили рентгеном. Я рассказал им историю гусе-

ницы и бабочки. Точнее, личинки и имаго. Ты – самое уродливое и самое глупое из этих стадий, Мидж.

Мидж издала невнятный звук.

– Я объяснил им, что мы – организмы, проходящие две стадии, – продолжал Самсон. – Одна стадия строит красивые здания, пишет романы, делает все открытия и изобретения. Другая стадия нужна для воспроизводства. Я сказал, что наш цикл составляет сорок тысяч лет – пополам для каждой стадии, но первая стадия – моя, всегда пытается затормозить метаморфозы, потому что вторая стадия так глупа, что разрушает цивилизацию, и всякий раз нам приходится начинать все сначала. Я сказал, что мне ужасно жаль, но метаморфозы начались раньше, чем мы ожидали, и мы ничего не можем с этим поделать... Тогда они сказали, что отправляются в большую галактику – Туманность Андромеды. Может, они отыщут там шестнадцать миллионов миллиардов высокоразумных рас и больше никогда не вернуться. Но в любом случае, у нас есть двадцать тысяч лет, чтобы придумать другое решение этой проблемы. Он вздохнул. – Папочка, конец связи.

Медленно тянулись четырнадцать минут. Самсон и его жена глядели друг на друга и ничего не говорили.

Кассиды попытались обратить Мидж, чтобы понять, действительно ли она так глупа, как сказал Самсон. Мидж реагировала, как надо. Будучи одурманенной, она едва могла осознавать, что происходит вокруг, и слышала лишь отдаленное эхо Слова.

– Не знаю, что и сказать вам, дети мои, – раздался, наконец, в динамике голос Харлоу. – За это вас будут помнить. Помнить очень долго. За последние столетия история была скучным предметом, но нынешний случай ее оживит. Не думаю, что кто-либо не согласится назвать это победой...

Самсон улыбнулся, печально и горько.

– Все зависит от того, – сказал он, – как вы определяете слово «победа»...

(Startling Stories, 1953 № 2)

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика.....	3
МАСТЕРА ЭВОЛЮЦИИ. Роман	5
Masters of evolution (Copyright ©, 1959, by Ace Books, Inc.)	
САБОТАЖНИКИ СОЛНЦА. Роман	83
The Sun saboteurs (Copyright ©, 1961, by Damon Knight)	
УПРУГОСТЬ.....	171
Resilience (Stirring Science Stories, 1941 № 2)	
ЭТО МОЖТ СВУЧИТЬСЯ С ТОПОЙ	175
It Kud Habben Tu Yu! (Imagination, 1952 № 9)	
ОПРЕДЕЛЕНИЕ.....	185
Definition (Startling Stories, 1953 № 2)	

Друзья!

Седьмой том БААКФ, посвященный творчеству Найта, стал последним в этом году. Дорогие читатели, мы уходим на зимние каникулы и прощаемся с вами до конца января. Но, надеюсь, эта разлука не покажется вам долгой, и время пролетит незаметно.

В первой половине нового, 2015 года, выйдут тома, посвященные таким писателям, как Артур Барнс (первый и единственный соавтор Генри Каттнера, если не считать жены последнего Кэтрин Мур), Теодор Старджон, Чэд Оливер и Арнольд Каммер-младший, коллективный сборник о Венере (продолжение подсерии «Дети Солнца»).

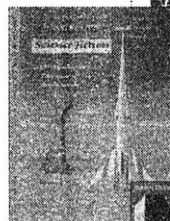
Надеемся, они вам понравятся.

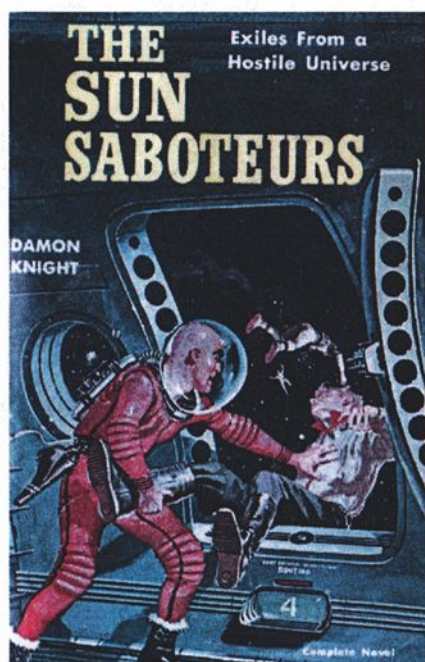
Мы также предлагаем вам написать на ящик переводчика, что бы вам хотелось увидеть в рамках БААКФ во второй половине 2015 года.

И, разумеется, как всегда, опубликованы будут только произведения, которые еще не переводились на русский язык.

С Новым, 2015 Годом всех вас, дорогие друзья!

Удачи вам всем!

ДЭЙМОН НАЙТ

Мастера эволюции